

СЕРГЕЙ ЖЕМАЙТИС

БАГРЯНАЯ ПЛАНЕТА

Библиотека советской фантастики.

Библиотека советской фантастики

СЕРГЕЙ ЖЕМАЙТИС

БАГРЯНАЯ ПЛАНЕТА

Фантастическая повесть

Москва
«Молодая гвардия»
1973

P2
Ж53

Ж $\frac{0732-265}{078(02)-73}$ 197-73

© Издательство «Молодая гвардия», 1973 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Как оценивать события, происходящие в повести? Не можем ли мы, люди космического века, несколько скептически относиться и к марсианским экспедициям, и к загадочной цивилизации, жившей на красной планете еще до зарождения жизни у нас? В какой мере фантазия писателя согласуется с нынешними представлениями о внеземных цивилизациях, и в частности марсианской?

Я не случайно ставил эти вопросы, когда читал повесть С. Жемайтиса.

События последних лет лишили фантастов традиционных «объектов» (по крайней мере, «географических») для их исследования: я имею в виду планеты солнечной системы и околосолнечное пространство. Казалось бы, достижения науки не оставили места для фантазии, они переадресовали ее в далекие галактики и звездные миры. И неудивительно, что фантасты ушли «туда» или в «иные» измерения. Мне кажется, что ценность, и художественная, и научная, такой научной фантастики снижается, потому что человек уж так устроен, он предпочитает с наибольшим интересом следить за событиями, которые разворачиваются в «привычной» для него обстановке. Особенно это касается молодых читателей, подростков — главных потребителей фантастической литературы.

Приятно, что книга С. Жемайтиса развеивает этот миф, она показывает, что писателю, для того чтобы проанализировать сложнейшие проблемы современной философии и науки, совсем не обязательно отправлять своих героев в другие галактики. Это достоинство повести с «географической точки зрения».

Более столетия марсиане довольно часто встречались на страницах фантастических произведений. Но в последние годы, когда автоматические межпланетные станции провели серию фотосъемок поверхности Марса, перед нами предстал безжизненный мир, напоминающий лунный. Судя по этим снимкам, жизни на Марсе нет, даже примитивной. Имеет ли право писатель на утверждения, которые допущены в книге С. Жемайтиса: мол, жизнь на Марсе есть или была? Не противоречит ли это представлениям современной науки? Можно было бы сказать, что это, мол, литературный прием — и только. Думаю, и с этой точки зрения повесть не нуждается в защите: не только о прошлом, но и о сегодняшнем дне на Марсе известно мало. Вполне допустимо, что примитивная форма жизни существует — с полной очевидностью на этот вопрос можно будет ответить лишь лет через 10—15.

Теперь о самой сути, не о внешней стороне событий, происходящих в повести. На мой взгляд, С. Жемайтис коснулся одной из актуальных проблем современной науки. Чтобы не быть голословным, приведу слова президента Академии наук СССР академика М. В. Келдыша из его выступления на мартовском собрании АН СССР, посвященном 500-летию со дня рождения Николая Коперника: «Мы переживаем эпоху, когда человек оторвался от Земли и получает возможность непосредственного исследования планет. Люди, несомненно, достигнут других планет и, может быть, других миров, когда физикой будут открыты новые, еще более эффективные источники энергии. И важнейшие вопросы развития мировоззрения состоят в том, есть ли жизнь где-либо, кроме нашей планеты, не занимает ли человек Земли в этом смысле исключительного положения, происходят ли во вселенной еще не известные нам процессы превращения энергии и массы, которые могут быть использованы для блага человека».

Если оставить в стороне эти актуальные философские вопросы, поднимаемые в «Багряной планете» С. Жемайтиса, нельзя не отметить, что это повесть о нас, о земных проблемах, которые чрезвычайно волнуют человека XX века.

В л а д и м и р   Г у б а р е в

НА ОРБИТЕ

Лик Марса мы видели уже не одну неделю, не тот расплывчатый диск с размытыми линиями, знакомый нам со школьной скамьи, и уже не только внушительных размеров шар с таинственными линиями, темными пятнами и сверкающими шапками ледников на полюсах, наблюдаемых со спутников и космических обсерваторий, а уже гигантское сферическое тело, которое летело на нас, приобретая все более четкие очертания и еще большую загадочность. Мы видели полуразрушенные хребты гор, равнины, если можно назвать равнинами пустыни, перепаханные метеоритами, шапки полюсов и действительно что-то похожее на каналы. Марс и пугал и вселял надежду. На Землю избегали смотреть, крохотная голубая звездочка заставляла тоскливо сжиматься сердце, рождала картины, расслабляющие волю, и мы

старались не думать о Земле, забыть ее хотя бы на время вахты, и это порой удавалось, помогало умение частично выключать память.

А когда иссякали силы бороться с ностальгией, то стремились убедить себя, что находимся на Земле, в тренировочной камере, и «проигрываем» один из вариантов «Земля — Марс». И тоже иногда помогало.

В рубку вошел Христо Вашата, наш командир, первый пилот и прочее и прочее, как его титурует бортинженер и астронавигатор Антон Федоров. Вашата сгоняет озабоченность с лица, улыбается, ему, пожалуй, всех тяжелее, но сказывается школа и характер этого удивительного человека.

— Ну как старик? — спрашивает он.

«Старик» относилось не ко мне, а к Марсу.

— Как он там? Дай посмотреть. — Несколько секунд Вашата, прикинув к окулярам магнитного телескопа, молчит, затем говорит с обидой: — Все метет, метет. Ну и погодка на Марсе! Знал бы, дома остался.

Я не смеюсь, мои губы кривятся в злую улыбку. Я знаю это, но ничего не могу поделать с собой. Эту остроту Христо повторяет бесконечное число раз. Мне хочется сказать ему колкость, но я ловлю его взгляд и невольно улыбаюсь. Вашата, как всегда, понял меня без слов. Кивнул, что равнялось — «извини». Он вошел в роль и все еще повторял свой психологический трюк, не так давно разгаданный Антоном, теперь Вашата «работал» только на Макса Зингера, он как раз вошел и озабоченно уставился в затылок Вашаты, затем спросил у меня взглядом: «Ну как?»

Я пожал плечами.

— Дела! — многозначительно произнес Зингер. — Космос выкидывает и не такие штучки.

— Ты прав, Макс, — кивнул Вашата. — Космос

давно не инертная пустота. Он имеет непостижимо сложный характер.

— Ты сказал — характер? — вкрадчиво спросил Макс.

— Если хочешь, то да. Пусть слепой для нас, непостижимый, но характер, какой бывает у любой среды, воздействующей на психику. Ведь космос теперь — среда обитания разумных существ!

— Если в таком аспекте... — сказал глубокомысленно Макс, бросая нам с Антоном тревожные взгляды.

Вашата снова приник к телескопу.

— У Северного полюса будто стало потише, — сказал он и, оторвавшись от окуляров, посмотрел на космоспидометр: — Осталось каких-то пять миллионов километров...

— Пять миллионов двести тысяч, — поправил Антон Федоров. Он вошел в рубку, чтобы сменить меня на вахте.

— Двести тысяч — сущий пустяк, — сказал Вашата и поднял палец: зажглась зеленая лампочка на панели внешней связи. Два раза в сутки автоматическая станция «Марс-120» передает нам метеосводки, телефильмы, фотографии отдельных участков планеты, над которыми она пролетает и где «трудятся» ее коллеги, совершившие мягкую посадку. Сводки очень подробны, но снимки туманны: вот уже два месяца на Марсе свирепствуют песчаные бури. Сводки зачитывает компьютер голосом Наточки Стоун — диктора из Космического центра. Ни у кого в Солнечной системе не было такого красивого, проникновенного, доверительного голоса, будто все ее тепло и нежность предназначены только для вас, и что бы она ни читала — скучнейшие таблицы или техническую информацию, — голос ее звучал музыкой для космических пилотов. Создавая для нас ком-

пьютер, ребята здорово потрудились, вложив в него богатейшие оттенки Наточкиного голоса.

— Метет, как у нас в январе за Полярным кругом, — изрек Христо. Тоже далеко не новое сравнение. Антон дополнил его еще одним дежурным изречением командира: «И что нам дома не сидится?»

Зингер покачал головой.

Вашата засмеялся первым, у него стало входить в привычку говорить всем известные вещи и повторять древние анекдоты. Дома он слыл остроумнейшим человеком, что дало ему несколько очков перед соперниками на должность командира «Земли». Считалось, что с таким руководителем не соскучишься в полете и его всегдашняя веселость, оптимизм будут благотворно действовать на экипаж, и действительно, первые месяцы Христо так и сыпал остротами — и вдруг перешел на унылые штампы.

В остальном Вашата нисколько не изменился, и мы, как могли, тянулись за ним, все же такая перемена в нем наводила на грустные мысли, космос, как справедливо повторял Макс, выкидывал и не такие штуки с людьми, проверенными и перепроверенными перед полетом в космос.

Антон разгадал эту психологическую загадку, когда мы перевалили за девяносто миллионов километров пути. Он пришел меня сменить у пульта управления и, только открыв дверь, расплылся в своей самой лучезарной улыбке, какой я не видел со дня старта.

— Все проще пареной репы... — начал он.

— Ты заразился от Христо? — не без ехидства спросил я. — Теперь у него будет достойный соперник.

— Не будет, Ив. Прежде я не замечал в тебе ехидства. Ты только послушай! Не зря я имею первую категорию по шахматам и неплохо решаю логические задачи.

Я вздохнул:

— Ну что с вами со всеми творится. Ты никогда не был хвастуном.

— Да я не хвастаюсь, просто ввожу тебя в курс дела, а ты, Ив, продолжай — дыши глубже и слушай. Я разгадал нашего Христо. Ты припомни, как через месяц после вылета действовало на нас его остроумие?

— Надо сказать, неважно. В таком длинном пути все надоедает.

— Не только, он подавлял своими перлами, прямо изничтожал, поднимался над нами, парил, и это при нашей-то депрессии. И Христо понял, что таким способом вгонит нас в полную тоску и печаль, если не хуже, и изменил тактику, вначале сравнялся с нами интеллектуально, а затем как бы опустился еще ниже.

Помнишь, как мы, забыв о своих тяготах, устраивали «консилиумы», на которых разрабатывали тактику и стратегию по «спасению» нашего капитана? А ведь он как кремь! Ты загляни ему в глаза! Послушай, как он поет у себя в каюте! За дорогу он прочитал уйму книг! Ведет дневник, и в нем фигурирует каждый из нас. Смекаешь, что весь огонь он переключил на себя, как говорили наши предки! Кроме того, он, как ты испытал на себе, ввел и режим посерьезней, чем в период тренировок к полету, и все это неназойливо, тактично, будто такая система исходит от нас самих, а не от него.

Тут я наконец понял, из какого жалкого состояния вытаскивал нас Христо. Между тем Антон предложил и виду не подавать, пусть сам Вашата продолжает вести эту игру, она нужна и для него; беспокойство за наше душевное состояние заставляет его меньше сосредотачиваться на своей персоне; и не посвящать Зингера. Забота о капитане, в свою очередь, держала Макса в нужном напряжении. Открытие Антона могло произвести на него обратное действие. А так он был занят

по горло, мучимый ответственностью за здоровье командира, пичкал его витаминами, менял программу физических упражнений, изводил тестами, пытаясь определить степень надлома душевных сил. Через месяц после начала усиленных забот Зингера Вашата сказал:

— В Китае в случае смерти пациента врача обязывали вывешивать над дверями своего дома красный фонарь; чем больше людей он отправит на тот свет, тем больше фонарей украшает его жилище, чтобы каждый мог выбрать себе доктора или слишком опытного, или юнца, только начинающего практику. У тебя, Макс, нет еще ни одного красного фонаря, так что я вручаю себя в твои девственные руки.

После таких слов Зингер пришел в полное смятение и днями просиживал над микрокопиями медицинских справочников.

Макс — прекрасный товарищ, ученый и, как все мы, универсал: он наш летописец, врач, психолог, биолог, космобиотаник — последователь академика Тихова, он верит в существование жизни на Марсе.

— Пусть в самых примитивных формах, но она есть! — любит он говорить при каждом удобном случае. — И вот увидите, я... то есть мы, ее обнаружим. — Пока же он печется о нашем идеальном здоровье и выращивает овощи в корабельной оранжерее, попутно снабжая нас кислородом...

Я сдал вахту Антону, и мы вместе прошли в оранжерею — круглый отсек пяти метров в диаметре, четырех в высоту. С трудом протискались между стеблями лиан к лаборатории Зингера у противоположной стены. Там в обрамлении выющегося шиповника, усыпанного крупными плодами, поблескивали дверцы шкафа, полного пеналов с реактивами, пробирками, необходимой аппаратурой. Он откинул крохотный столик и сиденье. С потолка свисала клетка специальной конструкции, а

в ней висел, ухватившись клювом за прут, наш пятый член экипажа — попугай Феникс, белый с желтым хохолком. Полным именем его звал только Зингер, любивший во всем порядок, а мы просто — Феня, и он охотно откликался.

— Здравствуй, Феня! — приветствовал я его.

Попугай свистнул, засмеялся, подражая Антону, потом передразнил меня: «Здравствуй, Феня» — и спросил голосом Зингера:

— Когда все это кончится? Где выход? Был ли человек в более трагическом положении?

— Помолчи, Феникс! — прикрикнул Зингер. — Как ты стал болтлив. Сейчас банан получишь... Помолчи...

Но не тут-то было. Феня пронзительно свистнул и стал декламировать скорбным голосом, подвывая на концах фраз, как это делал Макс, читая свои «белые стихи»:

— О ностальгия! Проклятое томленье!

Когда ты выпустишь всех нас из душных объятий своих?

Пора уже избавиться от наваждения!

К тебе взываем, Марс, и космос молим...

Макс поспешно сунул в клетку банан, и Феня преврал патетическое причитанье.

Макс смущенно сказал:

— На него тоже действует космос. Знаешь, он начинает сочинять всякий бред, причем провоцирует, подражая мне. Дома черт те что могут подумать, когда этот живой документ начнет выкладывать свои впечатления. Ешь, ешь, болтун несчастный. На орехов.

— Орехи так орехи, — ответил Феня, громко щелкнув скорлупой.

Макс, смущенно улыбаясь, потянул носом:

— Чувствуешь? Ананасы! Всю дорогу барахлили, не хватало калия и микроэлементов, насилу додумал-

ся, — и вот созрели! Отметим прибытие! — И, посерьезнев, спросил: — Как тебе кэп?

— По-моему, хорош, как всегда. — Тут мне стало жаль Макса, и я выложил ему версию Антона.

Макс сказал строго и холодно:

— Ив, дорогой, есть вещи, так же недоступные для непосвященных, как для нас пока просторы Марса. Ты знаешь, психология — такая область, которой я посвятил не один год и продолжаю углублять свои знания. Так что вы с Антоном не делайте поспешных выводов и предоставьте мне, как более компетентному в некоторых вопросах...

Чтобы не затеять ссоры, я попросил разрешения съесть помидор, и Макс ринулся выбирать самый спелый, произнося панегирик этой необыкновенной ягоде...

Могучий Марс прогнал космическую усталость. Нас захватила напряженная предпосадочная работа. Вашата сказал, не отрывая взгляда от приборов:

— У меня странное состояние, какая-то смесь восторга с удивлением. Наверное, такое же чувство охватывает птиц, ну, скажем, скворцов, когда они, преодолев Средиземное море, видят Нил, пирамиды и уже чувствуют под собой твердую землю.

— Сравнение, может быть, и не совсем точное, — заметил Макс, — но в какой-то степени передает наше состояние. Скворцам, конечно, легче...

— Ну не скажи, — прервал его Антон, — попробуй сам помаши столько крыльями.

— Попробую, вот только вернемся...

Виток за витком делает наш корабль, «направив» все свои «органы чувств» на поверхность Марса, ощущая и разглядывает горы, пустыни, моря, кратеры.

Мы на высоте трех тысяч километров, выполняем первую часть программы — фотографируем по-

верхность аппаратами Фокина в инфракрасных лучах; еще некоторые области Марса закрыты пыльными облаками.

За планетой на много тысяч километров тянулся шлейф разреженных газов, он тускло светился в лучах солнца. Марс терял последние остатки газовой оболочки.

Пылевые бури, бушевавшие два месяца, утихли. Вулканический пепел и песок, не менее тонко перемолотый солнечным теплом и космическим холодом, осели на поверхность планеты, осталась туманная дымка из самых легких частиц, она смягчает контуры горных массивов и создает своеобразные миражи: кажется, что впадины морей и глубочайшие каньоны заполнены водой, что в мертвых руслах текут реки, а выветренные базальтовые столбы — рощи исполинских деревьев. Оптический обман. Стоило только взглянуть на экран телескопа, и открывалась щемящая сердце пустыня. Если здесь когда-либо существовала жизнь, то она давно погибла. Если не происходило каких-либо глобальных катастроф, то она, жизнь, приняла самые экономные, мизерные формы. Может быть, споры бактерий, низших растений носятся вместе с пылью, поднимаемой марсианским ветром, и вместе с остатками воздуха рассеиваются в космосе? Мы взяли пробы воздуха на разных высотах, и космобиологи на Земле узнают, верны ли такие предположения.

Внизу проплывает Кратер Черепаховой Спины, хорошо видно плато близ Южного полюса в характерных полосах различных горных пород, срезанных движением ледника... Бесконечно долгая вахта в космосе среди пустоты и неподвижных созвездий сейчас проходила незаметно. Вот уже под нами показался Титониус Лакс — равнина, испещренная кратерами метеоритов, ее прорезает гигантский тектонический ров с берегами,

сильно изрезанными оврагами. Впадина тянется более чем на 570 километров в широтном направлении. Как и разломы земной коры такого типа, она имеет от 50 до 80 километров в ширину, со дна ее поднимается островерхий хребет горного образования. Когда я посмотрел вниз, мне вспомнился Байкал: со спутника он очень напоминает этот ров.

Здесь, в 480 километрах к югу от экватора, на юго-восточной окраине возвышенности Трактус Альбус место нашей посадки.

Включились радиомаяки первого Марсианского космодрома. Автоматическая станция «Марс» установила их здесь еще два года назад. У нас есть еще одна запасная площадка для посадки, подготовленная Космоцентром, она в области Хеллас, по соседству с загадочной впадиной, над удивительными явлениями которой до сих пор ломают головы ученые и многого ждут от нас.

Впадина очень глубока, это удалось установить с помощью спутников, но дно ее светится! Пролетая над ней, мы не заметили на поверхности ее зеркала кратеров, в то время вся равнина вокруг покрыта ими, как оспинами. Может быть, на дне вода? Твердой углекислоты не должно быть, так как температура на этой широте гораздо выше, чем на полюсах. Здесь наблюдались также периодически появляющиеся белые пятна ярче полярных шапок... На все это мы должны будем пролить свет. На плато Хеллас вряд ли мы попадем, но фото- и кинокамеры работают непрерывно, фиксируя каждый камень, каждую трещину.

Макс Зингер спит и видит воду на Марсе. И хотя скоро мы узнаем, есть ли там вода в толще пород и была ли прежде, все-таки ведем горячие споры. Сомневаемся. Все мы, кроме Макса, который успевает шепнуть мне перед посадкой:

— Даже при минимуме воды в воздухе она может просачиваться из почвы. Тогда периодически должны появляться растения эфемеры на его «альпийских лугах». И мы наконец убедимся в существовании там, внизу, жизни!

Пока мы не видим ничего обнадеживающего, только пустыни, кратеры, каменные гряды гор и что-то похожее на тени, какие-то впадины, углубления, похожие на ирригационные системы, открытые у нас на Земле в районах древних цивилизаций. Неужели каналы! Они идут в меридиональном направлении, как и на рисунках Скиапарелли...

С каждым часом видимость становится лучше. Над планетой по-прежнему висит пелена тончайшей пыли, создающей своеобразные миражи. Кажется, действительно, все впадины залиты водой, струятся реки, выветренные базальты выглядят рощами диковинных растений.

Христо включает тормозные дюзы, и корабль опускается еще ниже. Миражи исчезли. Ясней, чем на фотографиях и телефильмах, видны эрозионные процессы на поверхности планеты. У ветра совсем другой строительный почерк, только потоки воды могли создать такие овражные системы, так по-земному оформить склоны Большого Ущелья. Этот желоб в теле планеты, в сто километров ширины и более пяти тысяч километров длины, протянулся вдоль экватора.

— Гигантский резервуар, — не преминул заметить Макс, — сюда стекались воды по рекам и мелким каналам, здесь находился центр цивилизации!.. Если, конечно, здесь когда-либо жил человек, — заключил он с горечью.

На экране радара показалась голубая точка — приближался спутник. Он прошел в тысяче метров от нас, распластав свои «крылья» — плоскости солнечных ба-

тарей, в хитром переплетении антенн, изящный, легкий, стремительный.

Вашата послал запрос, и он мгновенно передал запас информации, накопленный за последние двенадцать оборотов.

Удивительные создания эти автостанции, в них написано столько приборов и они так точны и послушны, что иной раз кажется, что там, внизу, не машины, а свои ребята переживают за нас всей душою, желают мягкой посадки. Шестьдесят часов «Земля» кружилась вокруг Марса. Круглые сутки мы вели передачи на Землю, направив вниз мощные линзы телевизионных камер, или передавали информацию, полученную с автоматического спутника, несколько роликов ему посчастливилось снять в период прекращения песчаных бурь, и дома увидели первый марсианский географический фильм очень хорошего качества. Сколько тогда шума дома наделал «марсианский город». Действительно, глядя на эти нагромождения камней, создавалась полная иллюзия древнего города незнакомой архитектуры, с улицами, похожими на лабиринт, площадями, парками. Все изменилось, как только Вашата направил на «город» наши телекамеры. Оказалось, что это просто остатки горного хребта, каменный оазис посреди красной пустыни...

— Нет-нет, ребята, — сказал Зингер, — не делайте опасных заключений, там что-то может быть. Смотрите, храм! Развалины храма...

Все молчали, сочувствуя Максy.

— Действительно, почему бы не быть там храму, — сказал Антон, заслужив крепкое пожатие и нежнейший взгляд Макса.

Шли непрерывные передачи с Земли, не прямо на экран, а через компьютер, он совмещал разрывы во времени; не совсем удобно ждать, пока слова, транс-

формированные в электромагнитные колебания, будут четверть часа лететь в Москву и еще столько же нам ждать ответа. Компьютер состыковывал фразы в разрывах и выдавал сразу весь разговор, иллюстрируя картинками столицы, показывая милые лица землян, родных, друзей.

— Черт возьми, — сказал мне Антон после очередной совмещенной передачи, — только подумать, что сейчас положительно все там, дома, кажутся необыкновенно близкими, дорогими сердцу. Помнишь Кольку Сучкова из транспортного отдела; сколько он нам испортил крови, такого бюрократа еще не бывало на свете, а вот увидел его сегодня, и слеза прошибла. Ты все записываешь? — спросил Антон у Макса. — Фиксируешь наше поведение, выход из депрессии?

— Моя обязанность. Ты не представляешь, какой богатейший материал у меня уже скопился. Только наше поведение в замкнутом пространстве — тема для докторской. А что впереди! В частности, твоё высказывание относительно изменения оценок отдельных личностей говорит о многом. Недалек тот день, когда миллионы людей станут совершать космические полеты, и представляю, как это отразится на общем уровне их нравственности!

— По-моему, все это иллюзия, — сказал Антон, — Сучков не изменится, пошли его хоть к Сириусу.

Макс только передернул плечами: он не любил, когда опровергаются его заключения, основанные, как он полагал, на тонком психологическом анализе и знании малейших движений человеческой души.

Мы увидели восход Фобоса, он мчался нам навстречу — уродливый космический камень. Как жаль, что уже давно развеялась легенда о его искусственном происхождении. Сколько книг написано о пустотелом шаре, запущенном марсианами вокруг своей планеты. Ве-

роятно, и Фобос и Деймос — осколки Фаэтона, попавшие в притяжение Марса, теперь они носятся в опасной близости от его поверхности и, как предсказывают астрономы, довольно скоро — конечно, в космических масштабах — врежутся в тело планеты, если мы не найдем способ удержать их на орбите.

Зингер оказался верен себе: он первым увидел на Фобосе ровную, как стол, площадку и тут же вывел заключение, что это космодром марсиан.

— Отсюда они запускали свои ракеты, — сказал он. — Неужели вы не заметили, что на заснятой ленте у Фобоса одна из граней представляет как бы плоскость кристалла?

Когда после вахты я заглянул в оранжерею, Феня встретил меня радостным воплем:

— Друг мой, Феникс! Мы с тобой были правы!

Может быть, и на самом деле на Фобосе существовал космодром! Будь я на месте Вашаты, я бы посадил на него «Землю» и обследовал спутник. На нем нет песчаных бурь, там должны остаться сооружения, ангары, может быть, останки людей!..

ПОСАДКА

Планетолет вел себя безукоризненно. Извергая пламя тормозных дюз, «Земля» плавно опускалась на каменистое плато, на «пяточок», после долгих исследований подготовленный роботом. Площадка была ровной, обрамленная каменными столбами и колоссальными глыбами.

На Марсе нет недостатка в посадочных площадках. Бескрайни его ровные, как теннисные корты, пустыни. Но Космоцентр интересовал «приморский» район с довольно сложным рельефом местности, поэтому столько

сил и средств было затрачено, чтобы оборудовать первый космодром на Марсе.

Выбор места впоследствии полностью оправдал себя. В пяти километрах от космодрома находился вулкан, который Вашата назвал Большим Гейзером, через равные промежутки в шесть часов он выбрасывал из кратера очередную порцию сернистого газа с водяным паром, а в остальное время курился желтым дымком. Лучший ориентир трудно было найти в этом районе. В случае урагана каменное ограждение могло послужить хорошей защитой. Мы все еще трудно себе представляли силу марсианских вихрей, хотя автоматы накопили большой материал. У всех в памяти остался случай с первым роботом, застигнутым песчаной бурей; тогда у него не было от нее защиты, и бедняга катился по пустыне, посылая радиовопли на всю вселенную. По счастью, его быстро зажало среди камней и засыпало песком. Когда буря стихла, у него хватило «ума» и сил выбраться из дюн. С тех пор он всегда ложился, как только сила ветра достигала трехсот сорока метров в секунду. Этот робот, прозванный Бедуином, погиб, сорвавшись с кручи, а возможно, опять тому причина ураган. Бедняге не за что было зацепиться, и его сбросило в пропасть. Собрат Бедуина — Туарег-I более совершенное существо, снабженное добавочными конечностями, способное укрываться в расщелинах и закапываться в песок при низком барометрическом давлении. Он нашел посадочную площадку, рассчитал ее размеры, убрал большие камни и настойчиво посылал сигналы о полной готовности космодрома к встрече далеких гостей.

Планетолет мягко присел на свои паучьи ноги, прекратилась вибрация, в ушах звенело от наступившей тишины и волнения. Медленно оседала пыль, поднятая двигателями.

— Поздравляю, ребята! Вот мы и прилетели! — сказал Христо Вашата, как-то буднично, усталю улыбаясь.

Все мы совсем по-иному представляли себе этот великий момент: возгласы радости, объятия, пожимания рук, хлопанье по плечам, а сейчас мы стояли и улыбались, подавленные своим свершением. Видимо, все-таки где-то в недрах сознания таилась мысль: не долетим, не может быть. А долетим, то всякое может случиться. Хотя дома миллионы людей трудились десятилетия, чтобы все получилось как надо. И вот мы смотрим на поле экрана, затянутое красным туманом. Проступают очертания каменных столбов, как на Енисее, каменные глыбы — лбы, отполированные ветром, словно в пустыне Гоби. Да, да, все как будто знакомое — и все же иное: не та окраска, свой скульптурный почерк в отделке камня, не тот фон: небо фиолетовое, как у нас в стратосфере, воздух жидкий, его мало, почти нет.

Наконец Вашата встал со своего пилотского кресла и сказал торжественно:

— Включить телекамеры для планеты Земля!

Начиналось выполнение программы. Нашу посадку передавал на Землю Туарег, теперь подошла наша очередь демонстрировать свое отличное состояние и радость по случаю прибытия на Марс.

— Камеры включены! — доложил Антон.

Теперь мы улыбались, правда, несколько натянуто, но там, дома, отнесут это за счет дальности расстояния, помех. Жали друг другу руки, обнимались. Почти то же самое говорили, почти так же улыбались первые космонавты, вылетевшие за пределы атмосферы. Заточенные в тесные кабины, они испытывали все время изнуряющую невесомость. Их улыбка после приземления была равносильна героическому поступку. Мы летели со всем возможным комфортом: просторные помещения с иску-

ственной гравитацией, могучий автономный корабль, идеальная связь, нас здесь ждали посланцы Земли. Между первыми полетами вокруг Земли и нашим путешествием разница колоссальная, как между переездом через океан на плоту и на лайнере.

Мы даже пытались качать Вашату, да он так ухватился за спинку кресла, что нам было его не оторвать от нее.

— Отставить! Не по сценарию, — нашелся наш Христо. — Идиоты, сорвете с болтов!

— Да, да, не по сценарию, — вздохнул Зингер и, обернувшись к объективу камеры, расплылся в своей самой обворожительной улыбке. Его блаженный лик, слегка деформированный, обошел обложки всех земных журналов, красовался на миллиардах газетных полос. Мы выглядели жалкими придатками к этому человеку, излучающему всепобеждающий оптимизм. Особенно пришелся по душе Макс американцам.

Затем мы от чистого сердца приветствовали Туарега-первого, и он ответил своими позывными и поднятием одной из четырех рук.

По сценарию, разработанному еще в Космическом центре, первым должен был ступить на поверхность Марса Вашата, затем Макс, мы с Антоном оставались в корабле, обеспечивая телепередачу этого величайшего в истории момента и давая пояснения телезрителям земного шара. Все же Макс Зингер сошел по трапу первым и, несколько раз притопнув ногой, сказал:

— Какой великий момент! Марс, прими братьев с Земли. — После этой реплики, кстати, также не предусмотренной сценарием, он подошел к Туарегу и попытался его обнять. У Туарега молниеносно сработала система защиты, и Макс, отлетев на несколько метров, покатился по площадке. Дело могло кончиться траги-

чески, если бы робот нанес ему удар рукой с лопатой или багром.

Как только Макс направился к Туарегу, Антон на всякий случай выключил камеру и включил, когда Зингер в красном от пыли скафандре водружал с Вашатой знамя. Туарег высверлил буровом ямку, и Вашата вставил в нее древко, а Зингер расправил красное полотнище.

Для землян вся церемония проходила в абсолютной тишине, потому что Антон убрал звук, опасаясь, что Вашата выдаст Зингеру по первое число, но у них все прошло тихо, только Христо буркнул:

— Оставь свою самодеятельность... Ты хоть понимаешь, что могло получиться?

— Да, но почему у него не выключили узел самообороны? Идиотское сооружение чуть не поломало мне ребра...

— Прекрати!

Антон включил гимн Советского Союза. Вашата, Зингер взяли под козырек. Ребята из Космоцентра выключили у Туарега узел самообороны, раньше они не могли этого сделать, не то он мог попасть в струю тормозных дюз. Теперь он доверчиво направился к людям и остановился возле Вашаты, глядя магнитными мембранами вслед убежавшему Зингеру. И опять Антон спас положение, повернув тумблер у передатчика. Торжественная часть окончилась. Наточка Стоун объявила землянам, что экипаж после напряженных часов должен отдохнуть, а затем приступит к выполнению дальнейшей программы. Живые слова Наточки долетели до нас через положенные пятнадцать минут, когда Вашата и Зингер уже поднимались по корабельному трапу в шлюз. Затем спустились мы с Антоном, и Вашата заснял на магнитную пленку, как мы, спотыкаясь, ходили

у космолета, разговаривали с Туарегом и он теперь «жал нам руки» и выполнял все, что ни попросишь. Этот ролик использовали для второго сеанса марсианских передач. А затем все, что снимали мы, Туарег, камеры-автоматы посылали домой, там монтажеры составляли марсианские боевики с обязательным участием Туарега. Робот оказался необыкновенно «радиен» и «телевизионен», настоящий герой космического боевика, ставший любимцем мальчишек и девчонок всех континентов. Огромный по сравнению с нами, похожий на средневекового рыцаря, закованного в панцирь, он выбивал стальными подошвами искры из марсианских камней, важно вышагивая следом за «Черепашкой», или брел впереди вездехода, показывая дорогу. Заваливал камнями трещины, сокращая путь на объездах, или брал нас на буксир на крутых подъемах.

— Удивительный характер, — сказал о нем Антон, — сосредоточен, деловит, молчалив, все время находится в состоянии полной готовности совершить невероятное, прямо йор!..

Туарега снабдили ториевыми батареями, практически вечным источником энергии, нержавеющей и пыленепроницаемым корпусом и, главное, как нам поначалу казалось, удивительным искусственным мозгом, способным решать сложнейшие задачи. Для полной иллюзии живого существа ему недоставало только человеческой речи, ее заменяла система сигналов, подчас более практичная, нежели речь, особенно в период ураганов. Туарег напоминал умного парня, лишившегося языка. Он запоминал каждый камень на пути, каждую трещину, безошибочно, в любую пору суток ориентировался по странам света и сумел посадить нашу «Землю». Казалось, что он привязан к каждому из нас, только Зингер вызывал у него неясные опасения, должно быть, в его памяти остался образ бросившегося на

него человека. Макс у не нравилось такое отношение машины.

— Что-то неладно у него в монтаже, — говорил он частенько. — Не может быть, чтобы логически мыслящее устройство сделало отрицательный вывод из нашей первой встречи. По крайней мере, оно должно забыть этот досадный эпизод, надо стереть в его памяти запись нашего прилета.

Вашата хмурился, мы с Антоном помалкивали. После очередной «бестактности» Туарега Макс сказал за ужином Вашате:

— Все-таки стоит покопаться во внутренностях этого балбеса, что-то он мне сегодня особенно не понравился. Послал его разведать дорогу — выполнил, а когда вернулся весь в песке и я хотел почистить его, то он включил ультразвуковую установку и чуть не довел меня до обморока. Пожалуй, ультразвук ему ни к чему? Да и старые записи надо стереть...

Вашата терпеть не мог отдавать категорические приказания, а здесь впервые применил всю силу власти:

— Приказываю, товарищ Зингер, никогда, ни при каких условиях не прикасайтесь к Туарегу.

— Есть, товарищ космический пилот первого класса! — в тон ему ответил Зингер.

Вашата махнул рукой.

— Отставить, Макс. Пойми: если ты выведешь из строя Туарега, мы окажемся в очень трудном положении, сорвется программа, не та, что мы привезли, а та, что диктуется возможностями. Остался месяц до начала сезона бурь и нашего отлета. Умоляю, не прикасайся к Туарегу!

По космической инструкции на корабле должны всегда находиться два человека, чтобы поддерживать постоянную связь с отсутствующими и контролировать их действия. Поэтому, только когда мы с Антоном возвра-

шались, Вашата и Зингер делали короткие вылазки в окрестности космодрома, бурили скважины, брали пробы грунта, собирали минералы. Кроме того, у них набиралась уйма работы, связанной с получением информации от четырех метеостанций и десяти «менестрелей» — так мы называли автоматические станции, совершившие мягкую посадку и теперь путешествующие по марсианским просторам, здесь были и наши «Марсы», и американские «Маринеры», и французские «Сюзанны», и английские «Танки». Помимо всего, Зингер вел летопись нашего путешествия, работал в своей оранжерее и набрасывал заметки о полете и нашем поведении. Он страдал, что не может заняться анализом пород, а должен после облучения контейнеров исправлять на них наши каракули, указывая, где взяты породы, и заполнять карточки. Удивительно, как этот неутомимый человек находил еще время делиться своими мыслями с Фениксом, и тот каждый вечер выкладывал их кому-нибудь из нас.

С некоторых пор Феня стал выдавать тайные мысли своего друга только в его отсутствие.

На третий день после посадки он встретил нас взволнованной фразой:

— Найти бы хоть бактерию! Вирус! Кусочек смолы с мухой, как в янтаре на Балтике... растения! Ты пойми, Феникс, растения! Новая форма, с Марса! — Феня обыкновенно, закончив фразу, пронзительно засвистел и, как все предатели, протянул лапу за гонораром.

Никто больше не подтрунивал над Максом, все мы жили теми же надеждами, хотя с каждой поездкой на «Черепашке» шансов становилось все меньше и меньше, по крайней мере, для нас, все-таки мы были ограничены в возможностях передвижения, обследуя какие-то жалкие десятки километров вокруг космолета. Хотя трудно сказать, самое ли здесь безнадежное место! Гигантской

впадине сотни миллионов лет! Почему бы здесь, на ее берегах, и не возникнуть цивилизации? Море оказалось мертвым, на берегах застыли волны соли, густо присыпанные красной пылью, заваленные обломками. Но всегда ли оно было таким? Возможно, когда-то оно заполняло всю котловину и вода была нормальной солености. Да я и подсчитал, что при высоком уровне количество солей могло не превышать трех-четырёх процентов, а следовательно, водоем мог кишеть живыми организмами!

— Ищите окаменелости! — умолял Макс. — Ну как вы там смотрите? Где? Ведь есть же здесь осадочные породы?.. Христо, разреши мне!

Вашата отрицательно качал головой:

— О дальних экспедициях пока и не думай. У нас с тобой столько всего. Как ты еще держишься на ногах. Приказываю спать не меньше семи часов и фиксировать буквально все, каждый наш шаг. Ты наш историограф и биограф. Все-таки кое-что мы уже сделали, — сказал он в утешенье, — и каждый день что-то приносит новое.

— Обследуйте откосы моря! — настаивал Макс. — Спуститесь наконец вниз, к воде, или к тому, что там еще осталось!

— Не разрешаю. Три километра спуск. Осыпи, камнепады. Тут нужно оборудование, легкие скафандры.

— Какие вы рационалисты! — это был вопль и ругательство одновременно. Сам рационалист до мозга костей, Зингер пускал это слово в ход, когда хотел уничтожить противника, сказать, что у того нет ни капельки человеческих эмоций, что он ни больше ни меньше как компьютер для подсчета голосов на выборах в местные Советы.

— Хорошо, — сказал Вашата, — пустим на склоны Туарега, предварительно подстраховав его, у нас есть

на складе достаточный запас троса, возьмите с километр. Если сорвется, то лебедка «Черепашки» вытянет.

— Давно бы так, — сказал Макс. — Мы должны использовать все! Все шансы. И даже кажущееся их отсутствие. Что смеетесь? Да, это парадокс! А где мы находимся, не в мире парадоксов?

МАРСИАНСКИЕ МИРАЖИ

Антон обмотал талию Туарега полимерным тросом, завязал морским узлом, хлопнул по спине:

— Давай, дружище, чуть чего — выгребай назад, а упадешь, не бойся — вытянем.

— Счастливо, — пожелал я Туарегу, очень уж он выглядел по-человечески: лихой парень в скафандре, не моргнув глазом, спускается в пропасть.

Туарег осторожно двинулся по склону, сплошь состоящему из сланцевых плиток. Антон, сидя в «Черепашке», потравливал трос, намотанный на барабан лебедки. У Туарега оказался идеальный вестибулярный аппарат. Когда двинулся каменный поток, робот замер и так проехал не меньше ста метров, затем стал спускаться по террасе, иногда останавливаясь и орудия геологическим молотком. Образцы он складывал в объемистые мешки по обеим сторонам туловища. Солнце хорошо освещало склон, в разреженном воздухе четко выделялись складчатые, волнистые и поставленные на ребро голубые и темно-бурые породы, ниже, где Туарег перебрался на узкий карниз, лежали темные, почти черные с фиолетовым отливом глыбы кристаллических сланцев, между сланцами просматривались тонкие синие прослойки.

Правее начинался обрывистый склон, покрытый карминовыми потеками, они отливали влажным блеском.

Кровавый водопад терялся внизу, где ослепительно светилось зеркало глубинного моря ртутного цвета, иногда по нему пробегали багровые полосы.

Неожиданно в восточной части моря появилось серебристое облако, похожее на изморозь, поднятую ветром. Облако застыло на черном фоне противоположного берега.

— Выброс углекислоты, — сказал Антон. — Очень эффектно! Как это облако здорово вписывается в окружающий ландшафт!

Действительно, казалось, не хватало только этого облачка, чтобы оживить пейзаж на другом берегу. Там лежала багряная пустыня: красные, оранжевые, розовые скалы самой причудливой формы; совсем готовые скульптуры художников-абстракционистов, виднелись и вполне реалистические изваяния, одно напоминало роденовского мыслителя, второе ящера, тонущего в зыбучем песке. Веяло запустением и тоской.

Я поделился своими мыслями с Антоном. Он ответил тоже с грустинкой в голосе:

— Пейзаж не вселяет оптимизма. Марсианам было скучновато мерзнуть, ходить в скафандрах и любоваться такой панорамой.

— Что, если тогда все было по-иному?

— Возможно. Хотя настроение осталось. Может быть, из-за такого настроения и пошло все прахом.

— Ты серьезно считаешь, что здесь существовала жизнь, люди, цивилизация?

— Иногда приходит такая мысль. Хотя...

Вмешался Макс:

— Неужели тебе мало доказательств? Ах, Антон, Антон!

— Пока негусто.

— А каналы? Ты что полагаешь, что они следствие эрозии? Осадочные породы! Существование морей!

Вашата погасил начавшийся было спор:

— Все мы хотели бы найти следы жизни. Что там у вас? Направьте объектив на Туарега. Вот так, хорошо. Где же он? Довольно. Поднимайте! Только осторожней. Нагрузился он порядочно.

«Черепашка» рванулась к обрыву и остановилась, подрагивая. Канат натянулся. Туарег исчез за выступом.

— Сорвался! — сказал Антон. — Я попробую подтянуть.

Лебедка не брала. Видно, робот заклинился между камней. Чувствовалось по вибрации каната, что он из всех сил пытается выбраться из ловушки.

Я выключил у него двигатели.

— Правильно, — одобрил Вашата. — Ну что будем делать? Жалко Туарега.

Макс предложил:

— Я спущусь вниз. Ребята устали. Ну сам подумай, что мы здесь торчим вдвоем? Вся утренняя программа выполнена. Христо! Ну!

— Действительно, сегодня мы бьем баклуши, но... сам понимаешь, инструкция велит. Просчитано не раз «Большим Иваном», и получены варианты, когда мы оба здесь будем нужны. Ведь сам знаешь?

— Да, но «Иван» не был на Марсе. В программу вводили не те данные.

— Те. Почти те, Макс. Извините, ребята, мы все с Максом митингуем. А вы действуйте! Антон останется с техникой, а ты, Ив, как бывший альпинист, пойдешь выручать этого остолопа, да будь осторожен, как бы у Туарега управление не подвело.

Макс сказал безнадежным тоном:

— Я проходил схемы роботов этого типа..

— Знаю. Будешь консультировать Ива.

Я стал спускаться. Почти с таким же успехом прокатился по сланцевым плиткам, только теперь они ле-

жали плотней. Я смотрел сквозь стекла шлема во все стороны, пытаясь заметить что-либо интересное, хоть здесь все было интересно, каждая сланцевая плитка, каждый камень были дороже алмазов, но я пересиливал себя, не брал ничего, решив, что, если Туарега не удастся вызволить, захвачу на обратном пути, только сунул в карман скафандра что-то похожее на крохотную панцирную рыбку, впрессованную в песчаник. Сейчас эта находка занимает почетное место в Марсианском музее в Москве, на Воробьевых горах, хотя там есть экспонаты и поинтереснее, но с этой рыбешки начинается экспозиция «животного мира Марса».

Я довольно скоро опустился с помощью Антона до злополучного карниза и сам бы полетел вслед за Туарегом, если бы не туго натянутый трос; из-под ног предательски вылетали плитки минерала, похожего на яшму, я не мог стоять, не рискуя сорваться, и сел, свесив ноги. Метрах в десяти застыл, покачиваясь на тросе, наш Туарег. Я улыбнулся, представив себе, как бедняга барахтался, не находя точки опоры. Когда Антон подтягивал его, то он стучался головой о нависшую кромку карниза.

— Все в порядке! — сказал я. — Пожалуй, парень отделался легкими ушибами. Ты, Антон, будешь очень осторожно выбирать трос, а я...

Я хотел сказать, что помогу перетащить его на карниз, и забыл обо всем на свете, посмотрев направо и вниз. Там, метрах в двухстах от общего фона каменных нагромождений, отделились и замерли в невесомости странные сооружения, похожие по своей архитектуре на строения термитов, только несравненно сложнее. Это были ажурные переплетения, каменные кружева. Вглядевшись, я стал различать детали, улавливать в этом целом отдельные части.

На какой-то миг у гладкой, отполированной до бле-

ска каменной стены, вернее обтесанной горы, я увидел город необыкновенной архитектуры под прозрачным колпаком. Я увидел ровные улицы, аркады, заметил облицовку домов с красочными фресками на фасадах, летательный аппарат, плавно парящий над морем, яхту, она подходила к набережной из оранжевого камня с черным парашютом. Стояли суда с непомерно высокими мачтами. Людей я не видел. Так же внезапно картина изменилась. Осталась отвесная стенка обрыва, далеко внизу — холодный блеск озера, терраса, а на ней, как в мультфильме, деформировались прекрасные дворцы, превращаясь в каменные кружева, изъеденные песчаными бурями, разрушенные солнцем и космическим холодом.

Я слышал, как меня окликнули Антон, затем Зингер, Вашата. Я молчал, не в силах произнести хоть слово, издать звук, послать успокоительные сигналы. Я словно окаменел, ожидая, что картина дивного города снова предстанет предо мной. Ничего больше не появлялось. Бесшумно пролетел сбоку камень и, подпрыгнув на карнизе, ринулся вниз.

— Что! Что с тобой, Ив? Тебе плохо? — только испуг за мою жизнь, чувствовавшийся в голосе Вашаты, вывел меня из состояния столбняка, и я стал сбивчиво рассказывать об увиденном.

Зингер шепнул Вашате:

— Вот бедняга. — Почти крикнул: — Ив, возьми себя в руки и скажи толком, где ты все это видел. Только сиди спокойно. Отодвинься дальше от обрыва. Не эти ли столбы?

В голосе его слышалось разочарование и тревога.

— Мне тоже показалось, — сказал Антон, — да ты не волнуйся. Действительно, развалины, вот поднимем Туарега... Только не волнуйся, я сейчас подтяну его...

Его перебил Макс:

— Ив! Где же он? Где твой город? Ну что ты сидишь как изваяние? А ты, Антон, погоди со своим роботом. Здесь такое, а он... Пстой, Христо! Ив! Ив, это не те ли обломки, что ниже тебя? Какой же это город?

Наконец они все увидели мою террасу и разочарованно молчали добрую минуту, затем засыпали меня вопросами. Я наблюдал развалины в другом ракурсе — сбоку, а они сверху, затем Христо и Макс стали смотреть через мой «телеглаз», у Макса вырвался торжествующий вопль:

— Ну что я говорил?! Что? Теперь вы наконец видите сами! Конечно, это город. Христо! Пусть Ив спустится в город! Пожалуйста!

— А Туарег? Скоро стемнеет. Ребята пять часов в скафандрах. Успокойся. В город пойдем завтра. Он еще стоит.

— Все?.. Я тоже?

— Нет, мы, как всегда. Тебе будет добавочная работа — размещать находки Туарега по контейнерам. Осторожней!

Последнее относилось ко мне и Антону. Туарег уперся головой в нижнюю кромку слюдяного карниза, мне с трудом удалось оттолкнуть его, и Антон выволок его на карниз. Дальше Туарег полез сам и потащил меня за собой, с завидной легкостью волоча два мешка, раздутых от собранных образцов. Он все пытался пополнять коллекцию, хватая двумя свободными руками приглянувшиеся ему камни, и только после моего приказа, казалось, с неохотой отбрасывал их в сторону. Видно, удары о камень не прошли для него даром. Антон попытался его «подлечить», но, приоткрыв спинную панель, поспешно поставил ее на место: до того невообразимо сложным показался ему «организм» Туарега. Теперь ему могли помочь только на Земле,

куда он больше никогда не вернется, а нам отныне прибавилась еще одна забота — следить за каждым его шагом.

КАКТУСЯТА

Вашата сделал магнитную запись нашего с Туарегом спуска по обрывистому берегу моря, он записывал все, включая каждое наше слово, о чем мы узнали много позже и что принесло немало огорчений, особенно Макс, который хотел выглядеть «идеально» перед лицом потомков.

Просмотр фильма, кстати, почему-то не особенно хорошего качества, вызвал двоякое чувство. Сначала мы все действительно видели город, но при вторичном просмотре все выглядело иначе, и даже Макс засомневался, город ли это, а не выветренные породы, природа способна и не на такие штуки, особенно марсианская, где ее творчество, видимо, переживает период застоя, когда трудно создать что-либо порядочное, располагая такими скудными возможностями.

Мои «видения» Макс отнес за счет нервного переутомления:

— Произошло то, что нередко случается с такими впечатлительными субъектами. В их подсознании создаются желаемые образы, то есть то, что мы называем галлюцинациями. Я бы на твоём месте, Ив, денька два посидел дома.

Меня выручил Антон, сказав, что на какой-то миг и ему почудилось что-то вроде города, только не там, где мне, а на противоположном берегу.

— Скорее всего, это фата-моргана! Марсианский мираж, — тут же определил Макс.

— Да, но мираж — явление оптического характе-

ра, — сказал Вашата. — Допустим, что в разреженной атмосфере с большим процентом углекислого газа миражи также могут возникать, но тогда должны существовать и города, и моря, и корабли, которые видел Ив.

— Да, здесь что-то не совсем ясно... — признался Макс с неохотой.

Затем все наше внимание переключилось на окаменелую рыбу. Макс заключил ее в толстый полимерный шар, облучил и, уговорив Вашату, с величайшими предосторожностями доставил в наш салон — он же кухня, столовая и просмотрный зал.

Сомнений быть не могло. Перед нами находилась копия — часть головы и половина тельца — живого существа, жившего миллионы лет назад в марсианских водоемах.

Вашата предупредил (в который раз):

— Надо, ребята, вести себя чрезвычайно осторожно. Это не луна, где и то найден в теплой вулканической зоне грибок. Сейчас мы еще не знаем, возник ли он в местных условиях, когда на Луне была какая-то атмосфера, или грибок занесен из космоса, а может быть, и с Земли, но он быстро приспособился к местным условиям.

Макс сказал:

— Тот прелестный грибок в лунных лабораториях-оранжереях достигает гигантских размеров. И вполне съедобен! Да мы же все ели из него котлеты! Разве забыли? Перед стартом.

Вашата терпеливо дождался, когда Макс закончит.

— И все-таки нам надо держать ухо востро. Можем такое занести в корабль! Надо учитывать, что наша приспособляемость к незнакомой среде несколько ниже, чем у лунных грибов.

Подошел час земных передач: немного хроники со-

бытий, лица близких. Моя мама сказала, покусывая губы:

— Ты надеваешь шерстяное белье? Передавали, что у вас ужасная погода...

И целый поток указаний из Космоцентра.

Вашата сказал, отправляя нас спать:

— Вот начнется переполох, когда они там получат портрет нашей рыбы...

Среди ночи меня разбудил сигнал тревоги. Такого еще у нас не было, даже когда на тридцатом миллионе километров от Земли во время вахты Вашаты корабль врезался в пылевое облако.

В пилотской кабине уже находились командир и Антон. Зингера не было.

Вашата сказал:

— Сработало реле «внезапной опасности» в оранжерее.

Это реле изобрел и установил Макс во всех жилых помещениях. Очень чувствительный прибор, реагирующий на повышение колебаний электрического поля человека.

— Макс! — позвал Вашата. — Что произошло?

На экране видеофона появился виновато-радостный лик Макса. Перебарывая волнение, он прохрипел:

— Да у меня... реле среагировало на повышение поля... Вы не верили... и вот...

— Да что случилось, что у тебя за вид? Макс! Возможно, ты видел дурной сон? Или поле повысили твои растения?

— Нет, дело не в растениях. Я учел их потенциал... — Макс явно тянул, блаженно улыбаясь.

— Да у тебя шокое состояние, — тихо сказа. Вашата, — я сейчас зайду к тебе.

— Ко мне пока нельзя. Видишь ли, прибор оказался потрясающе чувствительным...

— Кончай свой лепет, Макс, — сказал Антон. — Что у тебя там стряслось?

— Ну я к тому и веду. Да ко мне нельзя, у меня карантин. Имейте это в виду... Дело в том...

— Продолжай, — устало проронил Вашата.

— Я не знаю, каким образом занесли зерно или спору, оно еще только прорастает. По виду что-то вроде кактуса, очень своеобразной формы... Микроактус марсикус! Звучит?

— Звучит, и очень внушительно, — сказал Вашата.

Макс улыбнулся, совсем как в школе, когда горел нетерпением поделиться своей удачей.

— Антон, Христо, Ив! Я закрыл их в колбах, ну тех, что заметил. Посадил под стекло. Что-то невероятное! Я сейчас покажу. Вот видите! Нет, вам плохо видно. Лучше покажу в увеличенном виде через проектор. — Он повозился немного, и на экране появилось множество колючих шариков, похожих на какой-то вирус, увеличенный в двести тысяч раз.

— Всего десятикратное увеличение... Смотрите, он зацветает! Теперь вы видите цветок, увеличенный в семьсот раз! Невероятная красота!

Феня повторил:

— Красота, красота. Пожалуйте Фенечку...

— На каждом более сотни таких цветов, замечаете, что цветы небесно-голубые! Видимо, были и насекомые, сейчас он самоопыляющийся. Пыльца красная, но нет ни пестика, ни тычинок.

— Макс! — Вашата глотнул слюну пересохшим горлом. — Макс, ты представляешь, что получится у тебя к утру?

— Вполне. Я загерметизировался. Связь только таким путем. Я также заметил, что эти малютки мгновенно прорастают в минимальном присутствии воды.

— Поищи способа задержать прорастание. Ты что,

в своей университетской лаборатории? Забыл, где находишься?

— Вашата, милый мой Христо. Я все понимаю, отдаю отчет, но пойми и ты меня! Ведь это настоящая жизнь! Кактусята, по всей вероятности, безвредные, хотя в симбиозе с ними могут жить и вирусы. Ко мне никто ни ногой! С голоду я не умру. Если придется, проживу здесь до дому. Вы как-нибудь перебьетесь на консервах. В складе есть витаминизированные концентраты.

Экран погас. Вашата откинулся в кресле.

Корабль вздрогнул.

Антон сказал:

— Наверное, обвал на море. Там столько камней нависло.

— Работает Большой Гейзер, — сказал я.

— Да, он иногда изрядно потряхивает, — согласился Антон.

Оба мы посмотрели на Христо. Он сидел в той же позе. Показал головой на дверь:

— Отправляйтесь спать. Завтра день будет не легче. Что, если эта гадость проникла во все отсеки и начнет заполнять корабль? Ну хорошо, без дискуссий на эту тему. Спать!

Он остался в кресле.

Почему-то меня не особенно потрясли марсианские кактусята, хотя я полностью отдавал себе отчет в том, что нас ждет, если так просто проникают в герметический корабль семена марсианских растений. Лежа в гамаке, я самонадеянно думал: «Теперь меня уже ничем нельзя ни удивить, ни испугать. — И уже засыпая: — Почему марсиане не перебрались внутрь планеты, там тепло, мы видели, как из ее недр вырываются газы. В подземные жилища можно было нагнетать воздух или там получать его, регенерировать. Что же здесь произо-

шло?» После того как я увидел мираж города, у меня не осталось никаких сомнений, что здесь жили люди, и почему-то твердая убежденность, что сейчас их здесь нет. «Что же произошло?.. Ведь никаких веских доказательств у меня еще не было. Мне могло показаться, и там, над пропастью, вовсе не город, а обыкновенные камни». Я улыбнулся этим мыслям и, засыпая, опять увидел город, но теперь уже другой, больше первого. Я бродил по его пустым улицам, рассматривал фрески с изображением тонких, высоких людей. Меня привлекала живая картина. Девочка с огромными глазами, тонкая, как тростинка, сидела на оранжевом берегу лилового моря и играла в песочек, она, как наши ребяташки, насыпала его в формочки, прищепывала лопаточкой, строила горку: подняв высоко руки, она сыпала из прозрачных ладоней оранжевый песок, я без удивления увидел, что у нее по четыре пальца на руке, а вместо ногтей золотые ободки...

В семь часов утра, когда мы вдвоем пили кофе, грустная физиономия Макса материализовалась на экране видеофона:

— Они не перенесли повышенной дозы кислорода. Я создал почти чистую атмосферу из кислорода. Они все погибли! Все до одного. Почернели, — в голосе Макса чувствовалось неподдельное горе.

— Вот и прекрасно! — Вашата встал, опрокинув кружку. — Хоть здесь повезло. Ты же, — он погрозил Макс, — будешь у меня сидеть двое суток в карантине.

— Не надо мне было открывать колбу... — вслух подумал Зингер. — Хоть бы там остались семена.

— Не горюй, — успокоил Вашата. — В камнях и песке их будет достаточно. Завтракай своими бананами и снова проверь, нет ли у тебя еще кого-либо из гостей. Молодец, Макс, как это тебе в голову взбрело потратить их кислородом?

— Христо! С кем ты говоришь? Послали бы меня с тобой, если бы... Ах, Христо, Христо... Вот что, ты тоже займись дезинфекцией. Процент кислорода доведен до восьмидесяти пяти процентов. Ни рентген, ни ультрафиолет на них не действуют, как ты знаешь, здесь достаточно космических излучений, было когда привыкнуть к ним...

ГОРОД НАД ОБРЫВОМ

К городу над обрывом нашлась довольно удобная дорога по впадине овражного типа. Может быть, когда-то ее действительно размыло водой, а в последующие тысячелетия ветер обрабатывал склоны и устилал дно песком и пылью. Пыль — главный компонент марсианской почвы, она микроскопична и покрывает почти всю планету, сглаживает ее и без того однообразный плоский рельеф. Оригинальный только по окраске, да и то пока не привыкнешь к его оранжево-серым тонам. Только горы здесь великолепны. Они вздымаются прямо, без предгорий, из песчаной равнины, удивляя глаз своим величием, лепкой склонов и сочетанием необыкновенных красок.

По оврагу, или, как Антон его назвал, «розовому каньону», из-за своеобразной нежно-розовой окраски слагающих берега пород мы добрались почти к самым развалинам.

Антон высказал предположение, что выемка искусственного характера и по ней когда-то шла настоящая дорога к городу. Как покажут дальнейшие события, мы оба были не правы, овраг образовался много позднее, после смерти города.

Туарег вел себя вполне удовлетворительно: получив приказ, он всю дорогу шагал впереди «Черепашки», разобрал завал из камней, к счастью, не особенно боль-

ших; после завала «Черепашка» могла пройти еще с полкилометра, а дальше, с разрешения Вашаты, который следил за каждым нашим шагом, мы отправились пешком, всего каких-нибудь сто метров над нависшим обрывом.

— У меня такое ощущение, — сказал Антон, — будто я побывал здесь. Всю ночь, и до того, как разбудил Макс, и после, мне снились марсианские сны.

— Мне тоже...

— Не знаю, что снилось тебе, а я уже шел по этой дороге, только без щебня и всей этой шелухи под ногами. Справа над обрывом шло ограждение из каменной решетки какого-то замысловатого рисунка. Сейчас этого ничего нет. Стена слева была вся в рисунках, какие-то морские пейзажи.

— Суда с высокими мачтами?

— Совершенно верно. Нам с тобой чудится одно и то же. Надо избавиться от такого состояния. Сейчас тебе ничего не кажется?

— Нет. А тебе?

— Также все нормально, только будто за тем поворотом еще что-то есть на стене.

— Успокойся, Антон, — сказал Вашата. — Вы скорее возвращайтесь, посмотрите, что за древние развалины, только не держите объективы против солнца, вчера получилось много смазанных кадров.

Зингер добавил:

— Смотрите под ноги, в расщелины, там, где могут находиться растения, и возьмите под этим навесом по горсточке песка.

— Никакого песка! — приказал Вашата.

Туарег поджидал нас на повороте. Отсюда открывался фантастический вид на море и противоположный берег. Но мы с Антоном только мельком взглянули на всю эту красоту и завернули за угол. Там действитель-

но на стене сохранилась часть фрески, картину покрывал слой пыли, серые потеки, но можно было разобрать силуэты каких-то странных животных.

— Марсианские быки, — сказал Антон. — Фреска шла дальше, здесь, внизу, кустарник с красными и белыми цветами. — Он поднял серую плитку, вытер ее перчаткой, на ней засветилось тусклое золото: часть ветки с колючкой.

— Вы что примолкли? — спросил Вашата.

— Фреска, — сказал я, — на стене.

— Что на ней? — выкрикнул Макс. — Ну что?

— Марсианские быки и колючий кустарник, — сказал Антон.

— Направьте лучше объективы! — приказал Вашата. — Вот так. Ну где ваша фреска? — он говорил теперь совершенно спокойно, даже с легкой иронией, словно ничего особенного не произошло. — Что-то не похоже на картину. Все смазано, расплывчато. Пятно на сырой стене, а не фреска.

— Стена сухая, — с обидой ответил Антон. — Видишь, совсем сухая. Вот половина туловища одного быка. Хотя он мало похож на быка, скорей шестиногая антилопа.

— Шестиногая? Ты ошибаешься, Антон, — сказал Макс. — В природе все по большей части целесообразно. Шесть ног просто не нужны такому не особенно крупному животному, да еще на планете с незначительной силой тяжести. Ты все ноги на фреске отнес к одному «быку», пожалуй, он больше похож на быка, чем на антилопу. Ну-ка сотри пыль с нижней части. Осторожней. Эх...

Фреска сползла и раскололась на множество кусков.

— Не прикасайтесь больше к ней, — сказал Вашата, — может, до следующего раза.

Макс попросил:

— Ребята, посмотрите, нет ли на стене чего-либо похожего на плесень или лишайники?

— Запрещаю! — сказал Вашата. — Хватит с нас кактусят. Можем подхватить такой экземпляр марсианской жизни, что он за кислород только спасибо скажет. Теперь у нас главное — археология. Семян микрофлоры, думаю, мы захватили достаточно.

Когда мы очутились на улице города, впечатление у нас было такое, что здесь давным-давно, не один десяток лет, работают археологи, они расчистили и даже подмели улицы, только кое-что оставили для колорита, обломки камней на мостовой. Вблизи строения казались, как и с карниза над пропастью, такими же хрупкими, с тонкими стенами, широкими оконными проемами. Здания тянулись на целые кварталы, в два и три этажа, но были многогранные сооружения непонятного назначения без окон, в один этаж. В планировке ощущалась целесообразность, гармоничное сочетание с ландшафтом. Даже сейчас, источенные временем, развалины украшали берег мертвого моря. Вначале мы шли очень осторожно, боясь прикоснуться к стенам, казалось, что руины только и ждут, чтобы рассыпаться в прах — до того они устали стоять над погруженным в тишину морем. Я поднял обломок и поразился, как он легкий, что-то вроде пенобетона, только несравненно прочней.

— Алмазный бетон, — сказал Антон. — Смотри, Туарег прошел вон по той тоненькой плитке, и она целехонька. Дома, видно, отливали целиком, нигде нет швов.

Мы вышли на круглую площадь с возвышением посредине.

— Здесь стояла скульптура, — сказал Макс.

— Возможно. — Вашата вздохнул и добавил: —

Пора, ребята, возвращаться. Снимки получились. Больше здесь делать нечего.

— Сейчас уходим, — сказал Антон. — Только пусть Туарег немного покопает в этом доме.

— Даю десять минут, — неохотно согласился Вашата.

Как хорошо, что мы оставили Туарегу лопату. Он выкопал амфору незнакомой формы, тяжелую, покрытую липкой пылью, кусок стекловидного вещества, матового от времени, множество черепков из материала, похожего на пластмассу, и несколько странного вида прямоугольных пластинок с множеством отверстий разного диаметра, как потом определил Макс — от микрона и до трех миллиметров. Пыли на них не было, отверстия не засорены, когда Антон взял одну из пластин, она стала менять цвета, как шелковое полотно под разными углами к источнику света.

— Судя по вибрации, она как будто звучит! — сказал Антон и опустил пластину в сумку Туарега.

— Хватит на сегодня, — сказал Вашата, — возвращайтесь той же дорогой.

Прежде чем уйти, я заставил Туарега расчистить от щебня кусочек мостовой на площади. Она оказалась выстланной фиолетовыми плитами.

Наш обратный путь Макс использовал для съемки фильма.

— Теперь идите вы вперед. Туарег — позади. Вот так! Отлично! Какое освещение! Ив нагибается, поднимает... Да поднимай что угодно! Не забывай, что мы открыли марсианский город и здесь каждый камень — ценность. Стоп! Антон, возьмись за остатки стены. Прекрасно! Пошли дальше... — И так всю дорогу до самого корабля Макс заставлял нас задерживаться, брать в пригоршню песок, рассматривать камни, делать величественные жесты в сторону гор, глядеть на небо, усеян-

ное звездами при ярком солнце. Мы безропотно подчинялись, зная, что Макс работает для истории.

Когда мы подрулили к лифту, возле него нас нетерпеливо ожидал Зингер, чтобы уложить всю нашу добычу в грузовой отсек.

Мы сидели в столовой, стерильные после обработки под серией душей.

Антон сказал:

— Мы могли еще часика два порыться в пыли веков. Вот куда бы забросить настоящую археологическую экспедицию со всем оборудованием.

— Так и будет в следующий раз, — улыбнулся Вашата. — Пока Макс занимался съемками, я принял ролик из Космоцентра. Сплошные поздравления и рукопожатия. Судя по всему, ученые набросились на снимок нашей рыбы и пейзажи развалин. Представляете, что творится сейчас, когда они получили записи сегодняшнего дня! Ох, попадет нам по первое число за фреску, особенно мне достанется. Ведь у нас уйма инструкций на все случаи жизни на Марсе, даже, как вы знаете, разработаны системы контактов с местными обитателями. Сегодня Андреев выступил с повторением лекции, что читал нам перед отлетом.

— Насчет «враждебной жизни»? — спросил Антон.

— Точь-в-точь в тех же выражениях. Повторил для прессы и телезрителей. Ему еще раз хочется убедить всех и себя самого, что он сделал все для успешного полета «туда и обратно». Надо и его понять — необыкновенная, мучительная ответственность. И все же...

— Мне это непонятно, — сказал Антон. — Надо всегда быть тем, кто ты есть.

— Да, но он теперь Главком Космоцентра. Должностн всегда накладывали отпечаток. Вот я, например... Как, ребята?

Мы с Антоном переглянулись.

— Бывает, — сказал Антон.

— Да-а? Серьезно?

— Не часто, ты умеешь сдерживаться.

— Стараюсь. Вы тоже не сахар. Вот сегодня, говорю — кончайте раскопки, а вы еще стали площадь разметать.

— Но фиолетовые плитки! — сказал я.

— Плитки плитками... — поморщился Вашата.

— А престиж! — сказал Антон, толкая меня в бок. Вашата улыбнулся:

— Бывает. Иногда обволакивает чувство собственной необыкновенности. Кажется, что ты теперь «сам не свой», принадлежишь истории! Вот с этого и проникает в нас вирус исключительности.

— Какая там исключительность, — Антон махнул рукой. — Из пятисот кандидатов мог лететь каждый, просто нам повезло.

— Я тоже так думаю... И все-таки прошу выполнять мои указания все без исключения.

— Ну это ясно, — сказал Антон.

— Извини, — сказал я, — за плитки.

— Все. Не будем забывать, что мы попали в необычную среду. Надо быть собранней. Контролировать каждую мысль, каждый шаг. Я все не могу понять, каким путем пробрались к нам кактусята. Значит, что-то нарушено. Вы сегодня, наверное, ругали меня за добавочную дезинфекцию.

— Ругали, — признался Антон. — Ругали и понимали, что надо.

— Надо, ребята!.. Но где же Макс? — Он не выключил видеофон. — Макс, ты не упаковал себя в контейнер с огорчения, что я лишил тебя свободы передвижения по планете Марс?

На экране появилась стена нашего хранилища со

множеством гнезд с контейнерами. Потом показался шлем и за его стеклом оторопелое лицо Зингера.

— Вот, — сказал он, подняв амфору. На ее теперь чистом боку появился красочный морской пейзаж. — Видали? — спросил Макс звонким мальчишеским голосом. — Я слегка протер — и появились краски, и все время меняются, он живой. Смотрите, какой цвет воды и на нем множество яхт. Ребята! — Он повернул амфору, и там знакомая уже мне девочка сыпала из прозрачных ладоней оранжевый песок. И мы встали и почти вплотную придвинулись к экрану, пораженные больше, чем вчера, когда увидели развалины. У нас всегда теплилась надежда обнаружить следы ушедшей жизни. Сейчас же мы были не подготовлены к необыкновенному явлению, у нас не было объяснений увиденному. Макс позволял нам поочередно любоваться изображениями на стенках сосуда, и мы не могли оторваться от них.

— А теперь послушайте, как звучит эта вазочка! — Он поднял амфору к мембране шлема. — Странная музыка, не правда ли? Вы не находите? Наверное, корпусу амфоры передается малейшая вибрация, хотя непохоже. Будто в ней самой источник звучания.

— Скорее всего разболталась какая-то техническая деталь, — сказал Антон, — хотя, что мы знаем об их технике! На каком принципе основаны эти «живые» гравюры? Уму непостижимо! Пролежали столько тысячелетий, а может, и столетий — и никаких изменений. Мне становится не по себе, когда я вспоминаю про фреску с антилопами.

— Что-нибудь еще случилось? — спросил настороженно Вашата.

— Да я их видел до этого!

— Час от часу не легче.

СВАЛКА МУСОРА

В этот вечер мы долго не ложились спать, в нарушение «Инструкции о суточном распорядке в длительных полетах в космическом пространстве, а также на планетах Солнечной системы, исключая Землю». Пришел Макс в совершенно невменяемом состоянии, посолил сладкий кофе, положил в кружку масла и, обведя нас взглядом, спросил:

— Что я делаю?

— Кофе по-марсиански, — ответил Антон.

— Ты еще можешь шутить, а у меня в глазах та девочка. Если смотреть на изображение пристально, оно увеличивается, полное впечатление реальной картины. Я все думаю, что с ними случилось? Судя по тем крохам, что нам посчастливилось найти, мы в стране великой цивилизации. Я теперь твердо уверен, что каким-то непостижимым путем они воздействуют на нашу психику. Стремятся передать нам информацию о себе.

Вашата молчал, не перебивая, хотя утверждения Макса носили по меньшей мере рискованный характер.

— Как, почему они погибли? — продолжал Макс. — Даже мы смогли бы здесь существовать, построив город под куполом. Они обладали и техникой, и знаниями более высокого порядка, раз смогли создать такое чудо, как эта амфора, а потом мы не знаем, что это за звучащие пластины, о чем они звучат! Может быть, когда-то узнаем! Здесь работы на века, я в этом твердо уверен. Если мы до сих пор у себя дома роемся на Востоке и находим все новые и новые загадки. До сих пор не можем расшифровать письмена критян, этрусков, народов древней Индии, то как мы подойдем к языку марсиан, их письменности?

— Их гибель загадка, — сказал Антон, — все же я

думаю, что они погибли от того, чего мы избежали чудом.

— От атомной войны? — спросил Вашата.

— Да. Здесь и без того трудно удерживать атмосферу, несколько водородных взрывов могли почти начисто унести всю воздушную оболочку. С тех пор накапливалась только углекислота, поступающая из недр планеты.

— Люди погибли от радиации, — в раздумье сказал Вашата, — хотя при облете приборы не зарегистрировали повышенной радиации. Но время все могло сгладить.

Я тоже внес свою лепту в эти мрачные предположения, сказав, что к тому времени атмосфера, видимо, была и так бедна кислородом и влагой, марсиане ушли под землю, создали купола над городами на ее поверхности. С понижением атмосферного давления купола разрушились, и население погибло от удушья, а оставшиеся в подземных убежищах постепенно вымерли вследствие непривычных условий.

— Все очень по-земному, — сказал Вашата, — мы не можем отделаться от своих представлений, от своей логики. Не будем пока гадать. Может, найдем еще что-нибудь.

Макс сказал:

— Они вполне могли оставить «живые книги», фильмы. Вы, ребята, не гонитесь за пустяками, ищите самое существенное...

Проснувшись утром, я не припомнил ни одного сна, то же самое сказал и Антон.

Когда я после душа заглянул в оранжерею, Феня встретил меня новой версией о гибели марсиан:

— Поверь мне, дружище, все дело в вирусе! Эпидемия! Вот так-то, дорогой пернатый друг!

— Все это домыслы, — отозвался из-за банановых

листьев Макс. — Ты его не слушай, он все врет последнее время и меня сбивает с пути истинного.

Феня захохотал басом, подражая Вашате, и в заключение свистнул тонко и протяжно, как запись завываний марсианского ветра.

С вечера я вложил в Туарега программу ночного поиска, он должен был не спеша обойти окрестности космодрома и через каждые пятьдесят метров выкопать яму. На каждую станцию ему давалось десять минут. Сейчас на экране робот стоял как изваяние на красном поле и, казалось, внимательно рассматривал наш корабль своими магнитными глазами, у его ног лежал труп марсианина, так, по крайней мере, нам показалось: длинные ноги, тонкий в талии торс, головы и правой руки у него не было, тело облегал костюм, как на арлекине: желтый в черную широкую полосу.

Первой нашей мыслью было, что Туарег наткнулся на кладбище.

— Как он сохранился! — воскликнул Зингер. — Но что за костюм! Как у наших дорожников, ремонтирующих шоссе. Тогда почему его похоронили в рабочем платье? Нет, товарищи, он погиб при обвале, и никакого там не кладбище, а парня засыпало камнями, поэтому нет ни головы, ни руки. Все-таки вы их поищите. Привезти домой марсианина!..

— Погоди, Макс, — остановил Вашата. — Кто бы он ни был, домой брать не будем. Рискованно. И вы к нему не прикасайтесь. Может, у них действительно была эпидемия. Только, Макс, ты его сними во всех ракурсах, пусть Туарег повертит. Свет сейчас великолепный. Ив, дай команду!

Туарег поднял свою находку, повернул, и мы увидели, как спина отошла на шарнирах в сторону, в корпусе виднелись различные узлы, скрытые в твердых чехлах, болтались провода.

В этот день мы видели останки еще множества роботов на гигантской свалке мусора. Она заполняла двухсотметровую выемку, которая начиналась за каменной грядой к северу от космодрома и терялась за горизонтом. Туарег ночью наткнулся на нее в той ее части, где отбросы покрывал песок, он добросовестно копал там ямы и выбрасывал горы рухляди. Робота он захватил потому, что в его «память» ввели новую запись: «Брать только предметы, по форме не похожие на камни», камней он натащил целую гору, и из нее только килограммов двести попали в хранилище корабля.

Снимки этой первой свалки хорошо известны, видны на ней и роботы, торчащие из груды пластмассовых вещей, летательные аппараты разных конструкций, и все это среди невообразимого множества вещей непонятного нам назначения и незнакомых конфигураций. Мы проехали вдоль свалки десять километров, а ей все не было конца, в одном месте по склону оврага оползень обнажил на триста метров хаотическое нагромождение отбросов, но основания выемки не было видно.

Вашата спросил:

— Сколько же столетий все это копилось? Больше половины вещей выглядит вполне годными. Наверное, выходили из моды, заводы работали на полную мощность, людям все это доставалось без особого труда, и они потеряли цену вещам.

— Ты обрати внимание, что почти все из пластмасы, — сказал Зингер. — Стой, ребята, мы запечатлеем вот этот склон с машиной, похожей на наш грузовик...

Антон заставил Туарега принести большой шар с пробитым боком, на нем появлялись и исчезали яркие блики...

— Да это глобус! — сказал Макс. — Школьный глобус. Только не потеряйте!

Минут десять мы рассматривали поверхность плане-

ты, с колдовским мастерством нанесенную на глобус. Впоследствии нам посчастливилось найти еще одно такое учебное пособие. На первом глобусе картина планеты не менялась. На втором по желанию можно было увидеть не только географию, но экономику, животный мир, геологию планеты, к несчастью, на Земле изображения пропали, и не только на глобусах, но и на амфоре.

Прошло два часа, как мы покинули корабль, но мы не думали о возвращении, молчал об этом и Вашата, слушая Зингера: Макс нашел еще одну из возможных причин гибели марсиан.

— Здесь миллионы, а может быть, миллиарды тонн полимеров! — говорил он. — Полимерам скормили кислород и азот. Мы хоть и мельком видели на глобусе, что здесь были лесные массивы, особенно вокруг водоемов, на экваторе и в здешних субтропиках. Леса уничтожили, все пошло на пластмассы. И в то же время шло безудержное строительство машин, наземных и воздушных. Машины тоже сжигали драгоценный кислород, отравляя воздух производными окиси углерода.

— Мы еле ушли от этой угрозы, — сказал Вашата. — Но и Землю не сравнить с Марсом — у нас могучая атмосфера, океан, леса!

Зингер мрачно сказал:

— Пятнадцать тысяч водородных бомб, взорванных одновременно, могли унести атмосферу в космос, и Земля могла превратиться в нечто похожее, правда, с обильным отравленной воды, мертвыми городами.

— Неужели у всех живых существ, обладающих разумом, один путь развития? — вслух подумал Антон.

Никто не ответил. «Черепашка» поднялась на пригорок. Впереди скупое марсианское солнце освещало купол, спрятавший под себя город.

Антон схватил меня за руку. Я не помню, как оста-

новил «Черепашку». Не проронив ни звука, словно боясь, что спугнем видение, мы с Антоном смотрели на возникшую перед нами картину. Мы понимали, что сейчас невозможно существование подобного оазиса среди безжизненной пустыни, на планете, почти лишенной воздуха, и все же нас не покидала мысль, что все это реально и мы действительно открыли последнее прибежище марсиан.

Туарег, не получая команды, продолжал шагать по направлению к городу, к нему вела дорога — она начиналась недалеко от нас, — вымощенная желтыми плитами, обсаженная бордовыми кустарниками, все пространство вокруг города занимала растительность с бурыми, красными, голубоватыми листьями. По дорогам бесшумно мчались крытые машины. В воздухе бесшумно парили несколько летательных машин, одни из них напоминали наши музейные теперь аэропланы-этажерки, другие в виде дисков, шаров, цилиндров.

— Что вы стали? — спросил Вашата. — Случилось что-нибудь?

— Остановите Туарега! — сказал Зингер. — Он шагает к северному полюсу.

Виденье ушло в песок оранжевой пустыни.

— Вы ничего не видели? — спросил Антон.

— Что опять? — с тревогой в голосе спросил Вашата. — Возвращайтесь. Да верните Туарега.

ЖЕЛТОЕ ПЯТНО

Началась вторая неделя, как мы опустились на пески Марса. Семь дней стояли многих лет по количеству впечатлений, обрушивавшихся на нас почти беспрестанно, особенно последние дни. Мы находили необыкновенные памятники культуры, идеальной организации быта,

видели на «живых фресках» людей, почти землян, занятых трудом, углубленных в размышления. В районе, где мы с Антоном видели иллюзорный город во всем его величии, находились сейчас его развалины, там Туарег раскопал вход в подземные заводы. Специалистам надо еще разобраться в принципах марсианской техники, судя по архитектуре, люди здесь не присутствовали, только механизмы и имитации людей — роботы различных назначений. Удалось нам заглянуть за все время марсианской жизни еще в три подземелья — и нигде следов постоянного пребывания там человека: голые стены, облицованные яркими плитками без единой фрески, орнамента, и машины, машины, казалось, заполнившие залы бесконечной длины. Марсиане не хотели, не могли, не любили жить в давящих душу помещениях, под толщами скал. Они больше всего любили просторы пустынь, свои леса, моря и особенно небо. Фиолетовое небо Марса! Как оно прекрасно! Почти так же, как и земное. Наша атмосфера создает иллюзию тепла, звезды у нас лучистые, там небо было жестче, холоднее, но от того оно не теряет своей величественности, вечной тайны. Любимой темой марсианских художников было небо, выполненное в стиле «живой техники», и почти на каждой картине среди искорок созвездий горела голубым светом наша Земля.

Гордый народ, осознавший свою силу, могущество, воспитывался как «светоч жизни», равный звездам, и он жил, мыслил, любил, чувствуя всегда их благословенный свет: звезды на Марсе видны и днем. Спрятаться от света Млечного Пути — дороги в вечность, от боготворимой «звезды надежды» — значило для них уподобиться самому жалкому из существ, восьминогой слепой песчаной мыши, источающей скверный запах.

Они преодолевали опасности, созданные предками в эру неумного развития техники, когда уничтожались

леса, сжигался драгоценный кислород, атмосфера перенасыщалась углекислым газом. В герметических городах система жизнеобеспечения во многом превосходила нашу в звездолете. Еще несколько веков — и люди снова могли бы выйти из укрытий, под теплое, поголубевшее небо. Если бы опасность страшнее атомных войн, эпидемий, космических катастроф не таилась в них самих. «Черепашка» бойко бежала по бурой равнине, подгоняемая жидким ветром. Начинался сезон песчаных бурь. Исчезла кристальная чистота ядовитого воздуха, красноватая пыль висела в воздухе, сглаживая очертания скальных скульптур, изваянных ветром. Высоко над головой в фиолетовом небе сиял совсем крохотный кружочек солнца. По нашим земным представлениям, здесь солнце почти не грело, и все же его могучей силы хватало на то, чтобы вечно будоражить атмосферу планеты, перемещать миллиарды тонн песка, разрушать остатки древних гор, людские города, превращая их в пыль и щебень.

Перегоняя нас, пронеслось марсианское перекаати-поле — шар не больше футбольного мяча из жестких как проволока стеблей, колючек и оранжевых коробочек с семенами меньше маковых зерен. Перекаати-поле — посевная машина, способная бесконечно долго высевать семена, а когда их запас кончится, продолжать свой стремительный бег, не теряя надежды в конце концов остановиться. Когда ей удастся наконец зацепиться своими колючками в овражке или застрять между камней, то через несколько минут из нижних стеблей выйдут желтые корни и станут сверлить песок, добираясь до слоев, где есть хоть признаки влаги, через час оно зацветет большими, непостижимо прекрасными цветами и опять готово в путь сеять семена жизни.

Антон сказал, провожая взглядом перекаати-поле:

— Невероятная приспособленность. Та же, что и у

микроактусов. Вот еще подтверждение неистребимости жизни. Создание ее невероятно трудно, нужны миллионы благоприятных сочетаний, чтобы она возникла, поэтому жизнь так редка во вселенной, а, раз возникнув, она неистребима. Так велик у нее запас эластичной прочности. Эти марсианские колючие шарики выдерживают и космический холод, и непомерную жару! Готовы хоть сейчас переселиться на другую планету, в другую галактику, куда угодно, или ждать миллионы лет дома, пока не произойдет чуда и Марс оживет. С человеком сложнее. Человек появляется на планете только раз. Как жаль, что они не дождались нас.

Я сказал:

— Возможно, они еще уцелели?

— Каким образом? — одновременно спросили Вашата и Антон.

— Спят в анабиозе. Может, еще сохранился крохотный поселок или даже целый город где-нибудь. Марс велик.

— Ну нет, — сказал Антон. — Наш прилет не мог остаться незамеченным при таком уровне цивилизации.

— А миражи! — воскликнул Макс. — Это ли не сигналы, что жизнь существует.

— Существовала, — поправил Вашата. — Все, на что они указывали, что видели Ив с Антоном, оказалось развалинами. А возможно, что это результат перенапряжения, в котором мы живем все это время.

Как всегда, Вашата был прав. Мы замолчали. Действительно, почему мы находим только развалины городов, следы ирригационных сооружений, высохшие моря, удивительные памятники, фантастическую утварь, звучащие пластины — вероятно, книги, которые мы никогда не прочтем.

Долго ехали молча. Туарег шагал впереди, точно следуя по заданному курсу. Мы ехали в новом направ-

лении по Оранжевой пустыне, по совершенно ровному, прибитому песку, выполняя намеченную программу исследований. Здесь, на северо-западе от мертвого моря, еще при посадке механический картограф отметил темную россыпь не то камней, не то, как мы теперь считали, развалин.

Туарег обошел столбы из оранжевого песчаника, похожие на колонны — а может, это были самые настоящие колонны древнего храма, — и опять взял прежнее направление.

В шлемофоне раздались предупредительный сигнал и голос Христо:

— Ну как, друзья? Все двигаетесь?

— Нет, летим, — в тон ему ответил Антон.

— Далеко еще?

— Километра два.

— Не задерживайтесь особенно. Развалины нас уже не особенно интересуют. Да не загружайте Туарега. Зингер уже заполнил все свои контейнеры. Берите только необыкновенное.

— Здесь все необыкновенное, — мрачно сказал Антон. — Мы что-то совсем заелись. — У Антона последние дни часто портилось настроение без всякой видимой причины.

— Что там поделывает Макс? — спросил я, чтобы разрядить обстановку.

— Сидел все тут со мной, а минут пять назад я его послал заняться проверкой и дезинфекцией отсеков. После вашего отбытия он обнаружил, что в его скафандре проросла круглая колючая проволока. Приказал выбросить скафандр. Вот к чему приводит нарушение элементарных инструкций! Так что прошу вас...

Раздался смех Макса — он подслушивал:

— Скафандр ведь твой, Христо. Ты вчера в нем выходил поразмяться.

— Мой! Но позволь... Как же это?

— Загадки Марса.

— Все равно, ребята. Тем более надо ухо держать востро. Если уж ко мне заползло перекасти-поле!

— К нам пока не заползло, — сказал Антон и, сжалившись над Христом, добавил: — Не беспокойся, кэп, мы теперь стали живыми параграфами космических инструкций. Если уж что случится, то не по нашей вине.

— Ладно, Антон. Кажется, вы подъезжаете. Ветерок усиливается. Что-то темнеет впереди. Да это Туарег. А за ним что-то вроде кучи камней.

— Приехали, — сказал я, — очередные развалины.

— Не лезьте под обломки даже вслед за Туарегом. Разрешаю передвигаться только в открытых пространствах.

Мы с Максом переглянулись: действительно, вчера перед самым носом у Туарега рухнула стена, подняв облако пыли, не оседавшее целых полчаса.

«Черепашка» остановилась у самых городских ворот, то есть там, где они когда-то стояли, представляя собой множество шлюзовых камер. Судя по развалинам, мы еще не встречали такого большого города. У него сохранилась часть гигантского купола, состоявшего из множества воздухонепроницаемых ячеек, напоминающих соты. Остатки купола держались на одной уцелевшей арке без подпорок, перемахнувшей через все развалины. Рухнувшие арки и купол погребли под собой весь город в южной его части, на севере кварталы домов почти везде уцелели.

Город мог сохраниться целиком, если бы не ветер, он «подмыл» основание его, хотя и отлитое на скальной породе. Нам предстоит определить, сколько потребовалось тысячелетий, чтобы ветер мог снести стометровую

толщу песка, разрушить фундамент и снова засыпать ров, а заодно и развалины.

Туарег мастерски прокладывал дорогу к уцелевшей части города. Архитектура строений здесь, по меткому выражению Антона, отличалась «печальной пышностью пантеонов». Дома в два-три этажа, видимо, тоже из литого камня, с плоскими крышами, служившими местом для прогулок; между домами через улицы переброшены мостики. Стены домов без излишеств, зато необыкновенно пышных расцветок, украшенных орнаментом и фресками. На облицовку стен шла эмаль еще более яркая, чем на самаркандских мечетях, она и сейчас местами светилась на затененной стороне тусклым светом, как старые витражи в католических храмах. Только направив луч фонаря на золотистую стену, я заметил, как стара эмаль: вся в бесчисленных трещинах, в щербинках.

На улицах сохранившейся части города почти не было песка и мельчайшей пыли, которую поднимает ветер Оранжевой пустыни. Пыль лежала на порогах дверей, на узких подоконниках. Двери закрыты, и даже Туарег, которому Антон приказал открыть дверь, не смог выдавить ее.

— Крепко строили марсианские товарищи! — сказал Вашата.

— Да, очень! — ответил Антон. — Вот смотри слева, какая чудесная фреска: «Марсиане на прогулке». Они все были по два метра, а этот синебородый, что держит за руку ребенка, — более двух. Зато они тоньше, даже видно через одежду, какие они тонкие.

Миновали дом с фреской и повернули на очень широкую улицу с двумя бесконечными домами по обе стороны излюбленной марсианами фиолетовой мостовой.

— Тут совсем ни песчинки! — сказал Антон. — Все дело в тяге, ишь как посвистывает в шлемофоне!

Вскоре мы убедились, что дело не только в тяге. Что-то на этой улице отталкивало от мостовой пыль и песок. Антон обрушил горку розового песка на подоконнике, и песочное облачко, не коснувшись дороги, взмыло вверх и унеслось в сторону развалин.

Антон посмотрел на меня и с удивлением сказал: — Странная дорога. Она отталкивает все, что падает на нее. Замечаешь, как по ней легко идти. Смотри, — он показал небольшой камешек, который чем-то ему понравился возле городской стены, и бросил его на мостовую — камень еле притронулся к плитке и взвился под самый купол.

Я сказал, что давно заметил, что стал намного легче, хотя здесь и так тяжесть невелика.

— Впечатление такое, что можно улететь, если по-сильней оттолкнуться.

— Пожалуйста, без экспериментов, — сказал Вашата. — Долго вы еще намерены идти по этой улице? Еще раз попытайтесь проникнуть в дом.

— Еще немножко, и повернем, — сказал Антон и показал мне глазами на стену. Там медленно, соразмерно нашим шагам, двигался желтый кружок величиной с метательный диск.

Я тоже давно приметил его, но принял за повторяющуюся деталь орнамента. Почему-то я не заметил, что круг движется, хотя чувствовал, что мне все время хочется взглянуть на эту стену.

— Может, солнечный зайчик? — спросил Вашата.

— Откуда ему взяться, солнца не видно, — сказал Антон. — И фиолетовая мостовая, и этот круг связаны как-то. Видишь, мы стали, и он остановился, а сейчас поплыл. Ты-то его видишь? Может, тебе мешает какое-нибудь поле, блокировка?

— Никакой блокировки, мы все почти с Максом видим. Вот теперь круг проглянул сквозь пыль, а вы и

правда бежите, как лунатики. Может, сигнализация? Неужели кто уцелел?

— Вряд ли, — ответил Антон. — Если кто уцелел, то зачем все эти фокусы? Просто остатки какой-то системы оповещения. Таким способом можно было найти нужную квартиру, ну понимаете — код. У каждого человека был свой код, свое поле, если хотите, и этот прибор реагировал. Есть и другой вариант: круг рассчитан на ночное время...

Макс не дал ему договорить:

— Странно слышать подобный лепет. Ты хорошо знаешь, как освещались их города. Вот и сейчас еще светится стена, хотя по ней и бежит ваш круг.

Я ждал, что Антон не полезет за словом в карман и вспыхнет словесная перепалка, нередкая у нас за последние дни. Но Антон ответил необычайно мягко:

— Скажи-ка лучше, как твои успехи в борьбе с местной флорой. Почему они облюбовали скафандр Христо?

— И в моем появился экземплярчик, в шлеме! Как они быстро подрастают! Были бы только следы влаги! Представляешь, если он начнет расти, когда костюм надет!

— Да, вещь неприятная. А кислород?

— Несколько замедляет темпы роста — и только.

Между тем светящийся круг остановился над углублением в стене, по виду у двери без ручки. Непонятно, как она открывалась. Антон вернул Туарега, который шел и шел вдоль улицы, громяхая на мостовой стальными подошвами. Туарег выжидательно остановился, устремив взгляд на стену с загадочной дверью. И мы молчали, не зная, что предпринять.

— Пусть Туарег поднажмет плечом, — посоветовал Макс, — а сами отойдите подальше.

— Неудобно, — сказал Вашата. — Вроде нас при-

гласили, а мы, не дождавшись, пока хозяева нам откроют, взламываем дверь. Подождем.

— Сколько? — спросил Макс. — Сколько можно ждать?

— Минут десять.

— Ну а если не откроется?

— Ломать здесь ничего нельзя.

— Пожалуй, ты прав, Христо, — вздохнул Макс, — как всегда, и точен в своих суждениях, как корабельный хронометр.

— Из которого вытягивают пружину...

Словно поразмыслив немного, круг сполз на дверь и остановился посередине, затем плита, служившая дверью, стала медленно ползти вправо, в стену, открывая угольно-черный проем.

— Вот видите, — промолвил Вашата, — нас приглашают войти. Нет, постойте! Может, пустить вперед Туарега? Или не стоит, он там пол провалит или натворит других бед. Посветите сначала, что там.

Антон и я направили в дверь рефлекторы, и мгновенно дом внутри осветился. Мы увидели многогранный холл с дверью на каждой грани и терявшийся вдали коридор, свет лился зеленоватый, приятный.

— Ну что я говорил, — не преминул заметить Зингер, — даже сейчас у них работает осветительная сеть.

Странно, но у нас не было страха. Не было мысли, что нам расставил кто-то ловушку, даже не нам, а кому-то другому, и вот она сработала, заманивая нас.

— Приглашают, — сказал Антон, — надо идти, Христо!

— Да, да, конечно, — ответил Христо, — идите, только особенно не задерживайтесь.

— Пожалуйста, не опускайте свои телеглаза в землю, то есть в Марс, — сказал Зингер. — Не забывайте, что мы входим в их первый дом!

— Наверное, здесь какое-то хранилище — сработала автоматика, — сказал я, все же с опаской делая первый шаг.

И к Вашате начали возвращаться его всегдашняя осторожность и благоразумие.

— Заходите, только очень осторожно, — сказал он, — что-то мне не очень нравится этот дом без окон, ползучий кружок и ваша антигравитационная улица. Все же войдите, только долго не задерживайтесь. Чуть что — Туарег выручит. Считайте, что вы делаете очень короткий визит вежливости, не больше. Ив, сначала иди ты. Антон, подожди, будь с Туарегом начеку.

Позже Антон сказал, что его обуревало жгучее любопытство без тени страха и только привычка к дисциплине заставляла медлить у дверей и ждать разрешения Вашаты, а не то он бросился бы в дом, как на приступ. Оставив Туарега у порога, он все-таки умудрился обогнать меня и первым войти в дом.

— Вполне прилично, — сказал он, обегая взглядом стены, потолок, пол, — хозяева обладали бездной вкуса, смотри, какой орнамент, какие фрески, вот хотя бы на потолке: кактус весь в цветах! Здесь опять девочка с песочком, как на амфоре! Она совсем живая, улыбается, какие изящные движения рук, ее тельца, и как она смотрит на нас!

Я ничего не видел, кроме портрета девочки, он занимал центральное место в вестибюле, его окружали марсианские пейзажи, видимо, в пору благоденствия. Антон подошел ко мне, и мы вместе стали смотреть на это чудо. На живом личике с золотистой кожей все время менялось выражение, она закусывала тонкие губы, хмурилась, когда песок падал не туда, улыбалась, прихлопывая горку прозрачными ладонями с золотыми ободками вместо ногтей. Она смотрела сквозь нас, о чем-то думая, поворачивала голову в сторону моря, прислушивалась

к плеску воды, к голосам, похожим на мелодичное пение.

— Ни пылинки! — шепнул Антон, оглядываясь теперь с опаской, и у меня холодок побежал по спине, чары спали, в сердце пришла тревога. Я подумал: «Может, уйти поскорее отсюда». Антон понял и задом стал отступать к порогу. Сделав пару шагов, он словно прирос к полу, глядя на девочку. Где-то в глубине дома слышались мягкие, неторопливые шаги. Я видел сквозь шлем, как побелело лицо Антона, и сам почувствовал страшную сухость во рту.

Дверь медленно, без шума закрыла выход. Первой мыслью было, что мы попали в западню, теперь никто нам не поможет. Туарег тщетно будет ломиться в броневую плиту, заменяющую здесь двери.

— Так. Понятно... — сказал Антон.

— Думаешь, влипли?

— Еще как...

— Что у вас стряслось? Мы вас не видим! Что молчите? — взволнованно спросил Вашата.

Я с трудом повернул шею и увидел марсианина. Точно он сошел с фрески, такой же высокий, изящный, длиннорукий, с вытянутым лицом и огромными, как у девочки, глазами. Он шел неторопливой и скользящей походкой, откинув голову, прижав руки к туловищу.

— Что случилось? — крикнул Вашата. — Да отвечайте же!

— Здесь живут, — прохрипел Антон, — здесь люди...

— Марсианин! Он идет к нам! — Я не узнал своего голоса.

Вместо ответа Вашата и Зингер часто задышали в микрофон, наконец Вашата сказал:

— Врете, черти. Ну разве можно так...

— Он уже близко! Подходит! — крикнул Антон.

В микрофоне опять слышалось частое дыхание наших товарищей.

Марсианин остановился в десяти шагах от нас, развел перед собой руки, и мы слышали его певучий голос, красивый и печальный. Лицо его было неподвижно, только чуть приоткрывался маленький тонкогубый рот. Он был лыс. Голова и лицо цвета тусклого золота. На широкую грудь ниспадала роскошная ассирийская борода цвета воронова крыла, вся в завитках. Нос тонкий, длинный, с тупым концом, без ноздрей. Ушных раковин не было. Костюм такой же, как на фресках, — такие фигуры обыкновенно изображаются на заднем плане — облегающий, серый, с желтыми продольными полосами. Ступни ног длинные. На ногах красные туфли или что-то в этом роде. В первые мгновенья я еще обратил внимание на кисти рук — сухие, с четырьмя пальцами.

Мы с Антоном раскланялись, насколько позволяли жесткие скафандры.

Антон сказал через рупор в шлеме:

— Мы, люди Земли, приветствуем вас!

Макс прошептал:

— Братья! Братья по разуму!

— Да, братья по разуму, — повторил Антон.

В ответ марсианин пропел короткую фразу и повел рукой в сторону коридора.

— Нас приглашают! — громко, уже несколько оправившись от потрясения, сказал Антон.

— Надо идти, — сказал Вашата, — судя по всему, он хорошо к нам настроен. Да прибавьте звук: плохо слышим. Вот и отлично, опять появилась видимость.

— Симпатичный! — сказал Макс. — Какая осанка! Почему он раньше не дал знать?

— Тише, Макс. Все выяснится, и перестань тискать мое плечо.

— Извини, Христо...

Марсианин отступил в сторону, уступая нам дорогу, что-то сказал непонятное, но по тону доброжелательное, затем быстро перегнал и пошел впереди не оглядываясь.

— У него третий глаз! — прошептал Антон. — Смотри, на затылке.

За нами внимательно наблюдал этот глаз.

По обе стороны коридора находились двери, закрытые и открытые. Комнаты были пусты, только по стенам за прозрачными стеклами виднелись сосуды, напоминающие колбы и реторты, приборы из причудливо перевитых трубок, темные футляры.

— Видно, мы попали в научное учреждение, — сказал Антон, — по обе стороны коридора лаборатории или хранилища реактивов и приборов.

— Хорошо, хорошо, — сказал Вашата, — только вы не замыкайтесь в себе, передавайте все, что видите, а то опять побежали полосы по экрану.

— Еще один марсианин! Очень похожий на первого, только костюм темно-палевый, тоже в полоску.

— А у первого? — спросил Макс.

— Не перебивай! — остановил Вашата. — Продолжай, Антон!

— Этот в желтых туфлях, борода рыжая. В руках лучевой пистолет...

Второй марсианин стоял в дверях лаборатории, когда мы с ним поравнялись, он тоже пропел длинную фразу и повел пистолетом, целясь нам в грудь.

Проямлив что-то в ответ, мы невольно подались к противоположной стене и ускорили шаг.

Комментируя этот эпизод, Антон сказал:

— Это охрана. Воин. Тоже с тремя глазами.

Мы все идем по коридору. Пол розового цвета с фиолетовым отливом или фиолетовый с розовым. В глазах все путается. Стены необыкновенной красоты! Роспись! Сцены из жизни марсиан: дома, на прогулке, созерцание

небесного свода... Схема Солнечной системы... Все планеты и наша Земля!.. Завод!.. Или лаборатория... Нет, завод... Гигантская клетка... Пошел научный раздел, чистая гистология... Здесь надо походить, чтобы разобраться... Впереди еще один из охраны. Без бороды. Тоже с пистолетом. Водит по стене. Стены светлеют.

— Да у него пылесос! — совсем весело воскликнул Антон. — Действует на каком-то непонятном принципе. Этот товарищ даже не оглянулся. Сильно смахивает на робота!

— Уборка в вашу честь, — сказал Зингер.

Антон спросил меня:

— Ты не находишь, что и наш гид, и тот строго держатся, как-то скованно. Или оттого, что столько лет пролежали в анабиозе и еще не размялись, или...

— Думаешь, тоже роботы?

У меня давно мелькала такая мысль и гасла под наплывом необычных впечатлений, я отгонял ее. Мне не хотелось расставаться с иллюзией, что мы наконец встретили живых людей; все время мы хотели этого, ждали, и вот наконец, когда увидели, услышали их речь, так похожую на звучание решетчатых пластин, приходится отказываться от мысли, что перед нами настоящие люди. Антон прав — движения у чернобородого чересчур скованны, шаг слишком размерен. Похожих с виду роботов мы находили в мусорной куче, и недавно Туарег выкопал прямо в пустыне совершенно целый экземпляр. Конечно, нам трудно было сравнивать. Наши хозяева, по всей видимости, принадлежали к высшему разряду думающих человекообразных существ, наделенных высочайшим интеллектом. Над этим сейчас бьются наши кибернетики, и Туарег далеко не последний образец. На фресках роботы изображались на заднем плане, в несколько условной манере, хотя по внешнему виду эти существа ничем не отличались от людей, кроме костюма, да еще почти

всегда изображались за каким-нибудь подсобным занятием. Мы их считали рабами или людьми низшей касты, «нормальные» марсиане не любили отягощать себя физическим трудом, по крайней мере, изобразительное искусство не отражало такого рода их деятельности.

Антон сказал:

— Совершенно разумные существа. Может, это киборги? Они помогут нам найти ключ ко всему, мы сможем понять их язык, и тогда многое прояснится.

Вашата тревожно спросил:

— Что вы там опять шепчетесь? Антон! Ты почему молчишь?

— Так, посоветовались. Видно, мы попали к роботам. Они остались вместо марсиан. Цивилизация роботов!

— Дело в том, что здесь почти нет воздуха и температура сто десять ниже нуля! Я как-то вначале не обратил на это внимания! Посмотрели бы вы, какая здесь чистота! Только роботы способны столько времени втягивать пылесосами пыль. Ну и все сомнения исчезли...

— Ну хорошо, хорошо, — сказал Вашата. — Долго вы еще будете идти?

— Кажется, нет. Да вы не бойтесь. Просто нас знакомят с каким-то научным учреждением. Наверное, научно-исследовательским институтом. Справа и слева все двери раскрыты, комнаты стали еще больше. Везде что-то вроде сейфов, непонятное оборудование, очень оригинально оформленное. Свернули в зал. Дальше тупик, стена красного цвета. Зал огромный, с очень высоким потолком, потолок фиолетовый, как небо, и на нем горят созвездия. Двигутся планеты.

— Какие планеты? — спросил Макс. — Земли не видно?

— Помолчи, Макс! — остановил Вашата. — Что еще у вас там?

— Посредине большой, очень большой черный ци-

линдра. Вдоль стен тянется черная панель с множеством приборов. Возле них человек двадцать роботов.

— Человек? — спросил Макс.

— Не придирайся... Главный, хозяин или директор, предлагает нам сесть.

— Садитесь! — разрешил Вашата и спросил: — Что еще в вашем зале?

— Ничего! Даже стены без росписи, только приятной раскраски, не пойму, какого цвета; где нет панели, много ниш — наверное, там выдвижные двери. Против нас как будто нет стены, так иногда кажется. Она то отходит куда-то и вдруг приближается.

— Экран! — сказал я, сам не зная, откуда такая уверенность. Мы сели в удобные мягкие кресла, как у нас на корабле. Они появились как из-под пола, а может быть, стояли возле черного цилиндра, да мы их не заметили, хотя трудно было их не заметить: они оранжевые.

Тогда мы просто не задумывались над этим, пропустили такие пустяковые мелочи по сравнению с тем, что мы уже видели и что испытывали сейчас. Меня все время не покидало ощущение, что передо мною живой марсианин. Что ж, что у него скованные движения, пусть в помещении нет кислорода и страшно низкая температура. А что мы знаем о марсианах? Может, они дышали углекислым газом и не боялись холода? Я очень ясно помню эти бредовые мысли и передаю их сейчас, чтобы понятней было наше душевное состояние.

ПОЛЕТ В ОРАНЖЕВЫХ КРЕСЛАХ

Чернобородый все время находился возле нас, издавая певучие звуки, действующие успокаивающе на наши взвинченные нервы. Он стоял лицом к стене, дрожащей, как воздух над пашней в жаркий день. Мы тоже стали

глядеть на стену, и я почувствовал нервную дрожь. Антон тоже чувствовал себя не лучше: слышалось его частое дыхание.

Зингер умоляюще спросил:

— Ну что? Что там у вас? Что вы только сопите ногами?

Антон ответил хриплым голосом:

— Ив прав. Это экран. Мы смотрим на серо-розовую стену, за ней будто что-то намечается, что-то просвечивает. Да, да!

Мы видели облачное небо. Теперь раскрылась панорама с высоты тысячи, а может, двух тысяч метров. Здесь не на Земле, трудно определить точно. Перспектива пустыни, горизонт слегка размыт, видимость поразительная! В центре панорамы город — вернее, колоссальный купол, сверкающий на солнце, он разноцветный, выложенный плитками цветного стекла или пластиком. К нему ведет канал. Несколько дорог, обсаженных бурым и голубым кустарником. По каналу движутся корабли, те, что мы видели на фресках, в воздухе летательные аппараты, несколько штук. По дороге идут закрытые машины. И к городу, и от города. У них нет правил движения на дорогах: движутся хаотично, лоб в лоб, но не сталкиваются. «Муравьиная система». Наверное, у машин программное управление, как у нашей «Черепашки» с «недремлющим оком». Идут на огромных скоростях, увертываясь друг от друга. Но вот вторая дорога, там нормальное, левопутное движение, скорость километров триста!

— Первая прогулочная дорога, — сказал я тоном гига, — вторая — деловая междугородная связь.

— Ты откуда знаешь? — спросил Макс.

— Знаю, — ответил я, сам дивясь своей уверенности.

— Так оно и есть, — поддержал меня Антон. — Их

забавляло ощущение опасности. Но вот катастрофа! Столкнулось несколько машин. Все движение остановилось. К месту происшествия опускается планетолет. Виляя среди машин, мчится карета «скорой помощи», черная, с красными продольными полосами. Увозят пострадавших не в город — куда-то дальше, за горизонт. Обломки поднимает планетолет и тащит на свалку. Это тот самый город, в котором мы находимся сейчас!

— Совершенно верно, — подтвердил теперь я. — Тот самый. — Мне мучительно захотелось рассказать все, что я вдруг узнал о городе и жизни марсиан. Правда, эти сведения поступили мне в голову как-то отрывочно, вроде бестолкового конспекта, кое-что было неразборчиво, непонятно, явно не те слова, искажавшие смысл. Я, запинаясь, стал выкрикивать, как наш комментатор Иван Потехин на состязании фигуристов:

— Мы наблюдаем жизнь марсиан в период упадка, когда уже почти не осталось растительности, растрочены запасы кислорода, воды, Вечно Идущие жили в «закрытых городах». (Я впервые назвал так марсиан, словно вспомнив об этом.) В дальнейшем кино «прямого соучастия» познакомит вас (мне казалось, что я все знаю) с другими сторонами жизни Вечно Идущих. В эту эпоху заката не стало новых идей, двигающих вперед общество, все было достигнуто, все желания исполнены. Осталась неутолимая жажда развлечений, от самых изысканных до самых грубых. Значительная часть общества занималась поисками все новых и новых не испытанных еще ощущений. Игра, которую вы наблюдаете, называется «Одиночная прогулка». В ней участвует несколько человек. Заключалась она в том, что у одной из машин «дорожный регулятор» выключал управление. У какой — никто не знал. Не беспокойтесь, ничего особенного не происходило, водителю обеспечивали почти стопроцентную безопасность. Ломались только корпуса

машин. «Счастливец» оставался жив. В данном «состоянии» по непредвиденной случайности (вероятность ничтожно мала) пострадал один из участников игры, его увезли в центр регенерации, где ему заменят глаз и ногу.

Вашата сказал, сдерживаясь, чтобы не показать своего волнения:

— Успокойся, Ив, и ты, Антон. Ну что разволновались так! Вы не импровизируйте, сообщайте нам только то, что видите.

Макс прямо вскипел:

— Какую чушь они несут. Хоть запись стирай. Ну как можно говорить такое о людях с таким уровнем развития. Что это, американские автомобильные гонки! Да еще так скверно организованные. Уверен, что вы пропустили самое главное за этой болтовней...

— Да, ребята, домыслы оставьте до вечера, — сказал Вашата.

— Что? — Антон аж подпрыгнул в кресле. — Ив, ты слышал? Что они знают, сидя в своем футляре!

— Абсолютно ничего!

— Так будем молчать, как марсианские сфинксы.

— Будем, Антон!

— Где вы обнаружили сфинксов? — заискивающе спросил Макс.

— Хватит! — сказал Вашата. — Прибавьте выход кислорода.

— Нет, вы себе прибавьте! — ответил я и почувствовал, что краснею от стыда.

— Правильно! — обрадованно сказал Антон. — Прибавьте и кислорода, и азота... — Он помолчал, затем спросил: — О чем это мы спорим?

— Не было никакого спора, — сказал Вашата, — держите себя в руках. Что там у вас?

Антон ответил:

— Какая-то муть по всему экрану. Или опять облака! Братцы! Да мы летим!

— С ними что-то творится, — прошептал Макс, — пусть лучше возвращаются.

Действительно, мы летели, судорожно ухватившись за подлокотники кресел. Под нами проплывала пестрая равнина, разграфленная сетью каналов с зеркалами водохранилищ, над городами не было куполов. Их было много. Они тянулись на многие километры по берегам озер и каналов.

— Поля и леса! — воскликнул Антон. — Я совсем не вижу пустынь! А ты, Ив?

И я не видел пустынь. Солнце стояло над головой: мы летели над экваториальной зоной, оно припекало довольно сильно и было много ярче, чем сейчас. Восходящие потоки воздуха мягко покачивали нас, ощущался терпкий запах невиданных растений.

Антон сказал:

— Жили они здорово. Все засеяно. Мы попали в эпоху, когда еще не изготавливали искусственной пищи. Пейзаж похож на египетский.

Я согласился с ним, что сеть каналов, поля между ними напоминают египетские, но только при беглом взгляде, здесь не было земной теплоты в пейзаже, не тот рисунок оросительной сети, иные краски полей, иные города, поселки. Ведь мы на Марсе!

Наш странный марсианин исчез. Иногда сбоку повишала авиетка и на нас смотрели из-за прозрачных стенок кабины большеглазые существа, все казались одного возраста, не было совершенно детей. Не заметили мы их и на суше, на улицах городов, когда нас спустили ниже и мы летели, едва не касаясь крыш домов. В ту пору марсиане еще предпочитали передвигаться с помощью собственных ног. Они спешили по улицам, видны были группы людей, разговаривавших и при этом воздевавших

руки к небу. Впервые увидев с десятков марсиан с воздетыми к небу руками, Антон сказал:

— Смотри! Бандит, вон тот, что подходит к ним не справа, а слева, идет через площадь, прямо крадется, у него необыкновенно широкие плечи, в черной накидке, в руках лучевой пистолет!

— Откуда ты взял, — спросил Макс. — Что за пистолет? Бандитизм при таком уровне цивилизации? Днем, у всех на виду. Хотя...

Широкоплечий подошел походкой танцора в балете к группе мужчин и также воздел руки к небу.

Вашата сказал:

— Приветствие! Манера вести мужской разговор.

— Конечно, обычное приветствие, как наше рукопожатие или касание носами у тибетцев, — заключил Макс Зингер.

Скоро мы уже забыли об этом странном обычае, захлестнутые лавиной новых впечатлений. Архитектура, созданная гениальными зодчими, планировка городов, растения, летательные аппараты, и главное — люди привлекали нас. Хотелось прыгнуть с кресел на улицу, поднять руки, потрясти кистями, затем пожать по-земному, расспросить, как и что...

Поражало разнообразие в одежде. Впоследствии, когда мы нашли марсианские записи, то увидели, как создавалась одежда для каждого времени суток, для деловых встреч, занятий, прогулок, размышлений. Особенной изобретательностью блистали женщины.

Женщины не были так экспансивны, как мужчины, не собирались группами на улицах, а если останавливались при встрече, то очень ненадолго, и не воздевали рук к небу. Они ходили в одеяниях нежнейших, неземных тонов. Сейчас, когда изданы альбомы марсианских фасонов, взятые на вооружение земными костюмерами, вы убедитесь, как трудно передать словами, например,

костюм для поездки на Великий канал, состоящий более чем из трехсот деталей, или костюм для размышлений в вечерние часы, не говоря уж о нарядах для парадных приемов или изготовленных для карнавалов в честь Великого противостояния.

Мужчины носили облегающие костюмы, судя по всему, в них подкачивался воздух, потому что встречались щеголи с непомерно широкими плечами и тонкой талией, другие — толстые, почти шарообразные, или в виде различных геометрических фигур. Но такие попадались не особенно часто, основной тип — высокие, широкоплечие, тонконогие. У женщин, видимо, изящество фигур, модная угловатость тоже достигались не без помощи технических приемов.

Что-то неуловимое роднило нас с этим непонятным народом, и не только схожесть очертаний тела, а главное — духовная общность.

— Ну конечно же, — сказал Антон, поняв, о чем я думаю, — у меня такое ощущение давно, мне даже кажется, я знаю, о чем они сейчас говорят. Вон тот гигант, он обсуждает какую-то проблему, связанную с космосом, видишь, показывает на небо.

...Из-за горизонта выплыл Фобос, похожий на плохо обработанный каменный топор, он заметно приближался, и казалось, что нам с ним не разминуться.

Вначале путешествие протекало в полной тишине, затем хлынули звуки: певучий говор, шум воды на плотинах, свист ветра. Мы забыли про Вашату и Зингера. Но скоро они напомнили о себе, появившись рядом в таких же оранжевых креслах.

Вашата сказал:

— Полная фантазмагория! Непонятно, как они это делают?

Зингер молчал, глядя вниз: мы летели над водохранилищем, и на голубовато-фиолетовой воде виднелось

множество судов с необыкновенно высокими мачтами и разноцветными, непомерно большими парусами.

— Гонки! — сказал Вашата. — Все-таки что с нами творится? Что это...

Я не услышал конца фразы. Мы опять очутились в зале возле черного цилиндра, в оранжевых креслах перед гигантским пустым экраном. Вашата и Зингер исчезли. Марсианин сказал по-русски:

— Сеанс прекращен. После еще. Очень, более важное.

Слова он произносил необыкновенно правильно, тембр голоса был теплый, дружественный. Несмотря на все потрясения за последние часы, это существо, заговорившее по-русски, буквально ошеломило нас. Наверное, секунд тридцать мы молчали, глуповато улыбаясь. Должно быть, марсианин разобрался в сумбуре наших мыслей и сказал:

— Да, уже научился, понял принцип мышления. Ранее я слушал и передавал волновые сигналы в образах. Только подходил к разгадке. Теперь общение дало много, только недостаточно для полного понимания. Говорите, думайте быстро, научусь мгновенно. Необходимо только полное понимание.

Антон остановился, пораженный: на экране возник необыкновенно четкий снимок нашей планеты, голубой, теплой, в мантии облаков, между которыми проглядывала синь океанов и контуры Африки.

Марсианин сказал:

— Мы знаем. Мы ждали. Долго. Очень...

В шлеме загудел взволнованный голос Вашаты:

— Ив, Антон!.. Кто с вами сейчас разговаривает?

— Все в порядке, Христо, — ответил Антон. — Это наш друг марсианин. Как видишь, он начал говорить по-русски.

— Опять фокусы? — сказал Вашата.

— Какие фокусы? — возмутился Макс. — Как ты не понимаешь, мы в сфере других понятий, другой культуры; может быть, попадаем в другое измерение!

— Постой, Макс. Ребята! Все же кто он? Не может быть, чтобы... какая, вы сказали, у вас там температура и состав воздуха?

— Минус сто десять и почти чистый углекислый газ, — ответил Антон.

— Вот видите... — проронил Вашата.

— Что же здесь особенного! — в голосе Макса слышалось искреннее возмущение. — Так завершилась их цивилизация. Все мысли, способности, знания марсиан сконцентрированы в копии искусственного мозга. Он и еще некоторые остались в этом «Холодном доме». Они последние хранители всего...

— Чего всего? — спросил Вашата.

— Ну, что осталось. Неужели не понимаешь, что дело зашло в тупик.

Хозяин «Холодного дома» немедленно ответил:

— Тупик — непонятно. Искусственный мозг — понятно. Я копия Вечно Идущих. Я оставлен ждать. Исполнить миссию. Великую Миссию. Мы вас ждали...

Он пошел из зала, роботы у панели повернулись к нам лицом, их глаза-окуляры мрачно сверкали. И в то же время нам не было страшно. Напротив, нас охватило полное спокойствие, дружелюбие к этим созданиям марсианского гения.

Я подумал:

«Какая миссия у этого «ассирийца»? Зачем они нас ждали? Все-таки где мы? Что это за строение? Что в черном цилиндре? Из чего он сделан?»

Не поворачивая головы, только вперив в нас свой третий глаз на затылке, это существо сказало:

— Скоро будете знать все. Недостает запаса понятий.

— Но вы очень хорошо говорите по-русски, — сказал Антон. — Просто удивительно.

— Не соответствует действительности. Кажущееся впечатление. Запас понятий ничтожен.

Я старался не думать, сосредоточив внимание на стенных фресках. Сейчас справа мы проходили мимо огромной картины: на фоне Млечного Пути мчался космический корабль, по форме напоминающий манту.

— Манта? — спросил наш спутник.

Я объяснил.

Он сказал:

— Млечный Путь — понятно. Вечно Идущие называли иначе это скопление звезд. — Он пропел длинную, непонятную фразу и тут же перевел: — Большое колесо.

Я подумал: «Он читает у нас не только в сознании, но где-то глубже, о колесе у нас и речи не было».

— Оборот назад у «Черепашки» заело колесо, набил-ся песок, — сказал марсианин. Язык не поворачивался назвать его роботом.

Он проводил нас до порога. Мы попрощались.

— Еще будем вместе, — сказал он, — необходимо быть вместе. — Видимо, у него действительно не хватало слов, и он второй раз сказал что-то по-марсиански. И нам показалось, что мы поняли его.

Антон на это ответил:

— С вашими способностями вы очень скоро в совершенстве овладеете языком. И сообщите поручение Вечно Идущих.

— Скоро. Мы должны быть вместе. — И он добавил еще что-то по-марсиански. Мне опять показалось, что я понял его: он желал нам счастливого пути и обещал скоро встретиться с нами.

— Сегодня продолжим обмен информацией. — Он не-

ожиданно гладко построил фразу: — Когда спадет нервное напряжение.

— Пожалуйста, будем рады, — ответил Антон. — Только, к сожалению, мы не можем вас пригласить к себе на корабль.

— Можно, — сказал он, — можно. Увидимся.

— Здесь действительно все можно, — сказал Вашата, — все-таки уговорите его остаться. Назначьте время, допустим, завтра в десять утра или когда ему будет угодно.

— Завтра тоже. И сегодня тоже, — ответил наш неговорчивый хозяин.

— Ну как же мы увидимся? — спросил Антон. — Мы будем там, а вы здесь?

— Легко устранимо. Вашата, Макс ждут. До скорой встречи! — В его словах слышалась явная ирония. И все-таки где он слышал это — «до скорой встречи»?

Поскрипывая, закрылась за нами дверь. Мы очутились на улице в крошечной темноте. Ветер стих. Странно было видеть в этом чужом мире знакомые земные созвездия.

На дверях опять появилось желтое светящееся пятно и поплыло, указывая путь к «Черепашке».

— Ко всему он еще и парень не без юмора, — сказал Макс. — Ведь прекрасно знает, что к нам на корабль не проникнуть, хотя неплохо бы принять его и расспросить в домашней обстановке.

— Дело серьезное, — сказал Вашата, — ссориться с ним нельзя. Если он все-таки появится возле «Земли», то надо будет очень деликатно растолковать ему, что мы бесконечно рады, но пока не готовы к приему.

— Действительно, ребята, — опять загудел голос Макса в наушниках, — неужели никто из вас не догадался сказать ему, что он может занести нежелательную флору и фауну! И теперь вдруг он появится с ответ-

ным визитом, а мы — извините, хозяева не принимают. Ничего себе — гостеприимство.

— Вот ты ему тогда и объяснишь, почему к нам нельзя, — сказал Антон.

— Он поймет, — сказал Вашата. — Должен понять. Гоните «Черепашку»! А если пожалует Артаксеркс, то Макс действительно вступит с ним в дипломатические переговоры.

— Ну нет, — сказал Макс, — я готовлю пышный праздничный ужин. Ведь, друзья, свершилось умопомрачительное открытие! Да здравствует Артаксеркс!

С тех пор робот-марсианин получил имя. Действительно, своей пышной бородой и аристократическим лицом он напоминал персидского владыку. Дальше этого наша фантазия не пошла. Скоро мы стали звать его просто Артом.

ВИЗИТ АРТАКСЕРКСА

Включив на всякий случай экраны, мы сели за наш «пышный» ужин из разогретых консервов, салата и ананасов. Арт не появлялся. В поле зрения одиноко маячила массивная фигура Туарега. Он стоял, как страж, в безмолвной ночи.

Мы остались в столовой, она же кухня и хранилище продуктов (в стенных контейнерах). Макс стал прокручивать дневные видеозаписи довольно плохого качества, зато фоническая часть заслуживала всяких похвал. Все вновь переживали необыкновенные события дня. Макс часто останавливал проектор и выступал с комментариями. Разгорался спор. Макс, например, считал, что наше путешествие в оранжевых креслах не больше и не меньше, как кинотрюк, вызванный воздействием непонятных излучений.

— ...Что-то вроде биоволн. А может быть, и самими биоволнами. Они, то есть волны, возникали в нашем сознании, расшатанном всеми передрягами. Что за улыбки! Вы считаете, что я несу ересь. Нет, постой, Христо, и ты, Антон, дайте мне изложить мою гипотезу. Она записывается, а потом прошу вас опровергать меня, если вы будете в состоянии это сделать. Все дело в том, друзья мои, что... — Он умолк, уставившись в угол столовой, на его лице застыла блаженная улыбка. И было от чего: там стоял Арт, закрывая собой дверь в продуктовый склад, или буфет, как мы его называли.

«Как он попал сюда? Как открыл броневую дверь, прошел через шлюз? И мы ничего не слышали!» — было моей первой мыслью.

Антон глубоко вздохнул и потер глаза.

Только наш командир сохранил такое же внешнее спокойствие, как и во время встречи с облаком метеоритной пыли на пути к Марсу.

— Добрый вечер! — приветствовал его Вашата. — Мы думали о вас, хотя не рассчитывали увидеть на корабле. Пожалуйста, садитесь, — он встал, уступая свое место у стола. — И прошу познакомиться. Меня звать Христо Вашата, нашего друга, с которым вы еще не знакомы, — Макс Зингер.

Какое-то подобие улыбки мелькнуло в уголках его губ.

— Нет. Я здесь, чтобы слушать. Запоминать. Мне надо много понятий. Важная миссия, — сказал Артаксеркс и, мгновение помедлив, добавил: — Обратная связь.

— Так это не он! — первым догадался Антон. — Это его копия. — Он протянул руку, и она прошла сквозь иллюзорного Артаксеркса.

— Копия, — подтвердил гость. — Больше говорите. Думайте. Мне необходимо знать все понятия.

Макс выключил обзорные локаторы, и наш гость исчез.

— Действительно, обратная связь, — сказал Вашата и снова включил радиоканал. Марсианин появился, но на этот раз в другом конце столовой, возле плиты.

— Мы выясняем технику вашего появления, — сказал Вашата, — извините. Для нас такой вид общения не совсем обычен.

Артаксеркс ответил:

— Нельзя прерывать обратную связь. Нарушение контактов.

Придя в себя, Макс кинулся за съемочной камерой и, вернувшись, навел ее на изображение марсианина.

Вашата сказал:

— Какие мы олухи! Ведь у нас есть специальные словари, которые десять лет разрабатывали наши космологи в расчете на встречу с представителями высшего разума.

И мы стали по очереди напичкивать его словарной премудростью. Он торопил:

— Быстрее! Скорей! Еще скорей!

Когда первый словарь был усвоен, Арт сказал:

— Макс! Неси еще. Все неси. У тебя есть еще три словаря.

— Да, но один специальный, технический.

— Неси живо! Все!

Теперь один из нас находился в резерве, а трое, подгоняемые Артом, читали словари. Но и такой темп скоро показался ему слишком медленным, он придвинулся к столу и заставил Макса быстро перелистывать страницы, мгновенно считывая весь разворот листа.

— Черт возьми! — воскликнул пораженный Антон.

Арт изрек:

— Возглас «черт возьми» не имеет прямого смысла.

Выражение эмоциональное, служит для снятия нервного напряжения.

Мы только переглянулись, помедлив долю секунды, и услышали:

— Давай, давай!

Он запоминал все, анализировал, сопоставлял в своем гигантском уме и только несколько раз переспросил, вернее, поправил меня и Антона, когда мы неправильно ставили ударение или глотали буквы.

Когда мы прочитали все до последнего слова, включая и выходные данные, Арт сказал:

— Запас исчерпан. Словарей больше нет. Есть понятия в хранилище вашей памяти. Буду извлекать постепенно, по мере надобности. Теперь я имею возможность сообщить звучание моего имени. Назвав себя, вы ждали того же и от меня. Но тогда у меня не было шести фонетических терминов, обозначающих мое имя. Меня называли мои создатели так... — последовала длинная певучая фраза, — что значит: Рожденный в день великой красной бури, в мгновение умирающей надежды.

— Красивое, хотя несколько печальное имя, — сказал Вашата, — и, по нашим понятиям, несколько длинноватое.

— Согласен. В нем звучит то, что вы называете «пессимизм». Имя, данное мне вами, короче, напоминает вам имена, близкие на Звезде Надежды. Я буду носить ваше имя до поры возрожденья. Вы утомлены. До завтра. Прощайте!

И хотя мы запротестовали, изображение Артаксеркса растаяло.

— Что вы на это скажете! — воскликнул Макс.

Вашата предусмотрительно выключил локаторы.

— Так лучше, — сказал он. — Все же, ребята, мы не должны говорить и даже думать лишнее. Нам неизвестны все их способы общения. Он должен посвятить

нас во что-то необыкновенное, раскрыть какую-то тайну, может быть, жизненно важную для Земли. Поэтому нам не следует создавать впечатление, что мы хуже, чем есть на самом деле.

— Ты прав, Христо, как всегда, прав. — Макс понизил голос до шепота и оглядел столовую. — Техника у него потрясающая, хотя проектирование изображения легко объяснить, да и он же сказал — обратная связь. Весь вопрос в принципе. Да не бойтесь, я ничего оскорбительного не скажу. Лично я ошеломлен. Все это как-то не укладывается в сознании, я не о его визите, нет, что-то похожее у нас дома уже есть — известная вам голография. Правда, там пока только одно объемное изображение, зритель еще не участвует в действии, здесь вы сами видите, что происходит. А мы коснулись лишь миллионной грани их культуры. Я до сих пор под впечатлением — нет, не от посещения Арта, а от путешествия в оранжевых креслах. Отбросим в сторону технику эффекта соучастия; вам не приходило в голову, раз мы видим их объемные фильмы и участвуем в них, то психика марсиан та же, или почти та же, что и у нас с вами?

— Логический вывод, — сказал Антон, — что-то подобное и нам с Ивом приходило в голову, когда мы летали над цветущими полями Марса.

— Сомневаюсь, вам было не до того. Представляю, как вы себя чувствовали, когда распахнулась дверь и Арт затопал по коридору!

— Достаточно, Макс! — Христо нахмурил густые брови. — Ты позволяешь себе именно то, о чем я предупреждал.

— Да, действительно, извини, может создаться представление некоторой неуравновешенности, легкомыслия...

— Абсолютно точное определение, Макс. Достаточно на сегодня. Ив, на вахту, нам спать.

— Я не подготовил ролик для передачи на Землю, — признался Макс.

— Сколько?

— Час.

— Не больше!

Во время моей вахты, когда я по инструкции включил сторожевые локаторы, появился Арт, и я, подгоняемый его молчаливой сосредоточенностью, быстро перелистал ему «Марсианские хроники» Брэдбери и спросил, нравится ли ему книга.

— Напоминает ранние записи Вечно Идущих.

— Но все-таки нравится или нет? — настаивал я.

На это он ответил, что у него нет чувства «нравится — не нравится». Все, что он воспринимает, служит ему только для выполнения его Миссии. И уклонился от ответа, что за Миссия. Затем он попросил меня показать запись о Звезде Надежды, и я демонстрировал ему земные кинофильмы через микропроектор.

Вахту у меня принял Макс, а с нею и тень Артаксеркса.

Утром Зингер восторженно доложил:

— На прощанье Арт пригласил нас к себе в двенадцать пополудни по марсианскому времени. Мы с ним совершенно свободно беседовали о довольно абстрактных понятиях. Вероятнее всего, это киборг. Совершеннейшее создание. Он сказал, что находился в анабиозе в течение девятисот лет, при температуре, близкой к абсолютному нулю. Как только мы прилетели сюда, автоматы подняли температуру до минус ста шестидесяти или около этого. Роботы исправили наружные антенны и стали вести за нами наблюдения. Они ждали нас в своем холодильнике.

— Но мы могли и не заглянуть в этот город, — сказал Антон.

— Исключено. Арт посетил бы нас сегодня или завтра.

Вашата спросил:

— Ты не узнал, что у него за Миссия?

— Спрашивал.

— Ну?

— Говорит, что мы увидим сами. Ему приказано показывать, а не рассказывать.

— Что показывать? И кто приказал?

— Последние из Вечно Идущих. Так он, по крайней мере, заявил. Я спросил: может, вечно живущих? Он ответил: «Жить — идти вперед».

— Просто непостижимо! — сказал Антон.

— Пойдете опять вы с Ивом, — сказал Вашата. — Мы с Максом не имеем права пускаться в такие «рискованные предприятия».

— Какой риск? — спросил Макс. — Какой риск при сложившихся условиях? Нас здесь прямо на руках носят.

— Могут и уронить. Через час сеанс с Землей.

— У меня все готово... — нахмурился Макс.

— Отлично. А вы, — обратился он к нам с Антоном, — помимо просмотров документальных фильмов, выясните назначение решетчатых пластин. И пожалуйста, там не шепчитесь. Все равно никакие секреты не утаить от Артаксеркса...

ТУАРЕГ В ОПЕРАЦИОННОЙ

Снова ушла в стену тяжелая дверь. Так же церемонно встретил нас Арт — теперь в прихожей и с целой свитой роботов. Их я насчитал около трех десятков. Были среди них и уже знакомые по вчерашней встрече, и совсем новенькие; их желтые костюмы в черную ромбическую клетку ярко выделялись на фоне фресок. Оказалось, что за несколько часов Арт передал если не всю,

то значительную часть информации своим помощникам, по крайней мере, краснобородый робот сказал, дотронувшись трехпалой рукой до моего плеча:

— У вас прекрасная защита. Белковые гуманоиды не смогли бы существовать, лишенные таких покрытий. — И еще спросил: — Вы также долгожители, как Вечно Идущие?

— Да, мы живем вечно, — солгал я, хотя при общении с инопланетчиками строжайше запрещалось лгать. Просто я испугался такого количества роботов, и мне захотелось показать, что мы неуязвимы против любых козней. Я без стыда не могу вспомнить, как робот проронил:

— Не соответствует действительности...

Антон крикнул, прошептав:

— Олух. Они читают наши мысли, а ты...

Арт мгновенно подтвердил эту догадку, сказав:

— Очень легко и много быстрее передавать информацию без слов, — и спросил: — Что такое «олух»? Существо, дающее ложную информацию? Какова цель?

— Вот именно! — проговорил Антон. — Никакой цели не было. Отсутствие контроля над действиями.

— Была причина, — возразил Арт. — Патологический эмоциональный сдвиг.

Меня прошиб пот.

— Действительно, олух, — услышал я голос Вашаты и саркастические покашливания Зингера. Хранитель информации законсервирует этот жуткий диалог, навечно сохранит мой позор.

Мы входили в одну из комнат-лабораторий, посредине находился длинный, идеально отшлифованный брус густого черного цвета, длиной около двадцати метров, высотой более метра и шириной метр.

— Сейчас мы выполним ваши желания, — сказал Арт.

Роботы стали вдоль черного бруса.

— Что за желания? — спросил Антон.

Арт не ответил, на брус появился ажурный ларчик, тоже черного цвета, а может быть, он там и стоял, да мы не заметили.

— Прибор для прослушивания говорящих пластин.

Из ларчика неожиданно полилась певучая речь.

— Христо Вашата хотел этого. Говорящая книга. Требуется переводчик. Сложное устройство. Они, — Арт указал на роботов, — сделают скоро. Завтра.

— Поблагодарите! — сказал Вашата.

— Мы очень вам благодарны, — сказал Антон.

— Возможно, им тоже что-то от нас надо, — прошептал Макс.

— Очень многое. Не сейчас. Несколько позже. Великая Миссия: сейчас мы выполним еще одно ваше желание. Вы думали об этом после встречи со мной и другими существами — роботами, как вы их называете. Ваш робот примитивен. Даже опасен. Требуется модернизация. Это скоро. Сейчас.

— Ты слышишь, Христо? — спросил я.

— Да, Ив. Пусть попробуют. Действительно, Туарег внушает опасения. Помогите им выключить питание у Туарега.

— Не требуется, — сказал Арт.

Послышались тяжелые шаги, и два желто-черных робота внесли Туарега и поднесли к брусу.

— Это стол. Не брус. Брус имеет другое назначение. В строительстве. Стол удобен, — пояснил Арт.

Туарега мягко положили на черный стол. Роботы, как хирурги, склонились над ним с двух сторон. Несколько роботов несли от стен, где находились встроенные шкафы, детали для ремонта бедного Туарега.

— Специфика, — сказал Арт, — нам нельзя терять время. Вы скоро должны возвращаться на Звезду На-

дежды. — И он увлек нас от черного стола к дверям и, как вчера, важно зашагал по коридору, сверкая глазом на затылке; за нами в некотором отдалении шел краснорубый.

Послышался четкий шепот Макса:

— Этот замыкающий Барбаросса внушает не меньше уважения, чем Арт. Какая походка!

— Макс!

— Ну что я такого сказал? Действительно, он мне нравится, разве выражение симпатии может испортить наши отношения?

— Я уловил в твоём голосе нотку превосходства.

— Ну уж...

— Помолчим.

— Хорошо. Но какая сегодня видимость. Какие краски!

— Надо благодарить наших друзей.

Арт тут же ответил:

— Признательность — высокое свойство Вечно Идущих.

— Ты заметил, — спросил меня Антон, — что сегодня фрески совсем другие? Вот здесь был пейзаж с животными, похожими на наших лам, и тремя марсианами, видимо пастухами, а сейчас море.

Я не заметил вчера фрески с пастухами, а сейчас действительно слева переливалась пепельно-сиреневая гладь, уходившая в бесконечную даль. Только море и теплое, глубокое небо жемчужного цвета.

Я подумал, что Арт стремится показать нам, какой прекрасной была его планета. Невольно щемящая тоска сжала сердце и тут же отхлынула, я стал смотреть на все холодным оценивающим взглядом. Теперь, мне казалось, я начинаю познавать причины гибели Великой цивилизации Вечно Идущих. Я улыбнулся: Вечно Идущие! Не так уж долго они шли... И сколько сделали ошибок.

Зачем было строить города под куполами, когда не было надежной защиты от метеоритов и радиации? Погубив атмосферу, надо было уходить в недра планеты, тем более что там размещалась почти вся их промышленность. Нам непонятна их логика, да и была ли логика во всем, что произошло? На что надеялись ваши Вечно Идущие? И почему только ты и горстка тебе подобных остались ждать неизвестно чего? Я говорил непозволительно резким тоном, с чувством противного превосходства над «жалким роботом», причем я сознавал все это и не мог удержаться, словно кто-то снял в сознании привычные ограничители, вывел из строя сдерживающие центры.

— Прекрати сейчас же! — сказал Вашата так, что меня прошиб пот. — Антон! И ты хорош, ты что, не в состоянии напомнить ему, где и с кем вы находитесь!

— Ив, по существу, прав, — как-то вяло ответил Антон.

— Нет, это неслыханно, — задохнулся от возмущения Макс.

Все поставил на свои места Арт.

— Эмоциональная неуравновешенность, — сказал он, сверля меня затылочным глазом, — свойство гуманоидов на всех ступенях развития. Только отдельные особи умеют подавлять в себе такое состояние психики.

Вашата сказал:

— Арт! У меня такое ощущение, что ты спровоцировал Ива. Для какой цели? Возможно, таким способом ты изучаешь наши характеры, знакомишься с нами.

— Истина! Да! Знакомлюсь! Я должен знать, могу ли доверить Великую Миссию. Вы раскрываетесь в крайних противоположностях.

— Мы несовершенны, — сказал Вашата, — но стремимся быть лучше. Поверьте, Арт, что трагедию на Багряной мы воспринимаем очень близко.

— Близко к сердцу, как собственное несчастье, — добавил Макс. — Извините.

— Не требуется, — сказал Барбаросса впервые за весь путь по коридору. — Лишний термин, паразит.

— Мда! — веско произнес Макс и даже крикнул. Действительно, здесь были не нужны лишние церемонные слова, условности, объяснения, они видели нас насквозь и только взвешивали, решали, можно ли нам доверить загадочную Великую Миссию.

На этот раз прием в «Холодном доме» окончился неожиданно скоро. Мы рассчитывали, что Арт еще раз прокатит нас в оранжевых креслах над цветущей поверхностью планеты и познакомит с жизнью Вечно Идущих. Но у него, судя по всему, была другая цель, и он ее методично выполнял.

Выйдя из операционной, мы прошли только до красной стены в конце коридора и повернули назад, дверь в зал с черным цилиндром была наглухо закрыта.

На прощание Арт пообещал «заглянуть на корабль» и поторопил:

— Двигаться следует быстрее: может начаться пылевая буря, нарушится связь.

Мы послушались совета и выжали из «Черепашки» все возможное. Уже в конце пути дрогнула почва, из жерла Большого Гейзера вырвались пламя и раскаленное облако газов. На огромной высоте среди багровых туч засверкали молнии.

За ужином Макс сказал:

— Он водит нас за нос. И вся эта история с Туарегом мне не нравится. Нас он вполне устраивал. Чем он его сейчас там начиняет? Может, превратит в преданного ему шпиона!

— Цель? — спросил Антон.

— Если бы я знал. Возможно, он оставлен, чтобы охранять планету от посягательств пришельцев.

— Абсурд! — сказал Антон. — Осталась только копия жизни.

— Ты забываешь, Антон, что на смену Вечно Идущим могла прийти цивилизация роботов.

— А у нас включена обратная связь? — спросил Вашата.

Я нес вахту и доложил, что локаторы выключены и что в случае появления на космодроме посторонних сработают автосторожа.

Нас порядочно потряхивало, и, хотя «Земля» превосходно держалась на своей треноге, Вашата поставил добавочные упоры: взрывные якоря, вытягивая тросы, ушли глубоко в скальный грунт. Теперь никакие силы не смогут их вырвать оттуда. При отлете пиропатроны просто перервут оттяжки.

До начала страшных марсианских бурь было еще далеко. Сейчас возникали только маломощные циклоны, набрасывая сетчатые тени на метеокарты, передаваемые со спутников. На нас налетел один из таких вихрей, скорость разреженных частиц воздуха и увлекаемой им пыли достигла уже 190 метров в секунду. Космоцентр запретил работы вне корабля, и мы занялись составлением и передачей на Землю нашумевших программ, которые и поныне еще показывают в театрах кинохроник, особенно в Неделю космонавтов. Да и по кораблю нашлось немало дел, которые откладывались в пору наших сенсационных открытий.

На третий день после последнего посещения «Холодного дома» на экране сторожевого локатора показался припудренный пылью наш Туарег. Все эти дни Арт ни разу не появлялся и не давал о себе знать. Макс даже высказал предположение, что он «запорол» нашего робота, но вот он целехонький перешел границу космодрома

и шествовал прямо к кораблю. Внешне он нисколько не изменился, ему оставили все четыре руки, и одна из них с встроенной лопатой. Он нес что-то вроде чемоданчика желтого цвета. Подойдя к кораблю на двадцать метров, он остановился и неожиданно заговорил:

— Я пришел, чтобы служить вам. Это для вас, — он протянул желтый чемоданчик.

— Вот такие пироги! — воскликнул Макс и обвел всех торжествующим взглядом.

ЗВУЧАЩИЕ ПИСЬМА

Маяки, расставленные между орбитами Марса и Земли, обнаружили метеоритное скопление, которое летело к Солнцу, описывая сложную кривую. В своем движении к Земле мы должны были пересечь путь этого космического архипелага. Предстояло ждать неделю или две, пока не очистится наша трасса. Такой каменный поток встретился впервые. Мы получили добавочную программу и занялись короткими экскурсиями в разных направлениях — в стороны от космодрома.

Первое время Туарег пугал нас своей сообразительностью, умом — я не беру это слово в кавычки, он действительно блистал умом, необыкновенной памятью, был предупредителен, вежлив. Все эти понятия как-то не подходят к роботу, но таков был наш новый Туарег.

Макс высказал печальное предположение, что наша психика, по-видимому, настолько примитивна для Арта, что он с необыкновенной легкостью изготовил нам эту «игрушку».

За последнюю неделю Арт появился на кухне только один раз, сообщил, что «готовит нечто очень важное», и надолго исчез. Надо сказать, что он держал нас в постоянном напряжении. В чем заключалось это «важ-

ное»? Почему он перестал говорить о Великой Миссии? Каких только предположений мы не высказывали в те тревожные дни.

Вечерами, собравшись на «кухне», мы слушали звучащие книги. Кроме пластинок с множеством отверстий, книги имели самую различную форму, и только благодаря Арту, Барбароссе и Туарегу после усовершенствования его в мастерской роботов мы узнали о разнообразии книжной продукции на Багряной планете. Например, знаменитая статуэтка «ажурной» девушки с распростертыми руками не что иное, как прибор для хранения и озвучивания мыслей. В нашей коллекции есть медальоны из сплава платины с золотом, воспроизводящие портреты и мысли своих хозяев. Подлинным чудом, даже после всего увиденного, можно назвать небольшие диски из того же сплава, которые нельзя потерять — где бы вы их ни оставили, куда бы ни положили, они всегда окажутся у вас, стоит вам только этого пожелать. Но предварительно вы должны с ними не расставаться в течение суток. Есть звучащие «четки» — одиннадцать шариков с бесчисленными бороздками, нанизанных на пластичную «проволоку», каждый такой шарик звучит несколько часов, если держать его на ладони, и замолкает, как только его выпускаешь из рук. Туарег извлек из-под развалин одного дома в городе у обрыва звучащую трость и целую библиотеку из тысячи и одного «тома», заключенную в темно-бурый ларец. Каждая «книга» — цилиндрок с палец толщиной. Цилиндрики звучат, навевая томительное предчувствие несчастья.

Мы начали с пластинок, пронизанных множеством отверстий.

Язык марсиан напоминает мелодичное пение с придыханием на концах фраз, иногда переходящее в свист. Дешифратор, сконструированный Артом, видимо, довольно точно переводит этот ни на что не похожий язык.

Трудность при создании дешифратора заключалась главным образом в том, что некоторые фразы выпадали из общего фонетического строя, создавались кажущиеся паузы, на самом же деле здесь информация передавалась посредством биоволн. Странно, что таким способом «зашифровывались» совсем простые понятия. Арт объяснил, что запись на пластинах относится к тому периоду, когда телепатическое общение начинало вытеснять разговорную речь.

Вы можете понять наше состояние, когда мы впервые услышали голоса Вечно Идущих и поняли смысл их записей. Даже в грубом переводе звучащие книги полны поэзии. Два вечера мы слушали роман, а возможно, и подлинное описание экспедиции на «Далекое острова» — в таком переводе мы слышали название Солнечной системы, куда устремился корабль Вечно Идущих в поисках новой родины. Роман полон драматизма. Он печатается в переводе НТУ и скоро выйдет отдельной книгой. На остальных пластинах были бортовые дневники с космолета, посетившего нашу Землю. Это одна из пластин, поврежденных при обвале стен дома, — к счастью, сохранилась следующая запись:

«Может быть, она единственная во всем Звездном витке! Она близка к лучезарному светилу и полна трепетной жизни. На ней по закону трагических несоответствий находится колоссальное количество воды. Почти вся планета покрыта водой, ее атмосфера пересыщена парами этого драгоценного вещества, родящего жизнь. Здесь можно было бы дышать без изоляционных костюмов, не будь воздух пересыщен микробами, свойства которых мы еще так мало знаем, и все же вполне достаточно, чтобы не идти на верную смерть, лишившись защитных одеяний.

Биологи Любящая зори и Цветущий кактус со всеми необходимыми предосторожностями наполнили сосу-

ды воздухом, почвой, скальными породами, а также взяли образцы растений, приносящих плоды, и существо, похожее на пию...»

И дальше после большого пропуска:

«Миллионы оборотов должна совершить Багряная, пока на Звезде Надежды умолкнет грохот вулканов, поднимутся из воды материки, моря займут стабильные ложа».

Следующая, хорошо сохранившаяся «книга» содержала описание экспедиции в пояс астероидов и называлась:

«Записки командира Эора-хи, имя которому Рожденный в полдень»

«Как нам нужна вода — вещество, дарующее жизнь. Не так давно — всего две тысячи оборотов прошло с того времени — яхты скользили по морям и каналам. Нашим предкам казалось, что запасы воды неисчерпаемы. Воду безрассудно расходовали и загрязненную ядовитыми примесями сливали в углубления Великой пустыни, где тогда еще имелась растительность. Растения погибали, вода уходила в песок, образуя растворы солей. Так же неосмотрительно пользовались подземными резервуарами, перекачивая их на заводы, производящие множество вещей, без которых можно было обойтись. Изобилие приводило к пресыщенности. Изобретались все новые и новые вещи, а старые, еще пригодные, выбрасывались на свалки — эти кладбища сокровищ Багряной.

Будь бережлив, сын мой:
Вокруг равнодушный космос.
Пока мы одиноки во вселенной.
Еще миллионы оборотов никто не
даст нам глотка чистой воды.

Пришла пора и нам, избранным, совершить Третий подвиг во славу Вечно Идущих! После свершения Третьего подвига останется только полет к звездам, откуда никто еще не возвратился, и все же этой чести добивается каждый, проживший более двухсот оборотов. Предпочтение Совет Мудрых оказывает тем, кто свершил Третий подвиг.

В нашей эскадре двадцать три Эора-хи первого класса — число, в древние времена считавшееся счастливым, и на каждом Эоре-хи — три Вечно Идущих. Давно стерся магический смысл чисел, никто не скажет, что он верит в их благостное сочетание, влияющее на судьбу человека, и все же, когда мы не в силах заглянуть за черту непознанного, то невольно, не признаваясь в этом, привлекаем магию предков. Все это кажется забавным, вызывает улыбки, как шалости детей, и в то же время где-то в глубине сознания рождается у нас уверенность, что «это не помешает». В последнюю тысячу оборотов, когда над планетой нависла угроза, все больше Вечно Идущих обращаются к верованиям предков, разыскивают остатки иероглифических книг, не говоря уже о рукописях и печатных, сохранившихся только в музеях и в частных коллекциях. Я несколько отвлекся благодаря избытку времени на вахте Эора-хи и желанию оставить свои мысли и свой голос для тех, кто нас ждет на Багряной планете. И если угодно будет бесстрастной судьбе помешать нашему делу, развеять наш прах в Круге ужасов, то моему сыну посылаю я эти слова.

Он родится, если я не вернусь!

Несмотря на счастливые сочетания чисел, полет начался печально. Служба охраны неба оповестила за один оборот, что к планете приближаются два астероида. Была возможность распылить их при подходе к пер-

вой луне, да Совет не разрешил расходовать на это энергию. Нужда в ней огромна, а запасы ее слишком незначительны. Если бы это случилось после нашего возвращения, если бы мы вернулись с ледяными астероидами, тогда вопрос стоял бы иначе. Не задумываясь, Совет распорядился бы уничтожить эти опасные крупницы вещества, и астероид не уничтожил бы два Эора-хи с их экипажами. Вы знаете космодром на первой луне, там на месте катастрофы появился новый кратер, на его южной кромке стоит теперь обелиск с вечными портретами погибших. Возле памятника, рядом, возник холм из горстей жертвенной земли, принесенной близкими с Великой планеты, источающей свет жизни.

С момента своего рождения до сегодняшнего дня Багряная ведет неустанную борьбу с неисчислимыми силами космоса. Вы, мои друзья, и ты, мой сын, чаще поднимайтесь к лунам и смотрите вниз на израненную поверхность Багряной. Сейчас меньше астероидов падает к нам, только раз в десять оборотов случается, что они разрушают купола городов, принося смерть.

Когда же мы вернемся, этого больше не будет. Вода, несущая нам жизнь, опять наполнит ложа морей, еще, конечно, не все, потребует много времени, чтобы доставить Вечно Идущим кристаллическую воду из Круга ужасов, или, как принято теперь называть, — пояса астероидов. Мы первые летим туда целой эскадрой после Великого Инна, который наперекор робкому Совету планеты, тайком со своими единомышленниками улетел на первых космолетах. Его и всех, кто был с ним, считали лишенными разума, преступниками, достойными окончить дни свои на второй луне. Ровно через оборот они вернулись с глыбой льда, что, растаяв, образовала водоем, до сих пор питающий Вечно Идущих.

Мы создадим броню из газов и водяного пара, как на Звезде Надежды, только не ядовитых, как на нашей

небесной сестре, а живительную среду. Тогда города выйдут из-под куполов, на планете снова станет теплее, растения, доставленные со Звезды Надежды, станут жить на нашей почве, создавая непрекращающийся круговорот веществ, даруя нам все необходимое для вечной жизни. Тогда мы сможем вывести на новую, более далекую орбиту — Питу — нашу первую луну. Имя Питы дано ей в незапамятные времена, когда эти ужасные звери еще водились в песках и подстерегали неосторожных путников. Так тысячи оборотов наводит ужас Небесная Пита, или вечно падающий камень, напоминающий вытянутый плод голубого кактуса. До сих пор трепет наполняет наши души, когда Пита появляется из-за горизонта и — темная днем и сверкающая, как солнце, ночью — движется она на нас, словно готовая рухнуть на цветущие города, стереть их, разрушить все созданное за миллион оборотов, убить все живое. Мы знаем, как увести ее на более высокую орбиту, только для этого требуется невиданная энергия, таящаяся в воде. Еще более грандиозные планы родились у мудрецов планеты — превратить Багряную в послушное тело и, сместив с орбиты, приблизить к Солнцу!

Дерзновенны дела и еще более дерзновенны мечты Вечно Идущих!

Передо мной на экране, выше приборов управления, знакомая комната в доме моего отца, в ней весь наш род и моя тень среди них. Совет отдает из резервов планеты энергию на дальнюю связь. Хвала Мудрым! Они дарят нам последнее не в надежде на благополучный исход экспедиции, корысть не может присутствовать в груди Мудрых, даже ради всех Вечно Идущих! Сейчас они думают только о нас и хотят скрасить минуты расставания. Потому что жизнь любого на планете так же драгоценна, как и жизни всех Вечно Идущих. Ведь со смертью каждого погибает вселенная! Так учат нас с

первых шагов по Багряной. И я, сын мой, хочу, чтобы и ты также ценил жизнь и всегда помнил, что всем, чего мы достигли, обязаны бесконечному числу Вечно Идущих, которые переступили за грань жизни ради многих. В этом заключается одно из противоречий бытия и его смысл. Сейчас стали забывать о назначении человека, особенно после закона о «незыблемом числе» Вечно Идущих: чтобы появился новый человек, надо уйти кому-то из живущих. И ты, мой сын, придешь после меня, если я не вернусь. Ты увидишь своего отца во многих записях, услышишь мой голос и будешь следовать моему пути. И будет благословен час, когда и ты, оставив частицу себя, свершишь необходимое для блага Багряной, и твоя тень и твои мысли поведут твоего сына или дочь по бесконечному пути жизни. Будь умерен во всем — и в пище, и в одежде, не окружай себя множеством вещей, ненужных и разорительных для планеты. Чтобы убедиться в этом, посмотри на одну из свалок в Красной пустыне! Сколько там лежит без пользы ценнейших элементов, связанных в непостижимо сложные соединения и затем обретших форму пустых вещей — дань быстро преходящей моде...

Медленно тянется вахта на Эоре-хи. Погружены в сон мои спутники. Безмерно прекрасен космос, сияющий бесчисленными солнцами. Но самая прекрасная из всех небесных тел — Багряная! Колыбель Вечно Идущих. Единственная планета, где существует разумная жизнь. Все остальные мертвы. Только самая близкая к нам планета, или, как мы ее зовем, Звезда Надежды, действительно вселяет надежду, что там через миллионы оборотов материя обретет разум и начнет познавать себя в бесконечном вращении времени и перевоплощении вещества. Сейчас Звезда Надежды полна бурной, хаотической жизни. Творческие силы космоса здесь необыкновенно щедры, они экспериментируют, создавая бесконеч-

ное число живых моделей. Звезда Надежды будет невообразимо прекрасной, и жизнь на ней станет легкой, но сейчас там убийственный климат, моря и горячие клочки суши кишат всепожирающими гадами, атмосфера не пригодна для Вечно Идущих.

Мысли, вложенные в мои слова, ты услышишь еще много раз от наставников, но и мне хочется сказать тебе об этом, потому что слова отца, ушедшего навсегда в космос, значат много, если у сына душа, ищущая истины.

Скоро конец вахты. Показатель времени поет бодрую мелодию «Рождение нового дня», хотя вокруг и вечная ночь при свете бесчисленных звезд.

Вошел Вестник счастья, мой друг и брат. Мы родились еще в то время, когда можно было иметь братьев и сестер. Он сказал:

— Вижу, ты с пользой провел время, в твоих глазах хорошая грусть.

— Благодарю, брат, — ответил я. — А ты опять говорил им о чрезмерной расточительности? Зачем зря тратил время?

— О нет. Хотя поносить расточительность стало теперь модным, а все идет по-старому. Создан еще один подземный завод по выработке благовоний из атмосферы. Нет, я говорил о главном, что приводит нас к всеобщему краху, — о бессмертии. Теперь, когда мы можем продлевать жизнь почти вечно, мало кого заботят будущие поколения. Многие считают, что мы «усталая цивилизация» и с нами наступит закат жизни на Багряной. В Совете таких много. Я сказал все, что думаю о них. Мой голос слышали все.

— Прости, кроме меня. Я выключился из общей сети, чтобы сосредоточиться.

— Я знаю. В твоей записи есть хорошие мысли, я

разделяю их. Если расчеты подтвердятся и нам будет не суждено вернуться на Багряную, то вместо меня родится дочь, так же, как и твой сын, наделенная стремлениями отца. Если хоть часть Эоров-хи выполнит задачу, то Совет позволит им иметь детей. И кто знает, может, они начнут Эру возрождения!

Вестник счастья, как никогда, оправдывал свое имя, он создал такое всепроникающее поле радости, что третий наш спутник — Принесенный ветром — пришел в кабину пилота и сказал:

— Я проснулся, как прежде, чтобы бежать от городских стен в пустыню встречать солнечный рассвет.

Мы стали вспоминать былое. Вестник счастья стал в образах передавать старую запись из далекой поры нашей юности.

Мы плыли на яхте по Срединному морю. Как тогда легко дышалось! Нас было четверо. Как хороши были наши подруги! Ветер стих над водой и только на высоте верхних парусов тянул в сторону пустыни, увлекая нас на запад. Солнце скрылось. В воде отразились звезды. Э-О сказала:

— Как прекрасен мир! Как мы счастливы, что можем увидеть солнце через тысячу оборотов! И даже больше. Все будет зависеть от нас. Это ли не счастье — жить вечно!..

Тихо пропел сигнал опасности. Исчезли яхта, море, наши подруги. По обзорному экрану поплыли золотые точки: впереди мчался на нас каменный рой. Автоматически включились распылители материи. У нас их три. Наш Эор-хи летит первым, у остальных всего по одному распылителю, вся эскадра идет за нами, в нашей тени. Нам встречать удары каменного дождя! Астероиды невелики — пылевое облако и несколько сот очень мелких обломков превращаются в газ, один крупный кусок металла проходит в угрожающей близости от пра-

вого борта. Хотя силовое поле изменило его траекторию полета.

Если бы мы располагали достаточным запасом энергии, то и этот астероид исчез бы из космических лоций.

Эскадра проходит самый безопасный участок. Что же будет впереди! Там, где сосредоточены гигантские глыбы, превосходящие размерами спутники Багряной!

Эскадра движется навстречу лавине обломков, бесконечно плывущих по замкнутой кривой.

Пока мы летим в области «чистого космоса», только несколько пылевых скоплений нам еще повстречаются на пути. Приблизившись к самым мощным потокам Круга ужасов, мы должны погасить скорость, а затем вновь набрать ее, уравнивая с движением роя обломков. Сколько энергии будет потрачено! Другого выхода нет! Багряная идет на риск. Риск оправданный, необходимый, рассчитанный на успех. Конечный успех, и гибель многих. Тысячи раз Багряная облетела солнце, и за этот период никто из Вечно Идущих не жертвовал своей жизнью. Может быть, в этом причина наших бед? Мы видели только приятные стороны бытия — радость существования и наслаждения жизнью, забыв, что наше благополучие завоевано борьбой и жертвами предков, когда многие отдавали свою жизнь за прогресс науки, прокладывая новые пути в искусстве, отстаивая идеалы, которые стали основой нашего существования.

Пришла пора вновь послужить человечеству!

Мы готовы, сын мой!

Наш Эор-хи пробил туннель в каменном облаке, по нему проскочили все корабли, на их корпусах нет ни одной царапины. О нас этого не скажешь. Пылевой поток и мелкие метеориты на одну треть стерли защитную броню в носовой части корабля. Все же мы еще вне опасности. Распылители пока способны уничтожить не один астероид. Встречный каменный поток нельзя было

обойти, слишком он велик, тогда бы корабли уклонились от курса и вошли в соприкосновение с еще более опасными космическими телами. Наш главный Стратег, после полета на Третью планету получивший имя Сына звезды, мудро ведет эскадру, никто не может обвинить его в недостаточной предусмотрительности.

Да будет славно его имя.

Томителен космический полет. Как он мало похож на увлекательные путешествия вокруг Багряной на космической яхте, или на одной из лун, особенно на первой. Ни с чем не сравнимо ощущение полета на космическом теле такой величины! Ты испытываешь его, закалив волю, готовясь к подвигам во имя Багряной. Тебе, может, придется быть в числе тех, кто, оставив нашу многострадальную планету, полетит к Первому светилу из созвездия Ищущего Странника, где существует планетная система с круговыми орбитами. Возможно, там есть жизнь и существа, наделенные разумом. Как хочется, чтобы они достигли нашего понимания назначения жизни во вселенной. Если жизнь там враждебна нам, то будь гуманен, хотя бы потому, что ты будешь обладать необыкновенно могущественными средствами — и разрушения и благотворного влияния на чужое нам сознание.

Но как бы мне хотелось, чтобы ты отправился не в далекий космос, а на Звезду Надежды! Просмотри мои записи экспедиции на Звезду Надежды. Я отдал сто оборотов жизни на изучение этой планеты, где по капризу космоса собраны неисчислимые блага для процветания жизни в высшем ее проявлении. Может быть, во всей Галактике нет подобной планеты. Обрати и ты на нее все свои помыслы. Перед отлетом за ледяными астероидами я предложил Совету считать посещение Звезды Надежды обязательной для всех мужчин, достигших зрелости мысли и тела...

Багряная превратилась в далекую и печальную искорку. Наш Эор-хи теперь идет десятым. Еще одна встреча с метеоритами истощила запасы энергетической мощи, у нас серьезные повреждения в корпусе. Стратег предложил нам перейти на другие планетолеты. Мы отказались. У нашего Эора-хи отличный двигатель, его надо попытаться сохранить для транспортировки ледяных глыб. Стратег нашел наше решение правильным. Он сам поступил бы так же. И все на остальных Эорах-хи выразили свое одобрение.

Эскадра входит в скопище обломков планеты. Стратег уравнил с ними скорость, кажется, что мы еле движемся среди невообразимого хаоса. Действительно, охватывает ужас, когда воображение рисует катастрофу! Бедствие произошло не так давно. Есть иероглифические записи этого события. Цветущая планета, имевшая атмосферу, глубокие моря, и, главное, на ней существовали люди! Самые древние люди в системе нашего Солнца! Все погибло в одно мгновение. Есть предположение, что наши соседи нашли способ освобождать энергию, заключенную в веществе, и применили ее друг против друга в припадке безумия. Подобное может случиться, если цивилизация исчерпала себя или же если она очень молода, но идет неверными путями, как дитя, не охраняемое няней-роботом, бежит к берегу Срединного моря.

Мы все дальше проникаем в хаос осколков, больших и совсем крохотных частиц, похожих на пылевые скопления, на малой скорости они безвредны для кораблей. Космической пыли так много, она очень густа, сквозь нее ничего не видно. Мощные локаторы прощупывают пространство вокруг эскадры, находят пути между глыбами камня. Лед нам еще не встречается, он где-то на периферии, мы же находимся в центре одного из скоплений осколков.

Наконец через пять вращений, или дней, по времени Багряной, показался свет звезды, и мы увидели чудовищные куски планеты, в несколько раз превосходящие наши спутники. Они висели на черном фоне космического пространства, похожие на живые существа чужого мира, впавшие в долгий сон. Сюда выплеснулся океан несчастной планеты, и массы воды затвердели в виде самых фантастических фигур.

Все они в наших записях. Вы сейчас смотрите на них и удивляетесь больше, чем удивлялись мы: для вас, сидящих в удобных креслах, ласково охватывающих тело, перед «говорящими стенами», возникают необычные, устрашающие формы, немного пьянящие изощренный ум, для вас Круг ужасов — место свершений, а все, что вы видите, только рабочий материал или помехи, не дающие выполнить требуемое в нужный срок.

После встречи с первыми ледяными астероидами приборы показали близость еще больших ледяных скоплений. Но и среди них не было ни одного заслуживающего внимания: шаровидные образования кристаллов воды, непригодные для транспортировки. Первая глыба льда значительных размеров, которую мы увидели, также не годилась для нашей цели, вокруг нее держалась тонкая пленка испарений. Силы притяжения глыбы удерживали частицы переохлажденной воды у ее поверхности, и все же пройдет еще немного времени, и кусок льда рассеется в космосе. Только значительным астероидам суждена более долгая жизнь, если вести счет по времени Багряной, и краткий миг на великих часах Галактики.

Первый огромный ледяной астероид принес неожиданное подтверждение существования жизни на погибшей планете. Взгляни на запись — и ты увидишь вплавленные в лед детали строения, и главное — изображение существа, видимо, более совершенного, нежели

Вечно Идущие. По всем признакам это женщина. Как прекрасен и совершенен ее облик. На руке у нее пять пальцев! Обрати внимание на выражение ее лица! Какое гордое спокойствие разлито во всех ее чертах. Может быть, художник изваял ее, зная о неминуемом конце? Тогда это был мужественный человек, он передал свое творение нам, которые так нуждаются в мужестве.

Может, все не так. У тебя больше сведений, чем у нас, первооткрывателей. То, что доставят на Багряную оставшиеся корабли, должно пролить более ясный свет на случившееся в космосе...

Теперь о главном. Стратег, осторожно ведя корабли, наконец привел нас к цели. Ледяная громадина сверкала в лучах солнца, ее окутывало прозрачное покрывало испарений!

Целое замерзшее море, превратившееся в небольшую планету. Восторг охватил всех на эскадре. Двадцать восемь кораблей Стратег приказал использовать как двигатели, остальные находились в резерве и выполняли разведывательную службу.

Ледяной астероид стал медленно выходить из потока. И тут случилось то, что было predetermined расчетами еще на Багряной. Ты видишь, сын мой, как мы прокладываем себе путь среди каменного потока. Удары в нашу ледяную планету гасят скорость, приходится вновь набирать ее, расходуя запасы энергии.

Брошенные рукой случая или безумия обломки горных хребтов ударяют в ледяную планету, взлетают фонтаны раскаленного пара, мгновенно превращаясь в мельчайшие кристаллы. Страшные удары так сотрясают наш Эор-хи, что наблюдается деформация корпуса. Особенно тяжело пришлось тем кораблям, что находятся на противоположной стороне, туда обрушилась целая лавина камней. Погибло три Эора-хи, никто из Вечно Идущих не спасся. Вот где окончился их путь.

Всмотришься внимательней в ледяную планету.

Видишь мощный выступ? Под ним за струей огня, выбрасываемого двигателями Эора-хи, находимся мы в ледяном плену. Отсюда нельзя уйти. И мы останемся там, что бы ни случилось, и только если Стратег выведет ледяной астероид на орбиту вокруг Багряной, мы оставим наше заточение, но тогда тебя не будет на свете. А ты родишься! Ты должен быть, сын мой! Мне пора. Сегодня я завершил пятисотый оборот Солнца. Это и много и мало.

Заканчивается моя вахта. Пришел Вестник счастья. Он мне друг и брат. Храни и его облик в своем сердце. Прощай до следующей вахты. Нет, сын мой, неизвестно, что может случиться за это время. Я остаюсь в кабине пилота. Слушай самое важное, что я должен передать тебе...»

На этом обрывается говорящее письмо. Арт сказал, что не помнит такой экспедиции.

— Наверное, полет за льдом происходил еще до моего рождения, — добавил он. — Тогда были попытки заполнить ложа морей космической водой...

По настоянию Макса Зингера я привожу здесь несколько глав, взятых из «Сборника новелл» — большой пористой пластины. Как и «Письмо капитана Эора-хи», новеллы перепечатаны прямо с магнитофонной нити. Мы придумали только заголовки: компьютер Арта или не смог их перевести, или они давались в «цветовой прелюдии». По той же причине пришлось нам подыскивать и некоторые имена действующим лицам.

СИНЯЯ ТОНАЛЬНОСТЬ

— Прошло пять столетий, как я рожден матерью, ее облик вы видите сейчас...

Макс:

— Ничего мы не видим. Что-то не срабатывает...

Мы шикнули на Зингера. Бесстрастный голос переводчика продолжал:

— Звездное колесо едва повернулось на одну спицу из миллиарда в своей ступице, определив меру в бесконечном потоке времени.

Я был счастлив счастьем, доступным каждому: счастьем восприимчивой молодости, счастьем зрелости, когда радость жизнью становится полней после раскрытия всех талантов и способностей, переданных родителями и развитыми учителями и собственными усилиями ума и воли.

Наступила третья пора жизни — усовершенствования, когда с мудростью появляется разочарование во многом и сожаление оттого, что нельзя повторить цикл жизни, вместить в сознание многое из непознанного.

Наступает осень моей жизни.

В часы раздумий, а их все больше, проходит бесконечная вереница мыслей, где воедино связаны и лица друзей с их помыслами и делами, их острые фразы, места, где я побывал, мои достижения, утраты, разочарования.

Пока мы бессильны путешествовать во времени, сделаны только первые обнадеживающие открытия, истечет отпущенный мне срок, пока мои потомки будут владеть великой властью над временем! В этом конечная цель жизни!

Христо Вашата:

— У нас занимались этой проблемой только фантасты, и то только как средством транспортировки своих героев.

Как и в первый раз, когда Макс вставил свою реплику, переводчик Арта вежливо умолк. Мы переглянулись: вначале мы эту удивительную особенность сочли за неисправность прибора.

— Все же, чем больше оборотов совершает Багряная вокруг Солнца, тем мне сильнее хочется вернуть только краткий миг в моей жизни, одно только лето в долине Исполинского кряжа, у Лазурного озера — места паломничества влюбленных. До сих пор существует древнее поверье: если любящие войдут в воды озера при свете двух лун, то их любовь не угаснет... Что ж, и я поддался наивной вере в чудесное. Рука об руку мы вошли в горячие воды, и такова сила самовнушения, что мы поверили сказке и пережили сказку...

Аппарат издал певучее бормотанье, видимо, что-то непере译имое на наш слишком деловой язык.

Макс:

— Что-то у меня посинело в глазах. И уже давно.

Все мы трое признались, что и у нас глаза заволокло синей дымкой и вдобавок стеснило дыханье.

Макс:

— Сопереживайте, друзья, хотя не поддавайтесь чарам этого сентиментального старикана. Берегите эмоции. Не расслабляйтесь.

Певучие звучания оборвались.

— Излияние чувств в Синей тональности, — сказала механическое чудо из прибора и продолжало: — Каждый из нас носит в душе эталон прекрасного, воспитанный бесчисленными поколениями ранее живущих; мы с детства учимся узнавать, находить красоту в окружающем нас мире вещей, в природе, в себе подобных.

Красота многолика, как и все во вселенной.

Она была прекрасна, как может быть прекрасна только любимая женщина. В ней воплотились все мои мечты о совершенной подруге. Увидев меня однажды, она мгновенно поняла мой идеал женской красоты, нашла в себе изъяны и занялась их устранением, и только тогда она нашла случай встретиться со мной вна-

чале на трехмерном экране, а затем на берегу Лазурного озера.

Перебивка. Из аппарата звучит еле слышная музыка. Синий свет стал гуще, переходя в фиолетовый.

— Не было ее прекрасней на всей Багряной!

Красота ее была создана только для меня. Я же не делал никаких усилий, чтобы понравиться ей, мне не требовалось перестраивать свой внешний облик, лицо; я весь отвечал ее эталону, ее мечте о возлюбленном. И главное — редчайшее сочетание! Нам не приходилось, подлаживаясь друг к другу, перестраивать психику. И только в одном, как это обнаружилось в течение волшебных дней на Лазурном берегу, мы расходились: она с трудом принимала Синюю тональность моих убеждений, выражавшихся в стихах, картинах, прозе, мирозерцании. Она оказалась ярой сторонницей «розового направления».

Музыкальная перебивка. В глазах порозовело.

Вашата:

— Нам бы его заботы.

Макс:

— Ты вникни в суть! Это же необыкновенно — мыслить в определенной цветовой гамме!

Антон:

— По-моему, он мухлюет: замечаете, как неприятно действует розовый цвет в его подаче?

Макс:

— Давно известно, что красный цвет некоторым .
противопоказан.

Антон:

— Речь идет о розовом.

Макс:

— Розовый — разжиженный красный...

Вашата:

— Влюбленные нашли единомышленников!

Макс бросил на командира один из своих испепеляющих взглядов. Антон сказал, что ему действительно больше по душе синий цвет.

Макс навсегда оставил за собой последнее слово:

— Синей себе на здоровье.

Музыкальная перебивка окончилась. Переводчик продолжал:

— Как и следовало ожидать, назревала трагедия!

Я посвятил ей поэму в синих стихах с переходом в изумительный фиолет и даже ввел в концовке желтоватые тона.

На это она преподнесла мне нечто розовое, названное ею сонетом. Что может быть непоправимей!

Долгие обороты мы страдали. Изредка встречались, используя трехмерную телесвязь, и снова расставались. Хотя я, движимый любовью и видя ее страдания, сделал попытку приблизиться к «розовому восприятию действительности» и добился только творческого краха.

Врач высших степеней по имени Видящий сущность после консультации с коллегами сообщил мне, что единственная возможность уладить конфликт — это заменить эмоциональные центры. Но тогда что останется от моей личности! Розовый туман! Нет! И еще раз нет. Она также с негодованием отвергла бестактную рекомендацию врачей.

— Мне ничто не мешает любить в тебе то, что еще теплится за гранью синих фантазий, — сказала она при последней встрече... Хотя в ту пору возле нее «описывал круги», как говорили в пору моей юности, один тип с жидко-розоватыми мыслями.

Почему-то из всего пережитого только Розовая мечта — такое она носила имя, всегда у меня в зримом образе, я же, увы, назвал себя в ту пору Идущий повсюду — довольно банальное имя, после разлуки с ней я стал известен в кругу близких мне друзей как Вечно

ждуший, намекая ей, что все-таки мы должны встретиться в бесконечности, как две параллельные линии, мы так близки по духу, так же прямолинейны.

Скажите, слабое утешение? Да, возможно...

Вашата:

— Вот оптимист! Да, да, не буду. Пусть продолжает.

— Всегда у меня не хватало времени. Вечно я находился в погоне за совершенством во многих искусствах, особенно же в поисках новых оттенков ритмики в Синей тональности. Кое-чего мне удалось достичь. Основано общество «Синих братьев». Но есть общества «Желтых», «Зеленых», «Черных» и множества других цветов и оттенков, я не говорю о науках, изменяющих мир, вторгающихся в самое сокровенное, раскрывающих тайны космоса. И все же какая ирония «закона непостоянства». Наибольшей популярностью в наше время пользуется парень из города Веселых Пульптей. Он создал танец, в котором танцоры подражают этим веселым зверькам! Так родилось движение пульптистов.

Пульпти, эти милые существа, оставшиеся только в детских фильмах и звучащих книгах, жили в серых песках и были уничтожены отходами заводов, вырабатывавших краску для волос. Произошло истребление Пульптей недавно, не более двух тысяч лет назад, тогда же были уничтожены рыбы, красные сони, шестикрылые птицы, травоядные ящеры и множество других существ. Многих уничтожали ради забавы — существовало занятие, называемое охотой; многие погибли, лишившись места для жизни, пищи, или были отравлены, как бедные Пульпти. В ту пору Багряная поражала необыкновенной щедростью своих недр, обилием и разнообразием жизни. И удивительно то обстоятельство, что в ту пору Вечно Идущие уже знали закон, открытый Нонунином Младшим о пределах распространения жиз-

ни. В частности, Нонуин открыл, что любая планета во вселенной содержит в себе постоянную массу жизни, которая зависит от объема планеты, ее газовой оболочки, количества воды, минералов, истребляемых существами всех видов от простейших до Вечно Идущих.

Я привел слова Нонуина Младшего для тех, кто пожелал бы подумать о грозных последствиях расточительства. Закон «соответствия» последние два столетия стал забываться, особенно после создания мыслящих роботов и универсальных машин, изготовляющих нужные и ненужные вещи, тогда и родилось движение, названное пульптизмом.

Гигиенисты превозносят пульптизм, считают, что это кривлянье способно вернуть людям моего возраста былую подвижность, силу и бодрость. Сознаюсь, и я соблазнился и вынес горький опыт, пришлось срочно заменить печень и еще кое-какие органы, что нарушило деятельность всего организма в целом.

...Ты, конечно, пульптистка, но вряд ли знакома с историей пульптизма. Между прочим, вот как она звучит в Синей тональности.

Наступила довольно продолжительная музыкальная пауза, конечно, для нас, не умеющих воспринимать «цветные волны», затем автор обратился к своей корреспондентке, отвечая в этой записи на ее вопросы:

— Ждущая радости.

Теперь ты знаешь многое. Вступая в опасную пору жизни, извлеки из моего опыта все, что можешь; все, что отвечает твоему «я». Остальное в этой записи возникло попутно, связанное тонкими нитями с основным в моей жизни. Лазурный берег уплывает от меня все дальше, к тебе он приближается. Ты еще войдешь в синие воды при свете двух лун.

Ты еще спрашиваешь о моих намерениях. Они определились. Робот-психоаналитик открыл во мне долго

дремавший талант педагога. Вот не думал! Как много в нас скрыто. Как медленно идет познание своих возможностей. Выполняя долг перед Багряной, теперь стану воспитывать ее сынов и дочерей при лаборатории воспроизводства Вечно Идущих.

На третий вопрос отвечу следующее...

На этом запись обрывалась.

Макс:

— На самом интересном месте!

Христо:

— Не гневи местных богов.

Антон:

— Действительно, замечательная запись, жаль — нет проектора для показа всей записи в целом. Судя по всему, перевод не дает полного представления. Ведь здесь запись целого фильма. Посмотреть бы Лазурное озеро, розовую женщину и самого героя во цвете лет.

Христо:

— Для первого прослушивания прекрасно. И печально и смешно. Вы обратили внимание, ребята, на закон о массе жизни? Ведь это наш Вернадский открыл его вновь для своей планеты через уйму тысячелетий! Меня это потрясло больше, чем весь роман в Сине-розовой тональности.

Макс:

— Вы все как-то пренебрежительно отзываетесь о цветном звучании.

Вашата:

— Откуда ты заключил?

Макс:

— Понятно младенцу ваше отношение к чужой культуре.

Антон:

— Ну будет, Максик!

Макс, смягчаясь:

— Ну хорошо, может, действительно мне показалось. Я же, ребята, кажется, начал разбираться и в синем и в розовом звучании. Ну что уставились! Я вижу образы, смутно, правда, еще чувствую смену настроения. И даже музыка не напоминает мне больше воробьиный писк...

Я представил себе, как будет реагировать Феникс на это прозрение, и улыбнулся.

Вашата понял меня, его глаза прищурились в усмешке.

Антон рассмеялся и хлопнул Макса по плечу.

Макс:

— Ну что вы, ребята, что здесь смешного? Что мы из другого теста слепленные, чем Вечно Идущие?

— То, что ты назвал тестом, Вечно Идущие считали живой материей, да и ты так считаешь. Зачем путать ясные понятия, — это произнес Арт, вернее, его голографическая копия, возникшая у шкафа-холодильника.

В ответ все мы, включая Макса, расхохотались.

Арт невозмутимо изрек:

— Смех — эмоциональная разрядка, настраивает на правильное восприятие действительности.

Вашата спросил, медленно выговаривая слова:

— Ты принес дурные вести?

— Не тяни! — не выдержал Макс, хотя Арт и не думал медлить. Реплика Зингера только отвлекла его. Мне кажется, что Арт почему-то невзлюбил Макса и не упускал случая порезонерствовать на его счет.

— «Тяни» вызывает те же ассоциации, что и «тесто». Каждый разговор с тобой обогащает мой запас понятий. Например, тридцать два часа пять минут назад я воспринимал твой разговор с существом, которое напоминает существа, прежде жившие на Багряной (по-

следовала непонятная свистящая фраза). Ты зовешь его Феня. То, что говорил ты, я воспринял, логически сопоставив все известные мне понятия, то, что ответил тебе Феня, не могу осмыслить до сих пор. Задача непостижимой сложности для меня. Вы все мысленно спрашиваете: что говорил Феня? Отвечаю: «На кой черт попугаю тромбон?»

Когда мы объяснили смысл глубокомысленного восклицания Фени, Арт сказал:

— Чепуха!..

ПРОГУЛКА ПО СРЕДИННОМУ МОРЮ

Звездный луч с такой силой оттолкнул яхту багром от мола, что всё невольно покачнулось. Мать улыбнулась, гордая силой сына. Отец не подал вида, что и ему доставляет счастье видеть своего первенца таким ловким, широкоплечим, способным переплыть Срединное море. Дочь слабо вскрикнула, ухватившись руками за ванты, и засмеялась. Яхта скользила по фиолетовой воде, покрытой меняющимся узором солнечных бликов. Теплый ветер, насыщенный запахами цветущих кактусов, сухой почвы и водорослей, дул с берега короткими порывами. Робот-матрос поставил паруса. Яхта, слегка накренясь, пошла быстро к далеким островам. Казалось, что на островах установлены антигравитаторы и они висят над водой, хотя острова далеко скрыты за горизонтом.

Так хотел отец. Он запрограммировал и острова, и яхту без двигателя — только паруса и длинные весла, с которыми управится робот, и погоду, такую же, какой она часто бывала в пору его молодости, когда у него не появлялось и тени сомнения, что он будет жить вечно и Багряная останется всегда такой же прекрасной. Ре-

конструкция природы стоила не так уж много, это был фон, декорация. Огромное количество энергии требовалось для действующих лиц: жены, сына и дочери. Жена тоже, как и пейзаж, взята роботом из очень четкой старой записи, а вот дети... Их не было, этих детей. Они жили только в его сердце, и поэтому на них-то он должен был потратить более половины электронов, отпущенных ему на весь остаток жизни.

Вокруг стояла космическая тишина, волны не плескались, не скрипели уключины, хотя они всегда поскрипывали в те времена и робот обыкновенно лил на трущиеся части воду, хотя в избытке имелось масло, просто всем нравился скрип уключин, смоченных водой, он придавал особый, древний колорит прогулкам по Срединному морю.

Тишина давила отца. И все потому, что опять из-за экономии он не мог полностью переключить сознание. Нет, нет да пронизывала мысль, что все не так, не так... Хотя временами он жил только в прошлом, жил каждой клеткой своего тела.

Ветер не посвистывал в снастях, не хлопали паруса при перемене галсов. Да, не хватало радостного шума природы, людских голосов.

Долго готовясь к этой прогулке, Подобный скале — так звали отца — подсчитал с помощью своего друга, врача и вершителя всех дел, робота высшего класса, все возможные варианты и затраты на них.

— Только так, — сказал робот, — мы подсчитали чуть не каждый электрон. — Робот не был лишен чувства юмора. — Вот если бы соединить мощности!

— Прекрасная мысль! — согласился Подобный скале. — Но...

Никто из сверстников не соглашался. Все считали безумством затею своего друга и почти прекратили с ним всякое общение. Ведь с наличным лимитом можно

протянуть еще около ста лет, а там, возможно, найдут новые способы извлекать энергию.

Даже лучший друг спросил с горечью:

— Тебе мало записей о прошлом? Мы получаем их за счет общественных фондов.

— Ты понимаешь, мне хочется побыть вместе с семьей.

— С женой?

— Да, и с детьми...

— У тебя их не было!

— Могли быть...

— Могли...

И лучший друг погрузился в думы, ушел в себя. У него было объемное воображение.

И Подобный скале мог воскрешать картины прошлого и конструировать будущее, все же мечтам далеко от настоящего перевоплощения. А Подобный скале хотел прожить подлинной жизнью юности хоть несколько мгновений.

Подобный скале — имя соответствовало его упорству — могучим напряжением воли привел в действие последние резервы своего организма. Он знал, чем это грозит ему, но остановиться не мог.

И ожили берега. Стояла пора летних купаний. Весь ближний берег напоминал смелую мозаику. Миллионы людей съехались, слетелись, пришли пешком — возродилась мода к такому виду передвижения — сюда, к теплой целительной воде и солнцу.

Справа и слева проходят яхты друзей.

Веселые приветствия!

Обмен новостями.

Жена и дочь рассматривают купальные костюмы подруг. Переговариваются, смеются.

Сын повстречал друга, и они бросились в воду и поплыли (все как в сценарии), за ними на некотором уда-

лении следует робот-воспитатель — если они устанут, то он поддержит их на воде, а затем и доставит на яхту: у него мощный двигатель.

Сын и его друг — строители межзвездных кораблей; через столетие, когда первый корабль будет создан, они отправятся в космос...

Подобный скале полулежал в удобном кресле. После всего пережитого наступил глубокий обморок. Врач подошел, держа в эластичных пальцах шприц с желтоватой жидкостью, движения его были вялы: он потреблял энергию из того же контейнера. Врач ввел стимулятор в едва приметную вену на сгибе руки, едва осязаемый пульс искусственного сердца стал явственней, ритмичней. Нервная система совсем износилась, да и сердце требовало замены, но Подобный скале не соглашался тратить на это энергию.

— Прогулка была прекрасной, — сказал врач. — Прости, но я не мог удержаться.

— Подключился?

— Да. Просто не верится, что так было.

— Записи не дают того, что ощущаешь при полном участии. Ты видел моих сына и дочь?

— Да. Они прекрасны, Подобный скале.

— Звездный луч — строитель кораблей! Он сейчас на полпути к планетной системе Оранжевого Солнца. Он просил отдать тебя ему в этот полет. Я не мог расстаться с тобой.

— Благодарю.

Наступила пауза.

Подобный скале погрузился в размышления, используя действие стимулятора.

Рядом с ним в таких же прозрачных кабинах лежали и сидели те, кому удалось путем лишений сэкономить энергию, даже прохаживались от стенки к стенке, поглядывая на пыльное небо, на воду коричневого цве-

та с плавающими сгустками нечистот: уже несколько лет, как перестала действовать система регенерации. Море сильно обмелело, обнажив скалы, когда-то скрытые водой, они служили местом обитания бесчисленных живых существ.

Подобный скале, теперь похожий на жалкий обломок, вспомнил, что когда-то он увлекался наукой о море. Он открыл и описал сто новых видов крохотных существ, дающих жизнь более сложным видам, и в конечном счете Вечно Идущим, — тогда еще не умели готовить искусственную пищу. Сейчас все эти восхитительные комочки жизни исчезли или изменились до неузнаваемости, стали чрезвычайно редки и ядовиты.

Он так же повинен в этом, как и все, что сейчас заключены под прозрачные колпаки.

Тот восхитительный песчаный пляж, что он вновь увидел несколько минут назад, сейчас покрыт удивительно прочной пленкой, она прекратила движение песка, а заодно и лишила семена растений возможности прорастания. В пленке оказался еще один, более страшный порок — она выделяла вещества, вызывающие болезни, отравила воду и воздух. Вечно Идущие нашли через много лет противоядие, но этих противоядий не было у растений и животных прибрежной зоны.

Пленка — только ничтожная из причин, было их много, очень много...

Врач сказал:

— Прибыли по пневматической почте «необходимые вещи».

— Неужели нет средства прекратить поток этого ненужного хлама? — вяло спросил Подобный скале.

— Ты знаешь, что Система вышла из-под контроля.

Подобный скале с горечью подумал, что и он принимал участие в создании машин, способных к самоусовершенствованию. Среди автоматов — хотя теперь уже

их так не назовешь — есть талантливые конструкторы «нужных вещей», модельеры, прогнозисты моды, дизайнеры, портные, обувщики и еще более тысячи категорий специалистов, число которых растет, так как там действует большой отряд изыскателей новых потребностей...

Врач стал перечислять список «необходимых вещей»:

— Костюмы для прогулки в разное время суток. Костюм для торжественных церемоний...

— Не трать энергию...

— Из одного автомата я извлек батарейку, — бодро ответил врач.

Подобный скале выразил неудовольствие движением век:

— Не унижайся...

— Понимаю, что этим я нарушил один из принципов. Но так делают многие. Ты посмотри, как ярко светит-ся хранитель энергии у Покорителя стихий.

— Пусть свет его не померкнет, Илз, — Подобный скале впервые назвал по имени своего врача, обыкновенно он сэкономил на этом энергию.

— У меня нет возражений. Ты, видимо, прав... Среди «необходимых вещей» есть совершенно непонятные создания, к ним будут присланы инструкции.

— Как ты стал болтлив.

Вздрогнул пол: подошел фургон мусорщиков, и черные роботы стали поспешно бросать в кузов разноцветные коробки и свертки с яркими наклейками.

Когда старый фургон, громокая и скрипя, отъехал, Илз напомнил Подобному скале, что пришло время просмотра записей. Уже все вокруг ушли из действительности, погрузившись в законсервированный мир переживаний. Создалось благоприятное поле, можно было, подключившись к нему, кое-что сэкономить на энергии,

об этом и подумал Илз. Его мысли не укрылись от Подобного скале, да врач и не думал их скрывать, как и то, что он все-таки успел извлечь все аккумуляторы из «необходимых вещей», и теперь их хранитель энергии слегка посветлел.

— Илз! — роняет Подобный скале.

Илз уже знает, что окончательно созрело в непостижимо мудром мозгу его господина и друга.

— Илз! Теперь хватит еще на одну прогулку?

— Да. Хватит.

— Тогда я отправляюсь. Все мои записи, включая последнюю, передашь в хранилище памяти.

— Да. Передам. — Илз с мольбой смотрит в глаза своего господина.

— Хорошо. — Подобный скале прикрывает веками глаза. — Можешь включить блок счастья.

«Опять лишний расход энергии, но должен же кто-то порадоваться, глядя на него, юного и прекрасного. Илз заслужил это право».

Пока Илз готовил все необходимое: подбирал нужный фон, вытребовал из архива, тоже в объемных записях, портреты друзей своего господина, Подобный скале лежал и перебирал в своей памяти события, которые следовало воссоздать. Только одно из бесчисленной вереницы, которое бы не оставило горечи утраты, как прогулка на яхте.

— Только радость должна наполнять его. Одна только радость. — Илз все это воспринимал и лихорадочно работал.

— Ну вот и готово! — говорит Илз. — Я выполнил почти все, что ты хотел. Будет день, о котором ты не забывал никогда. Будут почти все твои друзья. Неплохо бы и им присоединиться, тогда у вас возвратилось бы целых пять дней...

— Илз!

— Ты недоволен мной, Подобный скале?

— Как ты стал болтлив.

— Я знаю это, но ничего не могу поделать. Слишком износился блок сбережения эмоций. Сколько раз я обращался в Центр реставрации...

— Илз!

— Я все понял. Не буду больше. Что толку? Там сейчас всем верховодит Предвидящий все. Между прочим, у него тоже не все в порядке...

— Илз!

— Сейчас, только сделаю тебе инъекцию, путешествие потребует всех сил...

Подобный скале ничего больше не сказал, но Илз уловил необычайно сильное поле неприязни, исходившее от него, и поспешно отбил горлышко последней ампулы со стимулятором...

И второй раз исчезло с берегов Срединного моря все созданное Вечно Идущими за последние пять столетий, остался только древний город, радостный, как утро, что занималось над Багряной.

Еще лежит изморозь на камнях и песке.

Низко над водой летят четырехкрылые драконы. Голоса их далеко разносятся вокруг. Так каждое утро они покидают город, чтобы встретить солнце, а затем снова возвращаются в голубые сады столицы.

Все это видит Илз.

Новенький.

Молодой.

У Илза только первая оболочка. Старомодная, пестрая.

Илз стоит на хрустящем песке и смотрит, как ватага молодых людей, заглушая голоса птиц, мчится к воде. Они прыгают в воду. Исчезают под ней.

Впервые в своей жизни Илз в растерянности. Цель его существования — охранять Гребень волны, так звал-

ся тогда Вечно Идущий, впоследствии получивший имя Подобный скале.

Прошла почти секунда, пока Илз находит выход — всю мощь своих батарей он подключает на сигнал опасности, грозящей в воде...

Желтые спасатели, похожие на причальные тумбы, взмахнув ластами, уходят в глубину.

Блок радости работает прекрасно. Илз сейчас переживает за каждого, кто, оседлав желтого спасателя, носится на нем, посылая в пространство звуковые колебания, называемые смехом...

Илз знает, что время истекло, через три секунды он уйдет навсегда из мира своей юности, он стремится задержаться хотя бы на миг, увидеть, как Гребень волны схватит протянутую руку...

Не случилось того, что не могло случиться для него, Илза, высокоинтеллектуального робота. Если бы он был Вечно Идущим!..

Едва вспыхнув, эта мысль угасает.

Угасает все.

Илз еще видит комнату с прозрачной стеной, затянутую пылью даль. Видит на другой стене экран. Там в сверкающих красках вновь переливается море и неумные существа говорят... говорят... говорят... что-то все ищут друг в друге. Что-то пытаются понять... Что-то понимают. И обнаруживают еще больше непонятного...

Сознание Илза меркнет. Он бросает затуманенный взгляд на помолодевшее лицо Подобного скале, на контейнер — уже совсем почернел. И последняя мысль пронизывает его: «Гребень волны схватил протянутую руку...»

ЦВЕТЫ ЛИМА

«Непостижима мудрость Вечно Идущих, загадочны их поступки, мглою окутаны дали, к которым они стремятся...» — так сказал Бледный Мца, или, как его еще называли, — Орущий в ночи...

Вот перед вами одна из древнейших записей. Вы видите, как она еще несовершенна: только двухцветное плоское изображение и звук. Язык чтеца пестрит архаизмами, слог тяжел для нашего изнеженного уха, но зато какая в нем сила и убедительность!

Перед нами Малое море и его окрестности. Какое обилие воды! Воды чистой, прозрачной, насыщенной жизнью. Несколько парусных судов как бы подчеркивают безмолвие, царящее над морем, скорее то, что принято называть тишиной, то есть ограниченное количество звуков, которые, как воздух, впитываем мы всем своим существом. Это плеск волн, шепот ветра, крик четырехкрылой птицы, звон камня, скатившегося с крутого берега.

Вы обратили внимание и на окрестности. В сероватой гамме вы угадываете цвет растительности. Она сплошь покрывает невысокие холмы. Сверкающая ниточка — ручей! И он здесь не один. Ручьи и реки питают море.

Как во всех старых записях, нас поражает обилие животных, населяющих окрестности моря. Теперь они почти все исчезли. Мы знаем причины, знаем и печальные следствия насильственного удаления звеньев из цепи жизни, выкованной слепой мудростью природы.

...Не удивляйтесь. Перед вами тот же район. С каким мастерством передается изображение! Полное ощущение реальности. Естественные тона! Какая глубина перспективы. Но куда девалось море? Ушло в недра

Багряной? Что произошло с пышной растительностью и ее населением?

На сухом дне расположился наш город. По злой иронии судьбы теперь он называется Малым морем.

Теперь снова вернемся к первой записи. Вы, наверное, обратили внимание на славных пушистых зверьков? Вот один из них стоит на задних лапках, напоминая Вечно Идущего, погруженного в размышления о прекрасном. Это Лим. Ну конечно же, пушистый Лим, герой детских сказок.

Заметьте еще одну особенность: вокруг холмика, на котором стоит наш Лим, густо разрослись кусты, усыпанные алыми соцветиями. Это Лимок, или куст Лима. Суррогат этих ягод теперь изготавливается на кондитерских фабриках, по форме и цвету конфеты превосходят оригинал, и, как уверяют специалисты, их содержимое в сотни раз богаче натуральных ягод микроэлементами, энзимами и прочими необходимыми для организма веществами.

Хотя есть и другие мнения.

Кустарник Лима начал исчезать там, где уничтожались зверьки, хотя для растений создавались, по мнению ботаников, самые оптимальные условия. Семена давали ростки, но затем, несмотря на все старания, чахли и засыхали. А если отдельные экземпляры и принимали вид зрелого куста, то плодов не приносили.

Нетрудно было вывести заключение, что кустарник и Лим чем-то связаны. Действительно, еще до полного исчезновения Лимов было установлено, что жизнестойкость потомства кустов Лима зависит от того, находились ли их семена в желудках животных или нет.

Как ни печально, и после этого открытия продолжалось истребление Лимов, хотя и были созданы многочисленные общества охраны исчезающих видов.

Перед вами конгресс одного из таких обществ. Са-

мый многочисленный по количеству представителей за последние сто оборотов Багряной вокруг Солнца. Выступает с отчетом о деятельности общества женщина, посвятившая свое время защите Лимов и которой присвоено пышное имя — Цветущий куст Лима. Она делится своими прекрасными, полными оптимизма мыслями. Ее слушает вся планета... за исключением членов «Общества любителей дикой природы». Перед вами сейчас проходит конгресс «дикарей». Торжественные речи, восхваляющие первозданную природу, уже окончены. Просматриваются лучшие записи ее самых заслуженных членов. «Подвиги дикарей» изданы специальным блоком, и Вечно Идущие найдут там довольно забавные сцены: например, охоту за мелкими астероидами — опасный, но мужественный вид спорта. Там же есть и отвратительные записи охоты, то есть убийства животных. Охота почему-то до сих пор считается достойным действием, закаливающим дух Вечно Идущих, которые так нуждаются в сильных нервных встрясках.

Хотя есть и другие мнения.

Одна из записей «дикарей» заслуживает всепланетного внимания.

Вот она перед вами, эта запись!

Мы в горной долине. Невольно приходит мысль: неужели еще есть на Багряной такие уголки «далекого прошлого»? Как видите, есть. Нет, здесь не декорации. Как пахнут цветы Лима! На цветок опустился многокрылый угольщик, существовавший только в копиях, мы все полагали, что и этот красавец погиб. Он священнодействует, переносит красные зерна пыльцы на пестик цветка Лима. Должен заметить, что создание Цветущей долины — заслуга охотников. Парадокс — говорят многие, забывая, что жизнь состоит из парадоксов. В чем вы все немедленно убедитесь.

Видите смятую траву, сломанные стебли кустарни-

ка? Здесь только что прошел один из создателей этого благословенного уголка. Вот и он сам. Прекрасный образец целеустремленности. Приборы регистрируют напряжение двигательных центров и непоколебимость решений. Его сопровождают два робота — один, как вам известно, универсал обычного типа, второй — уникальное создание. Единственное его назначение — различать следы и ощущать запах Лима. Не растения, нет! Запах зверька. Как вы уже поняли, раз есть кустарник, то где-то неподалеку живут и зверьки.

Вот и Лим! Автор записи демонстрирует его, используя предварительные съемки. Здесь Лим сильно увеличен и выглядит весьма устрашающе, пожалуй, свирепей Пии. Но таков замысел автора. Он, видимо, стремится показать, какой опасности он подвергается, очутившись среди древних зарослей.

Убедимся в этом и мы с вами.

Вижу, что многие не знают, что за приборы несет робот-универсал. Оружие: лучевой пистолет, пистолет, убивающий ультразвуком, ружье, стреляющее ядовитыми ампулами, автоматический аркан, портативный радар. Не следует забывать, что уникальный робот, продирающийся сквозь кустарник несколько впереди охотника, способен обнаружить следы Лима в любую погоду и во всякое время суток. Его обоняние в миллион раз чувствительней, чем у робота-парфюмера! Вот теперь нам стали известны вспомогательные средства, которые привлёк охотник, отправляясь выслеживать свою жертву. Что же касается Лима, то всему этому арсеналу убийственных орудий он может противопоставить то, что мы называем инстинктом самосохранения, довольно слабое зрение и крайнюю доверчивость. Но!.. Последнее обстоятельство охотник может легко преодолеть. Видите, он берет из третьей руки робота прибор, похожий на электрический фонарик. Я забыл о нем упомя-

нуть, в то время как без него вообще невозможна охота.

Совершенно верно — биовозбудитель. Его микронные волны приносят облегчение при головных болях. Конечно, у Вечно Идущих. Не можем же мы предположить, что охотник задался целью избавить Лима от мигрени. Конечно, нет. Сейчас мы увидим применение прибора для целей охоты.

Уникальный робот остановился перед норой. Его создал талантливый конструктор-бионик. Робот как две капли воды похож на редкую разновидность Пии, которая на заре цивилизации помогала Вечно Идущим утверждаться на Багряной. Тогда ее чтили. Она помогла нам выжить и сама погибла в изменившейся среде.

— Совершенно верно, это И-й-за. Копия И-й-зы.

И-й-за издала характерный свист. Лим выскочил из норы. Вот он стоит на задних лапках и с любопытством рассматривает пришельцев. Можно подойти и взять его руками. Охотник наводит на него линзу биовозбудителя. Зверек конвульсивно сжался. Он в воздухе, упал в траву — и вот, объятый ужасом, мчится вперед и вперед, только бы уйти от страшного места, от «глаза», источающего ужас.

Вот когда начинается настоящая охота. Как оживился взгляд Вечно Идущего! Он по-настоящему счастлив. Появился обезумевший зверь! Надо настичь и уничтожить его, а не то он причинит неисчислимые бедствия!

У вас подобное рассуждение вызывает улыбки, а между тем эта мысль перешла у охотника из подсознания в сознание, и он сейчас живет только ею.

Охотник не отрывает взгляда от экрана радара, укрепленного на спине робота. Лим мчится по туннелю, прорытому его сородичами. Тенью мелькает его тельце. Вот семья Лимов со страхом бросается в боковые ответвления, уступая дорогу «безумцу».

Уникальный робот-следопыт угадывает каждый маневр несчастного Лима. Жертва держит курс на восток, подгоняемая все новыми порциями биовозбудителя.

Последний отрезок пути. Туннель ведет на поверхность. Вот зверек, тяжело дыша, сидит на бугорке, покрытом серым пеплом. Здесь, как видите, нет растительности. Здесь зона смерти.

Охотник далеко отстал. Во-первых, он уже немолод и давно исключен из лиги «пожирателей пространства», он способен только на легкую рысцу, кроме того, по условиям охоты необходимо уничтожить жертву на приличном расстоянии. Считается, что при этом у Лима есть шансы остаться живым.

Посмотрим, так ли это на самом деле.

Лим неподвижен: уже пущен в ход биологический излучатель, парализующий двигательные центры.

Охотник берет лучевой пистолет, снабженный оптическим прицелом.

С каким хладнокровием он поднимает его.

Мгновение, и на пепельном бугорке вспыхивает желтый шарик раскаленной плазмы, сизый дым заслоняет горы.

Уничтожено еще одно живое существо на Багряной. К охотнику спускаются легкие машины и один аэробус. Собратья по клубу наблюдали за охотой и засняли эту чудесную ленту. Вот они спешат к герою сегодняшнего дня, приветствуют его, поздравляют.

Герой растроган. Почести он принимает как должное. Не каждый день случается такая грандиозная охота. Он переутомился. Четыре робота несут его аэролет.

Долина преобразается. Выпрямляются ветви кустарника. Гудят насекомые. Лимы выходят из нор и принимаются за свои повседневные дела. Я не стану громо-

гласно навязывать свои выводы, только приведу еще всего лишь одно изречение Орущего в ночи:

«Если бы мы зло пресекали до его рождения».

ДВОРЕЦ ВЕЛИКИХ РЕШЕНИЙ

Черный цилиндр посреди зала, пульсирующий экран, у черных панелей — роботы, оранжевые кресла — все как в первый сеанс, только теперь у кресел слева стоял Барбаросса, мы так до конца и не поняли его роли, по всей вероятности, это был дублер Артаксеркса, а сейчас он выступал как его помощник. Барбаросса стоял возле моего кресла, и я чувствовал его гипнотическую силу. Блаженный покой охватил меня, мышцы расслабились, я ничего не забыл, но все дорогое для меня как бы отстранилось, и я смотрел на это далекое снисходительным оком, будто перебирал пожелтевшие письма, прочитывал в каждом по несколько строк, не сожалея о прошлом. И в то же время я знал, что самое важное впереди, что это важное произойдет скоро, стоит мне только захотеть — и я войду в это мерцающее марево на стене. Там вырисовывалась даль: оранжевая равнина, пятна растительности, полосы дорог, ведущие к городу, темные, почти черные, горы на горизонте с багряными отсветами. Так же неощутимо, как переход от яви ко сну, я перенесся в далекое прошлое планеты, только на этот раз путешествие протекало не в оранжевых креслах, а в дорожной машине без колес, с очень плавным, бесшумным ходом, в метре над дорогой, с дороги она не свернула ни разу, видимо, связанная с ней энергетическим каналом. Таких машин во множестве мы находили на гигантской свалке в пустыне, и сейчас наши ученые разгадывают секреты двигателя и потребляемой им энергии. Нас с Антоном поместили в четырехмест-

ный экипаж, два задних сиденья пустовали. Точно такая же машина, похожая на продолговатый стеклянный ящик с овальной крышей, мчалась впереди, сбоку от нас на такой же скорости держалось странное двухэтажное сооружение, похожее на земной автобус, в нем чинно восседало с десяток марсиан, хотя машина могла вместить в несколько раз больше. Пассажиры, видимо, что-то горячо обсуждали, так как некоторые плавно поводили руками, другие важно кивали или сосредоточенно глядели в глаза друг другу. Над нами с легким свистом пролетали спортивные одноместные и двухместные машины, похожие на гигантские разноцветные капли расплавленного стекла. Весь поток машин и по нашей дороге и параллельным с ней двигался к городу. Все это происходило в серой полумгле. Иногда видимость совсем исчезала, хотя в кабине было довольно светло: тусклое мерцание проникало сквозь прозрачную кабину.

— Воздух светится, — догадался Антон. — И все же какая пыль! Может, грязные стекла? Или нет. Смотри, стекла абсолютно чисты.

— Может, дым? — сказал я.

— Возможно. Но что горит?

В этот миг все вокруг залил ослепительный свет, наша машина вздрогнула, продолжая бесшумный полет. И еще несколько вспышек последовало одна за другой.

— Что-то у них происходит, — сказал Антон и, немного помолчав, сжал мою руку. — Не нравится мне эта поездка, Ив... Каким путем он нас всунул сюда? И зачем ему все это?

Такая же мысль уже не раз приходила и мне в голову, угнетало еще и то, что не было связи с кораблем. Только при въезде в шлюз городских ворот явственно раздался голос Макса:

— Говорит «Земля»! Антон, Ив! Где вы, что с вами?

— Все в порядке, — ответил Антон, — едем в местном такси с программным устройством.

— Мы вас совсем не видим, — раздраженно сказал Макс, — безобразие! Что-то там Арт со своими помощниками начудил.

— Успокойся, Макс, — сказал Вашата, на что тот ответил:

— Я спокоен, как озеро в штиль, и холоден, как лед в декабре.

— И будь еще благоразумен и справедлив, как Иван Петрович из Космоцентра. Ведь он первым будет просматривать твои записи.

— Антон! Ив! Что там у вас? На экране какие-то разноцветные пятна.

Антон начал тоном спортивного комментатора:

— Въезжаем в город через шлюз. Поток машин. Низкий туннель. Находимся во второй камере и довольно быстро переходим в третью. Облицовка из голубых плит или какого-то другого покрытия. Слышно, как работают воздушные насосы. Вот мы и в городе. Широкая улица с фиолетовой мостовой. Любимый цвет марсиан, но у него здесь какой-то особый, я бы сказал, оптимистический оттенок. На Земле фиолетовые тона у меня не были в числе любимых. Теперь же мне приятно погружать в них взор. Извините за высокопарный архаизм. По сторонам низкие дома с узкими окнами. В окнах черные стекла или своеобразные шторы, карнизы окон, двери из цветной глазури, на стенах фрески. На плоских крышах сады.

— Какие деревья? — спросил Макс.

— Что-то вроде кактусов, есть и лиственные, с голубой и багряной листвой. Мы на круглой площади. Выходим из машины. Она движется к туннелю и уходит под землю.

— Под Марс, — поправил Макс.

— Да, да, именно туда — скорее в нижний ярус города, в гаражи. Туннелей шесть. Туда направляются все машины. Мы в толпе марсиан. На нас обращают внимание. Должны вам сказать, что мы без скафандров...

— Как?! — В один голос воскликнули Христо и Макс. — С ума сошли!

— Без скафандров, что же здесь такого?

— В шерстяном белье? — Макс подавлял смехок. — И там есть дамы?

— Погоди язвить. На мне серый костюм!

— Не тот, что ты приобрел перед отлетом?

— Да. Он самый...

— Но ты оставил его дома!

— Да, но он на мне. На Иве — черный. На ногах туфли. Выглядим мы, конечно, довольно экзотично в толпе скромно одетых марсиан.

— Скромно? — спросил Макс.

— Да, у них сегодня очень простые одеяния по сравнению с теми, что мы наблюдали из кресел. У женщин ниспадающие каскадами складок платья из тяжелого материала блеклых тонов. На ногах сандалии с широкими пружинящими каблуками. Только потрясающие прически! Целые архитектурные сооружения чуть ли не в метр высотой! У мужчин, одетых в трико, пышные бороды, но не у всех, есть безбородые — словом, во всем изысканная простота. Судя по всему, мы идем на какое-то собрание, вече или что-то в этом роде, и на всех деловые костюмы. А может быть, мы попали в более раннюю эпоху, когда вообще одевались не так пышно?

— Вы особенно не вживайтесь в события, смотрите на все со стороны, — посоветовал Вашата, — помните, что все это иллюзия.

— А может быть, и нет? — заметил Макс.

И я подумал об этом, почувствовав, что новые туфли

натирают ноги, и дышится тяжело, как в накуренной комнате, должно быть, сказывался избыток углекислого газа. Антону наступил на ногу высоченный и довольно грузный марсианин в зеленом костюме с круглым футляром под мышкой. Антон аж присел от боли. Марсианин выронил футляр и схватился за голову, издавая певучий звук. Я поднял футляр, он весил килограмма полтора, и протянул его хозяину. Марсианин взял футляр, прижал его к груди и медленно изогнулся пополам, коснувшись мостовой кончиком смоляной бороды. Антон как мог показывал зеленому марсианину, что он не в обиде, и, в свою очередь, прижал руки к груди и поклонился. На нас смотрели во все глаза, сочувственно покачивали головами и улыбались своеобразной улыбкой: лицо оставалось почти застывшим, только слегка прищуривались огромные всепонимающие глаза. По толпе прошел шелест, это, касаясь одеждой, марсиане подались к стенам домов, образовав широкий коридор посреди дороги. Все выжидательно повернули головы и подняли до уровня плеча четырехпалые руки. Послышалась тяжелая поступь. Затем в образовавшемся проходе показался необычайно высокий и тощий старец, он медленно двигался, опираясь на одного из роботов, второй робот несколько поотстал. Приковывало взгляд серое, словно высеченное из песчаника лицо с впалыми щеками, подбородок едва прикрывала редкая сивая борода. Было видно, что этот много поживший человек перестал заботиться о своей внешности. Только темносиняя с серым отливом тога служила как бы дорогой рамой для его угасающей плоти и мощного разума, светившегося в огромных черных глазах. И он держал свободную руку у плеча, внимательно обводя взглядом лица. На какое-то мгновение он задержал взгляд на нас и согнул длинные пальцы руки, поднятой для приветствия.

— Великий Стратег знает о вашем прибытии, он приветствует вас. — Мы оглянулись: за нами стояло синеглазое существо чуть ниже Антона ростом, то есть совсем маленькая женщина по марсианским масштабам, и что-то в ней было совсем земное в одежде, в прическе, в костюме.

— Мне поручено вас сопровождать. Быть вашей «тенью». — Она улыбнулась, показав прекрасной формы зубы. Рот у нее был крупный — тоже совсем земной.

Она спросила Антона:

— Ты хочешь знать, как меня зовут?

— Да. Я подумал об этом.

Она пропела длинную фразу, голос ее стал нежней, музыкальней, проникновенней. И тут же перевела:

— Всегда вселяющая радость.

— А короче? — спросил Антон.

— Это официальное имя. Робот-воспитатель располагал только стандартным набором имен.

— Нет, почему же. Имя очень красивое, содержательное и вполне отвечает вашей...

— Твоей, — поправила она.

— Да, твоей внешности и содержанию.

— Друзья зовут меня просто, — и опять она пропела что-то среднее между Ни-и и Ли-и.

— Ли! — почему-то обрадовался Антон.

— Можно и Ли, даже Ли приятней.

— Красивое имя Ли! Очень красивое! Мне в детстве очень нравилось имя Лиλιана. Я мечтал, что такое имя будет у моей жены.

— Ну вот ты меня и встретил. Хорошие мечты часто сбываются. Зови меня Лилианой — Ли.

— Вот и прекрасно!

— Мне радостно слышать и особенно ощущать это. — Она взяла его за руку, и они пошли рядом, касаясь плечами, а я поплелся следом. Мне стало казаться

ся, что я всегда жил в этом городе и знаю, зачем мы идем во Дворец Великих решений. Что я безнадежно люблю Ли уже тысячи оборотов планеты вокруг солнца, а Лилиана любит Антона. «Что она в нем нашла? — подумал я. — Почему она не возьмет и меня за руку?..» И тут же жестокая спазма ревности отпустила меня. Я со всем примирился. Понял, что мое назначение — не затевать любовных интрижек на чужих планетах, а выполнять Великую Миссию. Мне вдруг стало жаль Антона. Захваченный этой любовью, что он унесет с Багряной? Только боль утраты. У него даже не будет записи Ли. Я же, холодный наблюдатель, впитаю в себя все. И этих важных людей, и этот город с садами на крышах, и все фрески на стенах зданий, и этот грандиозный портал Дворца Великих решений с множеством розовых колонн, навсегда запомню плафон с изображением Галактики. Запомню Ли, каждую ее черту, цвет глаз, прическу, костюм, ее узкую ножку с четырьмя пальчиками в золотых колпачках...

Между тем они говорили, не переставая. Слово никого здесь не было, а они шли вдвоем. Только раз Антон оглянулся, глуповато улыбаясь. «Ну что поделаешь, Ив? — говорил его взгляд. — Так получилось. Как она прекрасна!»

— Ладно, ладно... Прекрасна, — пробормотал я, — на Сириусе, может, еще прекрасней...

Он не ответил на мой выпад, я же весь обратился в слух, стараясь не пропустить ни одного слова Ли.

Следует сказать, что весь наш разговор носил необычный, странный характер под стать всему, что происходило с нами и вокруг нас. Вначале я не слышал нашей спутницы, просто в сознании возникали ее слова, а через некоторое время я даже стал воспринимать фонетическую окраску ее голоса, напоминающего флейту.

— Как хорошо, что тебе нравится наша Багряная планета, — говорила она Антону. — Нет мыслящего существа во вселенной, кто бы не восхищался нашей звездой, нашим жилищем. Ты полон восхищения от всего увиденного. Я знаю. Тебя переполняет нежность.

— К тебе, Ли.

— И ко мне. Но ведь я дочь Багряной. Значит, ты любишь ее частичку. Но почему столько тревог портят нам дни и ночи? Неужели все оттого, что Вечно Идущие не вняли голосу разума? — Сделав короткую паузу, она неожиданно сказала: — Чужестранец, ты источаешь тепло своей души на существо иного мира, на меня, которую видишь впервые! Я благодарна тебе, человек со Звезды Надежды!

— Ну за что же? Я также благодарен тебе. И я чувствую тепло от всей тебя, от твоих слов. Но почему рука твоя холодна? И куда мы идем? Почему столько людей вокруг?

— Во Дворец Великих решений....

Черный старец скрылся в глубине входа во Дворец; туда вела широкая лестница из розового камня. Движение замедлилось. Я посмотрел вверх, там виднелись многогранники переплета крыши, и мне показалось, что пролетела птица по меньшей мере с четырьмя крыльями.

Ли пропела коротенькую фразу и тут же перевела:

— Дракон. Да, так бы вы назвали это существо. Он любит Вечно Идущих. Его жизнь зависит от нас. За стенами города он мгновенно умрет. Дракон любит детей. Питается он листьями голубых кустарников. У него приятный голос. Очень мало осталось драконов...

— Да, сейчас он задохнется от метеоритной пыли, — сказал я, обрадованный, что Ли и на меня обратила внимание.

Она же повлекла за собой Антона, забыв обо мне. Я с болью слышал ее голос:

— И ваша звезда прекрасна. Я представляю, какое ощущение испытываете вы под жаркими лучами светила или под завесой растений и особенно погружаясь в водоемы, полные прохладной воды, они у вас бесконечны, вы называете их океанами и морями, у вас трудно-проницаемая газовая оболочка.

— Ты была на Земле? — удивился Антон.

— Видела в записях. Не ту Землю, с которой прилетел ты и твой спутник-друг, а другую, далекую от вас. Как жаль, что мы не можем жить там.

— Но почему? Хотя население Земли достаточно велико, все равно мы найдем место и для вас.

— Нет. Земля, как ты называешь Звезду Надежды, непригодна для жизни Вечно Идущих. Несколько колоний погибли. Земля для нас «ужасное место», как говорят вы. Ты не понимаешь меня?

— Нет.

— Временной разрыв, Антон, милый. Ты прибыл к нам из другого времени. Более позднего. Тогда и ты бы не смог жить на Земле. Между нами миллионы оборотов. Но ведь это так просто, милый, переходить из одного времени в другое. Просто, как изначальная частица, как вакуум.

— И просто и сложно... Неужели это возможно?

— Ну конечно. Разве перед тобой не реальность?

— Все как будто на самом деле, и в то же время нет-нет да и мелькнет мысль, что с нами происходит что-то необыкновенное, неясное...

— Никому не ясно все... Ты ответь мне... — она впервые помедлила, как будто смутилась. — Ответь: я похожа на земную женщину?

— Да! Очень! Хотя есть различия...

— Знаю, милый... — Мне радостно видеть твои мысли, ощущать тепло твоей руки, страшно расстаться с то-

бой. Более страшно, чем пережить самое худшее, что ожидает Багряную.

— Ну, зачем поминать разлуку, успокойся, Ли, рука твоя холодна как лед. Я никогда не расстанусь с тобой.

— Повторяй, повторяй, милый, эту древнюю ложь. Так и на Звезде Надежды все так же, как и на Багряной? Скажи мне, милый, счастливы ли там люди? И как мог ты оставить там любимую? Я знаю, тебя любили многие, и как могло быть иначе — таких, как ты, нет больше среди звезд. Ничто не повторяется, милый. И таких, как я, тоже нет. И вот видишь, мы встретились. Если мы сейчас не отвратим беды, то пробудем вместе только миг. Ты вернешься на Звезду Надежды, я останусь, чтобы разделить участь моего народа.

— Нет, и я останусь с тобой.

— Благодарю, милый, но этого сделать ты не в силах. Ты унесешь только память обо мне и еще вот это. — Она сняла с шеи медальон. — В нем мое отражение, мои лучшие мысли, запись нашей встречи...

Антон стал клятвенно уверять, что не оставит ее, и наговорил, наверное, немало глупостей, но я был выключен из общения с ними и не слышал больше ни слова, и, по правде говоря, не сожалею об этом: их объяснение носило слишком интимный характер. Зато теперь я мог без помех наблюдать за всем, что происходит вокруг.

С появлением Лилианы связь с кораблем прекратилась. Вначале я этого не заметил, не говоря уже о моем друге, которого захватило, как вихрь, это сказочное существо. Мне стало вдруг казаться, что я всегда жил в этом городе под куполом, среди этих непонятных людей, и вот сейчас иду вместе со всеми решать важные государственные вопросы.

Между тем мы уже вошли в помещение, похожее на гигантскую воронку. Далеко внизу, в центре, тускло све-

тилось серое пятно. Сидений не было. Вечно Идущие растекались по довольно широким ступеням и останавливались живописными группами. Мы спустились на эскалаторе почти к самому серому пятну. Ли прошла по ступени и остановилась у самого ее края. Она по-прежнему не выпускала руки Антона. Ни один звук не нарушал тишины, Вечно Идущие двигались, как персонажи в немом кинематографе. В этой абсолютной тишине несколько иронически я воспринял, кстати тоже беззвучную, фразу Ли:

— Вас приветствуют все Вечно Идущие, и Великий Стратег, и все, кого здесь нет. Они видят вас и шлют пожелания счастья. От вашего имени я благодарю Вечно Идущих и также желаю всем никогда не увидеть Вечной ночи.

— Ну конечно, конечно... — сказал я, и мой голос громом отдался под сводами Дворца, как в горном ущелье.

— Зал не приспособлен еще для звукового общения, — сказала Ли. — Вот сейчас можно.

Я с опаской поблагодарил, но не услышал своего голоса. Все лица повернулись к нам, и Вечно Идущие приподняли руки к плечу. Мы с Антоном повторили этот жест. Вся церемония приветствия заняла не больше пятнадцати секунд. Затем на сером пятне сцены появился Великий Стратег в сопровождении тех же двух роботов.

— Секретари и врачи, — ответила Лилиана-Ли на наш немой вопрос.

Я привожу речь Великого Стратега, автоматически записанную на магнитную нить фонографа, вмонтированного в мои часы. Как пояснила Ли, на этот раз Великий Стратег пользовался своим голосовым аппаратом, видимо, из уважения к нам, пришельцам из другого мира. В его голосе слышались печальные интонации,

речь лилась, как одна музыкальная фраза. Ли переводила:

— Я склоняю голову и благодарю непознанные силы вселенной, создавшие разум, который не угаснет, пока светят звезды, а звезды будут светить всегда.

После небольшой паузы он продолжал:

— Вечно Идущие Багряной счастливы видеть братьев со Звезды Надежды! Мы, жившие миллионы оборотов до вас, счастливы, что еще на одной планете вспыхнет разум. Когда материя на Звезде Надежды еще трепетала в родовых муках, мы знали, что вы подниметесь к вершинам разума, возьмете факел познания, понесете его дальше вместе с нашими потомками к свету дальних звезд. Вечно Идущие благодарны своим детям, которые не забыли тех, кто послал их по бесконечной дороге жизни. Выбрано мгновение, когда дорожке всего знание будущего. Ожидающее нас испытание не остановит Вечно Идущих! Разум бессмертен! Я отдаю вам тепло своей души, унесите его Звезде Надежды!

После короткой паузы, когда весь зал поднял и опустил руки, Великий Стратег остался внизу на сером пятне, он стоял и медленно, как дирижер, поводил правой рукой.

— Теперь речь Великого беззвучна, — сказала Ли, — Великий говорит о другом событии, которое он считает менее важным, чем ваш прилет из будущего. На Багряную обрушился космос! Пылевое облако пересекает орбиту планеты, исполнилось уже два оборота Багряной вокруг Солнца, как мы не видим неба и света звезд. Еще задолго до появления облака Стратеги знали о нем и были сооружены крытые города. Они защищают от мелких метеоритов. Но теперь близится ядро скопления, где сосредоточены обломки большой массы. Великий Стратег предлагает использовать всю мощь планеты и отклонить орбиты

метеоритов от Багряной. Опасность велика. На пути в город вы ощущали удары и видели пламя сгораемых в атмосфере частиц некогда цветущего мира. Там, в далеком космосе, Вечно Идущие не смогли отвести беды, и теперь пепел от их жилища обрушивается на Багряную.

— Да, положение не из легких, — сказал я, озадаченный таким поворотом событий, и подумал: «Удастся ли нам выбраться подобиру-поздорову». Наверняка наша спутница «услышала» эту трусливую мыслишку, но не подала и виду, только сказала:

— Ты видел наши спутники, они два тысячелетия назад выведены на орбиты вокруг Багряной, хотя тоже угрожали нас уничтожить!

— С такой могучей техникой вам нечего бояться, — сказал Антон.

— Боязнь? О нет! Вечно Идущие не поддаются чувству бессилия перед опасностью.

Великий Стратег устало опустил правую руку и тут же поднял левую, и все подняли руки в приветствии. Затем Великий Стратег и его спутники исчезли, словно растаяли на сером фоне сцены.

Марсиане расходились по ступеням зала и, подхваченные эскалаторами, покидали Дворец Великих решений.

— Уже пятьсот оборотов, как не было такого большого совета, — сказала Ли.

— И такого короткого? — спросил я. — Поэтому и все стояли?

— Было выражено необыкновенно много мыслей. Помимо присутствующих, все Вечно Идущие высказывали свои мнения.

— А результаты? — спросил я. — Что же решили предпринять?

— Пока только высказаны мнения, решат мыслящие

машины не позднее завтрашнего дня. Будут учтены все желания.

«Такой простой вопрос, — подумал я, — разгонять облако или ждать, какие еще сюрпризы оно таит в себе? Так зачем же этот форум? Ведь здесь надо сказать «да» или «нет» — и только».

— Все сложнее, — ответила Ли. — Большое число проблем, связанных с каждым, и, чтобы ответить «да» или «нет», надо учесть бесконечное количество величин.

Нет, я ничего не понимал в такой структуре правления. Перед эскалатором образовалась небольшая очередь, и я пожалел, что не на что сесть, — сказывалась усталость от всего увиденного, хотелось отдохнуть, поразмыслить. Неожиданно подо мной оказалось кресло, не менее удобное, чем оранжевое, но Ли с Антоном уже стали на движущуюся ленту, и я вскочил с удобного сиденья и пустился вдогонку за ними. Пока я бежал к проходу, по обе стороны от меня торопливо выпрыгивали почему-то венские стулья, будто соблазняли меня сесть на одно из них. Из-за этого происходили заторы в проходах. Я побежал по эскалатору, пытаясь догнать Антона и Ли. Марсиане сторонились, ощупывая меня глазами.

Антон оглянулся.

— Это ты развлекаешься? — спросил он не без ехидства.

— Они выпрыгивают сами, я никакого отношения к ним не имею.

— Смотри, слева выскочил прямо царский трон! — Мой друг явно был доволен моим замешательством.

И трон русских царей, и садовая скамья, и табуретка, и нелепый диван, на котором я спал студентом, — все появлялось на ступенях Дворца, как только я воскрешал их в памяти. Я старался думать о другом, сосредоточиться, запоминал отделку зала, лица присут-

ствующих, но не тут-то было, перед глазами с мельчайшими подробностями появилось вольтеровское кресло моей бабушки с продранной спинкой и перенеслось на ближайшую ступеньку. Марсиане с нескрываемым любопытством рассматривали мою мебель и, как мне показалось, издавали звуки одобрения.

— Прекрати! — сказал Антон. — Неужели ты не догадываешься, что материализуются предметы твоих желаний. Никогда не думал, что у тебя такое странное хобби. Ну, Ив, поднатужься. Думай о другом, о том, что не может превратиться в вещи.

Мои страдания прекратила Ли, всего лишь глянув на меня. Я обрел контроль над собой. Мебель исчезла.

— Вот и прекрасно, — сказал Антон, — а то могут невесть что подумать о нас. Скажи, почему ты выбрал для показа высот нашей материальной культуры эту рухлядь?

Снова меня выручила Ли. Она сказала:

— Ваш прилет воспринят как доброе предзнаменование. Настроение Вечно Идущих поднялось выше нормы. — Она подняла глаза к потолку, затянутому зеленоватым сумраком, там висели два больших желтых круга, которые я принял за светильники.

— Просто и здорово, — сказал Антон, — психологический индикатор. Все дело в яркости плафонов, хотя за этим бездна премудрости, — помнишь, как говорил наш учитель физики Герман Иванович Пряхин. Тот, что побледней, показывает норму эмоционального состояния жителей планеты, более яркий круг — психологический всплеск, в данном случае благодаря нашему появлению, хотя, как ты видишь, положение у них не из легких. Лилиана-Ли сказала, что такие индикаторы имеются у каждого из Стратегов. Колебания цвета в ту или другую сторону заставляют выяснять причины и, если снижается общий тонус, то немедленно принимать меры. Вот Ли

добавляет, что настроение каждого является постоянной заботой.

— Правительства? — спросил я.

— Насколько я понял, власти, правительства в нашем понимании здесь нет. Поддержание нормального течения жизни — дело всех граждан.

— А Стратеги?

— Просто люди, добровольно взявшие на себя государственные заботы. У них к этому призвание, а возможно, они специально подготовлены... Нет, Ли говорит, что призвание и что специальная подготовка — один из видов насилия, если у человека нет расположения к данной области труда. Здесь только совершенствуются таланты, поощряется призвание. Вот Ли поправляет, что за срок жизни, который сейчас очень велик, что-то около восьмисот оборотов — то есть лет — и даже больше, говорит Ли, до тех пор пока не иссякнет инстинкт жизни, человек меняет десятки специальностей. Вот Ли, например, она космолингвист, моделирует языки, поэтому она так скоро освоилась с нашим диалектом, но она еще и... что, что? — Антон помолчал, вникая в беззвучную речь нашей спутницы, покрутил головой и повернулся ко мне: — Какая-то сложная, всеохватывающая отрасль знания, связанная с космологией. Затем она еще и врач и, ко всему, «слагатель звуков», ах да — композитор! Вот так, мой друг! — заключил Антон и снисходительно улыбнулся, словно не это непостижимое существо, а он сам напичкан такой уймой талантов.

Прежде за ним я этого не замечал.

— Прорыв из подсознания, — пояснила Ли. — Следы кого-то из предков.

— Что, что? Какие предки? — живо спросил Антон.

— Твои, конечно, — я усмехнулся.

— А, мои... При чем тут мои предки?

Ли вмешалась и погасила ссору, готовую возникнуть между ними.

— Кто-то из ваших предков, — она посмотрела и на меня, — был неуравновешен в своих суждениях.

— Мягко говоря, — поморщился Антон и признался. — Да, со мной что-то творится неладное, да и ты хорош.

Мы дружно засмеялись. Улыбнулась и Ли.

— Разрядка! — сказала она. — Отлично!

Мы вышли на небольшую площадь перед Дворцом Великих решений. Марсиане расходились по радиальным улицам. Не было толпы зевак, никто на нас не глазел даже исподтишка.

Я представил, как бы вели себя мои сопланетчики при появлении на Земле марсиан. И мне стало почему-то обидно такое «равнодушие» Вечно Идущих. «Какой нелюбопытный народ».

— Любопытны, очень, — сказала Ли. — Разве ты не ощущаешь, Ив, что вокруг тебя «поле внимания»?

Антон осуждающе посмотрел на меня и сказал:

— Просто они хорошо воспитаны, Ив. Не забывай, в какую древнюю цивилизацию ты попал. Неужели ты ожидал, что нам здесь не дадут проходу и станут рвать наши костюмы на сувениры?

В моей голове вяло проплыло:

«Воспитаны они отлично, а все-таки «полем» окружили. Как мне мешает это поле. Прямо как паутина. И почему у Антона такой менторский тон?»

Наверное, из-за этой «паутины». И почему Ли «наглохо замкнулась» от меня, избрав посредником между нами Антоном?»

Я все забывал, что невысказанная мысль здесь звучит как фраза, и тотчас же поплатился:

— Антон более восприимчив, — ответила Ли, — он лучше адаптировался в новых для него условиях.

Я возразил:

— Но это вряд ли. Мы всегда шли с ним на равных, и даже иногда... бывали случаи...

Ли была безжалостна:

— Ты утомлен и, как вы говорите, потрясен всем, что с вами происходит. И это вполне естественно. Наверное, и я, будь на твоём месте, вела бы себя почти так же.

— Почти! — придрался я. — Только почти! Вы с Антоном, конечно, слеплены из другого теста.

Она пристально посмотрела на меня.

Я пробормотал:

— Да нет, что вы, то есть ты, я еще вполне...

— Возьми это и убедись сам. — Она протянула мне пластину, на ней светились два кружочка — копии индикатора на потолке Дворца Великих решений. Контрольный кружочек горел ярко, второй еле тлел.

— Крайняя степень перенапряжения, — сказала Ли, — возьми индикатор. Очень полезный прибор. — Второй такой же индикатор она вытащила из кармана туники и подала Антону. — Возьми и ты.

Взглянув на него, Антон обрадовался:

— У меня гораздо ярче. Смотри! А твой действительно еле тлеет. Ты, Ив, возьми себя в руки. Ну мало ли что случается в наше время. Не надо так принимать все к сердцу. Лиана-Ли! Это у него пройдет. На тренировках действительно он часто был выносливее меня. Ив! Выше голову, старина!

У меня защищало глаза от наплыва теплых чувств к моему другу.

«ПОДМОСКОВНАЯ ДАЧА»

Все это время мы шли по сиреневой мостовой между приземистых домов с крышами-садами. Еще раз над нами пролетел четырехкрылый дракон, это доброе чу-

довище вытянуло к нам радужную шею и любопытно пялило на нас все свои четыре глаза. Ли ответила на вопрос, одновременно возникший у нас с Антоном: «Куда мы идем?»

— Тебе Ив, и даже тебе, Антон, необходим отдых. Сейчас будет строение, где вы найдете привычные вещи, сможете провести некоторое время, восстанавливая свои силы. Затем вы снова предстанете перед Великим Стратегом и всеми людьми Багряной. Вас познакомят с жизнью Вечно Идущих, с их трудом, с их наукой, с тем, что вы называете искусством. От вас ждут информации о Звезде Надежды. Вы не взяли с собой записей. Но мы способны извлечь всю нужную нам информацию из вашего сознания и подсознания, не так, как это делаю я, а в зримых образах. Запись уже ведется.

— Без нашего разрешения, — холодно сказал Антон. — Жаль, что здесь нет Макса Зингера, нашего друга, он бы не постеснялся высказаться по этому поводу.

— Макс Зингер — психолог, — сказала Ли, — и он бы понял нас. Пойми, Антон, и ты, Ив, что у нас нет другого способа получить о вас нужную информацию, узнать, в чем мы родственны и в чем противоречивы. На какой основе возможно между нами содружество. Знать, что сближает, необыкновенно важно.

— Все это имеет смысл, но, Лилиана-Ли, не находишь ли ты, что над нами учиняется насилие, здесь затрагивается область этики!

— В какой-то степени да. Но ты же знаешь, что познания не обходятся без насилия, и ты знаешь немало случаев, когда для больших целей пренебрегают и этикой. В данном случае вам не будет причинено никакого вреда. И все же, если вы станете протестовать, то мы прекратим записи, уничтожим их.

— Нет, почему же, — сказал Антон, — нам особенно нечего скрывать, верно, Ив?

— Да, конечно... — сказал я неуверенно. И у меня возникло такое ощущение, будто нас с Антоном раздевают посреди улицы. Особенно меня беспокоило подсознание. «Что, если там найдут все те черты характера, от которых я с таким трудом избавился? А если еще учесть предков, то здесь Вечно Идущие получают не особенно лестную для нас картину, и они задумаются — стоит ли с нами вступать в дружественные контакты».

— Лилиана-Ли, ты не трогай наших предков. Все, что вас интересует, сообщим мы с Ивом. Не надо, Ли. Получится не совсем верная картина. Хотя мне нечего стыдиться моих предков. Они вели тяжелую жизнь, борясь с силами природы, врагами. Мой прадед погиб на войне...

— Ты опасаешься, что люди Звезды Надежды представят перед нами нереально, искаженно?

— Конечно, Лилиана-Ли. По нас нельзя судить о всех людях Земли. Только приблизительно. Ведь и Вечно Идущие не одинаковы... — Про себя он подумал: «Как огурцы».

Ли спросила:

— Огурцы? Это что, вид разумных существ на Звезде Надежды? — И тут же, поняв, что попала впросак, сказала: — Ты пользуешься образными сравнениями, Антон. Конечно, каждый мыслящий индивидуален. Все же ты не думай, что у нас создается неверное представление о людях Звезды Надежды. Нет, отклонения от нормы дают более полное представление о возможностях вида. Да, я правильно осознала это понятие. Ты. Ив, несколько дней назад говорил о новых видах растений на Багряной со своим другом Максом Зингером. Вечно Идущие — психологи «очистили» записи от случайного, — да, ты прав, Антон, — наносного... Да, улица очень красива. Мы ее очень любим, эту улицу.

Мы с Антоном залюбовались эмалями на стенах домов. Картины напоминали произведения наших примитивистов, только сочность красок была поистине неземной, да и сюжеты тоже. Например, на огромном панно изображался дракон в полете, на его спине сидел большеглазый мальчишка. Картину обрамлял орнамент из цветов синего кактуса. Картина была объемной. Создавалось впечатление, что дракон действительно парит над Красной пустыней. Пройдя дом с картиной, я оглянулся и увидел другую сторону «Дракона» — он «висел» в воздухе.

— Работы детей, — пояснила Ли и добавила печально: — в городе нет детей. Совсем нет. Ни одного.

— Но картины?.. — спросил Антон.

— Созданы давно, когда здесь жили дети. Здесь много копий. Некоторые перенесены из других мест, из покинутых городов, разрушенных метеоритами. Дома здесь принадлежат Обществу свободной рождаемости. Да, у нас рождаемость была ограничена, а сейчас, когда снят запрет, почти совсем прекратилась. Рождение Вечно Идущего — праздник для всей Багряной.

Ли остановилась перед зданием, до странности напоминающим нашу подмосковную дачу, где экипаж планетолета провел последний месяц перед стартом. Дом поражал добротностью материала, отделки и в то же время несуразностью деталей. Крыша в виде желоба, с загнутыми внутрь краями, из желоба поднимался шест с флюгером в виде странного существа, отдаленно напоминающего местного дракона, окна в «кружевной резьбе» почему-то строители вделали, положив их набок, колонки у крыльца почти в «русском стиле». Что им удалось передать, так это цвет «дачи»: серебристая крыша, светло-зеленые стены, белые карнизы.

— Смешной дом, — сказал Антон, — очень забавный, зато похож. Правда, Ив, похож?

Я согласился и подумал: «У кого из нас они вытянули такую информацию о земной архитектуре?»

Ли мгновенно ответила:

— Из тебя, Ив. У тебя хорошая память на образы

— Ничего себе! — обрадовался Антон. — Хотя в институте Ив был широко известен как карикатурист.

— Мы очень ценим людей, умеющих придавать вещам оригинальные формы. Строители, скульпторы, художники ждут встречи с тобой, Ив. — Ли остановилась у крылечка в четыре ступеньки, как и у подмосковной дачи. — Иди, Ив, восстанавливай силы. Путешествие во времени требует очень много энергии.

Я поднялся по крылечку из какого-то очень прочного материала под дерево. Антон остался с Ли. Они стояли, взявшись за руки, и вели неслышный для меня разговор.

Узкие сени. Вешалка о трех ногах, на ее рожках висело что-то похожее на плащи и шляпы. В прихожей низкий стол, на нем стеклянный аквариум, в воде среди причудливых водорослей резвились существа, похожие на тропических рыбок. Я подошел к аквариуму, на даче под Москвой был почти такой же, только меньших размеров, и в нем плавала стайка барбусов; здешние рыбки были тоже в желтую полоску по темно-лиловому фону. У рыбок было по четыре глаза и длинные усики, как у жемчужной гурами. Рыбки подплыли, уставились на меня черными глазами, замерли, шевеля усиками. Одна стала карабкаться по стеклу: у нее оказались ножки с присосками. Вылезла, села на край сосуда. За ней полезли и остальные и сидели, покачиваясь, как молодые воробьи на проволоке. Одна рыбка потеряла равновесие и упала, ударившись о пол с резким сухим звуком. Я поспешно наклонился, взял ее и ощутил жесткую сухую оболочку. Внезапно рыбка подпрыгну-

ла и полетела по комнате. Описав круг, она нырнула в аквариум, тотчас же все ее товарки попрыгали в воду.

«Интересные создания, — подумал я, — вот бы сюда Макса Зингера. Да вообще здесь все необыкновенное. Надо же отгрохать такую несуразную дачу».

Глаза у меня слипались, ноги подламывались в коленях, я плюхнулся в кресло, неведь откуда взявшееся у меня за спиной, и мгновенно блаженное чувство покоя охватило меня. Над головой у меня порхали марсианские барбусы. Рыбки щекотали мне щеки своими усиками и что-то мурлыкали на непонятном рыбьем языке.

Я проснулся на широком диване в другой комнате, в противоположной стороне на таком же ложе сидел Антон, свесив ноги. Все в спальне утопало в зеленоватом сумраке.

— Выспался я здорово, а ты? — спросил Антон.

И я чувствовал себя вполне отдохнувшим и словно помолодевшим. Антон сказал, что перенес меня в спальню, раздел и уложил в постель, что робот принес нам обед — что-то вроде желе и какой-то шипучий напиток.

Я ничего не помнил.

— Да, ты ел как во сне, — сказал Антон и стал одеваться.

— Ты не заметил летающих рыбок? — спросил я, тоже протягивая руку к одежде.

— И замечать нечего, вон они порхают над головой.

Действительно, под потолком с легким жужжанием носилась вся стайка марсианских барбусов, неожиданно они прошли на бреющем полете у самого пола и опять взмыли к потолку.

— Рыбы — ерунда, — сказал Антон. — Вот у меня нет ни одной пуговицы у брюк. А у тебя?

И у моих брюк тоже не было ни пуговиц, ни крючков.

— Все-таки как-то мы их носили, — ворчал Антон, рассматривая пояс брюк.

— И еще одна странность. — сказал я, — нет ни одного шва, и материал похож только цветом, он совсем неземной.

— Не ломай голову, Ив, — бодро сказал Антон. — Вот смотри: все застегнулось. Какие-то магнитные приспособления. Хотя проще было сделать на резинке. Наверно, ты снабдил их информацией и об устройстве земного костюма?

Я промолчал, наблюдая, как наши кровати конвульсивно сжимаются, меняют цвет с зеленого на малиновый и превращаются в глубокие кресла.

Мы сели. Кресла повернулись к более светлой стене. Рыбки опустились ниже и стали летать медленней.

Я чувствовал, что весь расслабился, ничего меня особенно не удивляет, мне приятно в кресле, нежившем каждый мой мускул, что я не должен ни о чем тревожиться, а сидеть и смотреть на стену, на которой сейчас возникали и исчезали гуманные волны разных цветов. Но скоро под спокойный ритм волн все-таки нет-нет да стала пробиваться смутная тревога. В одну из таких минут я повернул голову к Антону и поразился серьезности его лица:

Он спросил:

— Блаженствуешь?

— Да, очень удобные кресла-кровати. Как ловко они устроены! И эти летающие рыбки. Тебе они не нравятся?

— Не впадай в детство, Ив. Встряхнись! Мы не должны поддаваться всей этой хитроумной технике. Рыбки-роботы, они держат нас под непрерывным контролем, рыбки-шпионы!

Я стал вяло возражать, сказал, что слово «шпион» не подходит для такой цивилизации, что они и так ви-

дят нас насквозь. И откуда он взял, что марсианские барбусы шпионы? Просто они решили поразвлечь нас, и, может быть, такие существа у них в каждом доме.

— Мне сказала Ли, — резко ответил Антон, — она также меня успокаивала. С помощью порхающих приборов, облеченных в земные образы, они надеются получить недостающие данные. Ничего себе земные образы!

— А помнишь барбусы на даче подмосковной, — сказал я весело. — Забыл?

— Ничего я не забыл. Кыш вы! — Он махнул рукой, и стайка рыбок мигом вылетела из комнаты. Он посмотрел им вслед. — Давно бы надо их прогнать... Все-таки деликатный народ эти Вечно Идущие, не перебарщивают. Или, вернее всего, мы им нужны в спокойном состоянии, в расслабленном виде. Тогда, видимо, легче копаться в нашем подсознании. По всей вероятности, они очень спешат.

Я согласился:

— Если мы так внезапно появились, как чертики из коробочки, то можем так же быстро и исчезнуть, повернет там Арт какой-нибудь рычажок, и мы перемахнем через миллион лет!

— Тем более, Ив, нет никаких оснований так распускаться. Что, если вот сейчас, в этот момент, Арт нас перебросит в «Холодный дом» или промахнется — и мы очутимся посреди пустыни вот в таком виде?

— Тогда мы даже не почувствуем, как наступит абсолютная ночь.

— Ив!

— Да, Антон. Я весь внимание.

— Возьми себя в руки.

— Взял. А ты не впадай в панику. У них все предусмотрено. Ты же не ломаешь голову над тем, как снас

стянули скафандры и посадили в лимузин на магнитной подушке?

— Почему же. Думал и об этом. Лилиана-Ли сказала, что очень скоро нам все объяснят. Может быть, вы с Лилианой-Ли и правы — и надо положиться на Вечно Идущих.

— Все обойдется, вот увидишь. Не стоит волноваться зря. Подумаешь, перенеслись в прошлое. Надо же кому-нибудь было совершить этот прыжок... — Тут меня привлекло убранство наших покоев, и я подумал вслух: — Как они удобно живут! Какая техника! Зря ты прогнал барбусов.

Рыбки мигом появились, но Антон стал искать глазами, чем бы запустить в них, и они опять улетели в прихожую.

Антон сказал в свое оправдание:

— Надо быть с ними построже. Нам нечего от них скрывать, и пусть оставят эти детские хитрости. Мне кажется, они нас считают совсем простаками. Лилиана-Ли, например, сказала, что космическую навигацию они освоили давным-давно. Я верю ей. Да и как не поверить, когда такое перед глазами.

Я почувствовал, как блаженное состояние уступает место тревоге. Другими глазами я осмотрел теперь зеленую комнату. Вскочил. Прошелся по упругому ковру. Заглянул в окно. Мимо прошел важный марсианин, даже не покосившись на нашу дачу. В лице его застыло непостижимое спокойствие и уверенность в себе. Между тем Антон взволнованно говорил:

— Мы потеряли с ними связь. Что они думают? Представляешь положение Христо! Ты не задавал себе вопроса: сколько времени прошло, как этот сумасшедший робот выкинул с нами такую штуку, даже не намекнув, куда он нас отправляет? Вот идиоты мы, все вместе взятые! Как можно было доверяться автомату!

Затем... Все же где наши скафандры? Действительно, может случиться так, что мы с тобой в этих шикарных костюмчиках местной продукции можем очутиться в ядовитой атмосфере при температуре минус сто или того ниже, хотя это уже не имеет существенного значения.

— Надо требовать скафандры! — сказал я.

— Хорошо, если они здесь. А что, если их сняли с нас перед посылкой сюда? Ну и влипли мы с тобой, Ив. — Он насторожился, побледнел. Затем с облегчением вздохнул: — Мне показалось, что кто-то входит...

— Ли?

— Да.

— Ну и что? Мы ведь ее ждем.

— Ждем-то ждем... Как бы тебе это объяснить... — Он помолчал немного, собираясь с мыслями. — Вот сейчас, когда ее нет, все иначе... Просто знакомая де-вушка с другой планеты...

— Просто?

— Ну не совсем, конечно. Ты не ехидничай, Ив. Ты не думай, что я забыл Веру. Со мной творится что-то непостижимое, Ив. И ты, пожалуйста, извини за мой тон, колкости по твоему адресу. К этой обстановке надо привыкнуть, все время себя контролировать.

Я заметил, что Ли необыкновенное существо и что, будь я на его месте, то так бы не стал терзаться.

— Пожалуйста! Становись. Охотно уступаю. Скажу только спасибо, — с болью выкрикнул Антон.

Мы помолчали. Мне стало жаль друга.

— Обойдется, — сказал я. — Может, нам все это только кажется. Ведь путешествие в креслах тоже выглядело совсем реально. Мы даже чувствовали запахи.

— Фокусы Арта? И он все о чем-то выпытывает нас. Что у него за Миссия? Для какой цели он послал нас сюда? Чего он добивается этим? Или ты прав, и мы

опять принимаем участие в фильме? — Он ощупал кресло, дернул себя за ухо. — Невозможно поверить, что это фильм или что-либо в этом роде.

И я весь напрягся, стараясь прогнать наваждение, проснуться, если все это сон.

— Нет, это далеко не сон, — сказал Антон.

— Ты что, читаешь мысли? — спросил я без удивления.

— Разве ты этого не сказал?

— Только подумал.

— Значит, мы с тобой заядлые телепаты!..

Я вспомнил, что почти весь наш разговор проходил молча. Какой совершенный способ общения. Нельзя ничего сказать лишнего. Плохо подумать о собеседнике.

Вошел полосатый робот с подносом. Антон поздоровался с ним, как со старым знакомым, сказав, что это тот самый парень, что подавал нам обед.

На подносе стояли два высоких бокала, сквозь стекло просвечивали пузырьки газа, они поднимались на поверхность и лопались, обдавая лицо колючими брызгами. Мы с удовольствием осушили бокалы. Робот с плоским, невыразительным лицом взял бокалы одновременно у нас обоих, другой парой рук он держал зеленый поднос в виде полумесяца.

Мы поблагодарили.

— На здоровье, — раздалось где-то внутри робота, и он укатился в глубину зеленой стены.

— Отличный напиток, — сказал Антон, — что-то похожее на мой любимый ананасный сок.

— У меня мой нарзан со льдом! — похвастался я. — И еще с чем-то очень приятным на вкус.

И мы в который раз подивились необыкновенной прозорливости и предупредительности Вечно Идущих.

— В принципе все, вероятно, не так уж и сложно, — сказал Антон, — и у нас последнее время стали читать

мысли и рыться в подсознании, пока, правда, в виде опытов. Здесь, конечно, дело поставлено отлично. — Он прислушался. — Где-то на подходе Лилиана-Ли. Ив! — воскликнул он в тревоге. — Она сказала мне там, у крыльца, что придет и мы больше с ней не расстанемся. Ну что ты улыбаешься! Это же... Это...

— Ну, раз есть возможность прекратить этот тягостный для тебя роман...

— Ах, ты ничего не понимаешь.

— Возьми себя в руки, Антон. Не поддавайся!..

Мы повернули головы: за креслами стояла Ли в новом костюме: длинная, до пят, туника тусклого серебра со смутно проступающим рисунком, меняющимся при легком движении материи. На тонких, обнаженных до плеч руках узкие платиновые браслеты, по крайней мере, они так выглядели; прическу она также изменила — совсем земная короткая стрижка, — и лицо стало несколько иным.

«На кого она похожа? — подумал я и понял: — На Веру! Невесту Антона. Похожа чем-то неуловимым, обвораживающим. Она красивее Веры! Необыкновенно красива! Бедный Антон!»

— Вот теперь вы отдохнули, — сказала она, и в голосе ее прорывались Верины нотки. Она обратилась ко мне: — Ты считаешь, что я похожа на Веру?

— Да, похожа.

— Я красивее! — не спросила она, а бросила с вызовом, утвердительно.

Все во мне протестовало, я увидел милое лицо Веры, ее улыбку, как она храбро держалась при прощании. И все-таки против воли я сказал:

— Ты очень красива, ни одна земная женщина не сравнится с тобой.

— Это правда? — она повернулась к Антону.

— Ты необыкновенно хороша! — торопливо заверил

ее Антон, весь подаваясь к ней. На его лице застыла самодовольная улыбка избранника, будто он надел маску.

Я не заметил, как появилось третье кресло справа от Антона, по форме такое же, как наши, только в тон ее платья — темно-серое, почти черное.

Волны на экране вздыбились, смыли стену и покатились, убегая все дальше и дальше, пока не скрылись за горизонтом, обнажив красноватую равнину с чахлыми кактусовидными деревьями.

Кружочек тусклого солнца еле обозначался в пыльном небе. На буром песке лежали два человека в земных скафандрах. Наши скафандры не спутаешь: оранжевые мощные колпаки прозрачных шлемов и особый покррой, не лишенный изящества. Люди неподвижны. Невольно возникла тревога. «Кто это? Неужели Христо и Макс?»

— Их еще здесь не хватало! Достаточно и нас с тобой. Если у Арта действительно есть какая-то Великая Миссия, и он рассчитывает на нашу помощь, то ему незачем рисковать последними людьми.

— Рисковать! — вырвалось у меня.

— А ты думал, шуточки отправлять людей за сотни тысяч лет в прошлое! По всей вероятности, это кто-либо из Вечно Идущих.

— В наших скафандрах?

— Ну зачем же в наших. Если они отгрохали такую дачу, то снять копии с наших костюмов для них пара пустяков.

Люди в скафандрах зашевелились. Один сел и тут же опрокинулся на спину.

— И все-таки это Христо и Макс! — сказал я весело, чувствуя необыкновенную легкость в голове.

Антон заметно побледнел и как-то растерянно посмотрел на меня.

— Ну что здесь такого, — сказал я, — вчетвером

будет веселей. Как обрадуется Макс, когда увидит этот город, сады на крышах и дракона...

— Идиот! — устало проронил Антон. — Ты только подумай, что будет, если мы застрянем в этом прошлом. Весь смысл в том, что кто-то из нас должен вернуться, иначе все напрасно: и наш полет, и то, что мы здесь, и то, что мы успели узнать, увидеть.

В пыльном небе появились летательные аппараты.

Космонавты придвинулись к нам; до них оставалось всего с десятков метров, смутно различались за стеклами скафандров лица. Лица землян! Теперь уже нельзя было ошибиться. На них упала тень от ярко-красного днища машины, которая повисла над ними.

Мы забыли о нашей спутнице, не видели и не слышали Ли, конечно, не без ее все подчиняющей воли. Все наши помыслы сконцентрировались возле двух парней в земных скафандрах. Из аэролета (он опустился) вышли два серых робота высшего класса, они около минуты осматривали космонавтов и окружающую местность; в руках они держали портативные дезинфицирующие излучатели (назначение этих приборов мы узнали несколько позже), затем из машины появились трое в легких красных скафандрах с характерной формой шлемов в виде шляпки белого гриба, без видимых прорезей для глаз. Двое из них несли небольшие диски на тонких раздвижных стержнях и направили их на космонавтов. Люди в скафандрах зашевелились. Роботы бережно подняли космонавтов и скрылись с ними в объемном чреве машины. Красная тройца важно проследовала за ними. Задвинулась дверь. Машина поднялась и полетела над равниной в сопровождении многочисленного эскорта из самых различных машин, которые все время подлетали и останавливались в воздухе на разных высотах.

Теперь мы повернулись к Ли. Она сидела в прежней

царственной позе с высоко поднятой головой и смотрела на Великую Марсианскую равнину, стремительно летевшую на нас.

И хотя мы оба почти кричали, можно, оказывается, и кричать, не произнося вслух ни слова:

— Кто эти в скафандрах? Куда их повезли? Как они оказались здесь?

Она посмотрела на меня, потом на Антона, и «наш эмоциональный взрыв» погас, наступило приятное расслабление, как после только что пережитой опасности. Мне стало неловко, что я так грубо обратился к нашей милой спутнице и проявил такое нетерпение, хотя, видно по всему, мы и так все скоро узнаем. Она протянула руку Антону, он поцеловал ее тонкую четырехпалую кисть.

Укоризненно косясь на меня, Ли сказала:

— Мне это очень нравится, Антон. — Когда он поцеловал руку вторично, она продолжала, не отнимая руки: — В одной старой записи я видела похожую сцену. Но там мужчина целовал ноги женщине. Почему-то сцена вызвала много протестов. Женщина только что вернулась из пустыни, ноги ее покрывала пыль. Самый выдающийся судья прекрасного, Сеющий свет, нашел обычай варварским и антисанитарным.

— Он, должно быть, очень стар, этот Сеющий свет? — спросил Антон.

— Да, он носит темные одежды — признак долгой жизни...

Красный аэролет подлетел к огромному куполу города. В быстро сменяющихся кадрах мы увидели у городских ворот на площади, вымощенной розовыми плитками, множество людей и машин, приземление красного аэролета, вынос космонавтов, встреченный поднятием рук и певучими возгласами.

Оператор мастерски показал нам живописную толпу,

выхватывая характерные лица с выраженной на них разной степенью изумления, тревоги, надежды. Я помню один холодный, даже враждебный взгляд. И тут же крупным планом — плачущую женщину, почему-то протягивающую руки вслед красной машине. Мы увидели залитый солнцем купол города и летящего над крышами дракона.

— Прекрасное сочетание, добрый знак, — сказала Ли, глядя на четырехкрылую птицу.

Внезапно мы очутились в черной комнате, то есть эта комната как бы слилась с нашей, стала ее продолжением. По-видимому, это была лаборатория или операционная. Пахло озоном и еще смесью незнакомых ароматических веществ. Когда-то я ощущал такие запахи. Но где? — не мог вспомнить. Комната казалась то круглой, то многогранной. Никогда я не видел такого приятного черного цвета различных оттенков, подчеркивающего умопомрачительную чистоту стен, потолка, столов-ларей, как у Арта, на котором оперировали бедного Туарега; потолок значительно светлей, серебристо-черный, видимо, там находился источник света, не дающий тени. Над столами, ничем не прикрепленный к потолку, плавал большой голубоватый диск.

Роботы внесли космонавтов, положили на лари, стали снимать скафандры. Сняли первый шлем. Я услышал смешок Антона. Мне было не до смеха: первый, с кого сняли шлем, был я, с помятой физиономией, небритый, с тусклым, сонным взглядом. Я никогда еще не наблюдал себя со стороны в таком неприглядном виде. Покоился на Ли. Лицо ее оставалось невозмутимым. Я быстро перевел взгляд на вторую фигуру — и, должен признаться, испытал разочарование: Антон держался молодцом, он улыбался, помогал роботам.

— А ведь я ничего не помню, — сказал он и спросил меня: — А ты, Ив?

— Только запах.

— Запах и я вспомнил. Антисептики? Да?

Ли подтвердила пожатием руки. Она жала ему руку по каждому поводу и без всякого повода, хотя мне могло и показаться, что повода не было.

— Теперь вам известно место появления в нашем времени. Сейчас для вас наступает период длительного отдыха и приспособления к условиям Багряной. Вас помещают в контейнеры с чистым животворным газом и погружают в сон.

Действительно, нас с Антоном положили в прозрачные пеналы, уже в другом помещении, менее черном, и задвинули в стену.

— Здесь вы находились двадцать один день, — сказала Ли.

Мы помертвели. Двадцать один! Так Вашата и Зингер, потеряв надежду, давно улетели. Они считают нас погибшими: в наших баллонах кислорода всего на трое суток!

ВЕЛИКИЙ СТРАТЕГ

Наступило тягостное молчание. Невидящими глазами я смотрел на экран, только иногда фиксируя происходящее там: вот нас вытащили из пеналов... сажают в аэробус, мы в толпе... Ли вступает с нами в разговор... Изумленное выражение лица у Антона, когда он впервые ее увидел... Все это время я освобождался от обволакивающих сознание пут, так, по крайней мере, мне казалось. Мозг искал выхода, рвался из чуждого нам будущего на корабль, в круг знакомых понятий, вещей.

То же происходило и с Антоном. Я увидел его прежним — прямым, решительным, смелым. Он говорил Ли, не скрывая горечи:

— Как вы могли пойти на это?

— Я понимаю тебя, Антон, продолжай, хотя я знаю, что ты скажешь. Все равно говори. Тебе необходимо сбросить душевный гнет. Говори, Антон.

— Да, ты все знаешь. Можешь продолжать за меня, навязать мне свое мнение, свои желания. Но все же я скажу. Как вы могли упрятать нас на такой срок в эти ящики. Ведь теперь наш корабль улетел! Улетел без нас! Ну что мы теперь будем делать? Останемся здесь навсегда? Как дадим знать о себе, обо всем, что видели. О вас? Как мы предупредим людей, чтобы они не шли вашим гибельным путем?

— Наш путь верен, — сказала Ли холодно. — Жесток космос. Жестока несправедливость тех, что смотрят и не видят.

Мне стало жалко Ли. Антон явно перехватил. Я хотел было вмешаться, сгладить резкость друга, но этого не понадобилось, Антон взял себя в руки.

— Извини, Лилиана-Ли. Я веду себя совсем по-земному, в самом худшем смысле слова. Никто не виноват. Вы нас не ждали...

— Нет, ждали, Антон. Очень ждали, только в будущем. Сейчас вас еще нет на Земле Надежды. Сейчас вы проходите муки рождения. Вас ждала Багряная позже! А вы пришли сейчас.

— Но ты пойми...

— Понимаю, Антон. Я знаю, что Багряная, откуда вас послали последние из Вечно Идущих, сейчас повержена в прах, она умирает, она лишена воды, на ней нет воздуха, пригодного для дыхания. Лишь теплится надежда на возрождение. Надежда на вас, наших братьев со счастливой звезды.

— Все это так, Ли, — печально произнес Антон. — Все так. — И вдруг его осенило: — Может, в этом и заключается Великая Миссия Арта? Чтобы нас забросить к вам и через нас поведать, что ждет Багряную. Что-

бы вы приняли меры? Если это так, то куда ни шло! Мы готовили себя ко всяким случайностям. Ведь так, Ив?

Что я ему мог ответить? Пожать руку? Только рука моего друга опять завладела Ли. По экрану побежали разноцветные волны, послышалась музыка, и я уловил, что цвет связан со звуками. Прослеживалась одна тема в светлых тонах. Должно быть, музыка была веселой по местным понятиям, но у меня защемило сердце. Фонетическая музыка прекратилась, но еще некоторое время звучала цветовая симфония. Действительно, звуковых колебаний не ощущалось, музыка возникала где-то в сознании, как воспоминание забытой мелодии. И оттого, что это происходило во мне, я испытывал чувство, близкое к восторгу. Наверное, это и есть музыкальное вдохновение, испытываемое композитором.

Ли сказала:

— Да, каждый является хранителем музыкальных образов. Все мы слышим то, что дремлет в нас, пробуждается под воздействием световых сочетаний. Есть сложное определение этого вида ощущений, в приблизительном переводе это можно назвать музыкой души, природа этого явления проста.

— Вы и здесь нашли ключ к подсознанию? — спросил Антон.

— Ключей к подсознанию много... Как жаль, Антон, что ты еще не умеешь слышать звучание световых волн, не видишь музыкальные образы.

Антон ответил, задумчиво улыбаясь:

— Я утратил эту способность, Лилиана-Ли. В детстве я ощущал нечто подобное. Близкие считали мою повышенную чувствительность ненормальной и даже обращались к врачам.

— И ты утратил этот дар?

— Да, как муравей крылья.

— Муравей?

— Насекомые, общественные животные, очень маленькие.

— Я вижу... Ты ярко их изобразил.

— Изобразил?

— В сознании.

— Ах да. Действительно, представил себе муравьишек. Я любил с ними возиться, даже в школьные годы снял фильм. Помнишь, Ив?

«Да, я помнил этот фильм. Но почему он никогда мне не говорил, что видит звуки?»

Ни он, ни она не обратили внимания на мои мысли, занятые только собой.

Ли спросила:

— Муравьишки теряют крылья, когда в них отпадает потребность?

— Больше они никогда не летают, строят удивительные сооружения из хвои.

— Хвои? Ах да, теперь вижу. Какое красивое растение!

— Елка...

— Как прекрасен ваш мир! Ты мне покажешь его, Антон?

— О да, Лилиана-Ли!

«Зачем она его спрашивает, — подумал я, — он делает для нее все на свете. Все-таки почему он не сказал мне, что мог видеть звуки».

Ли сказала:

— Тогда, Антон, небольшое вмешательство врачей — ты вспомнишь утраченное. Как ярче станет для тебя мир, ты станешь лучше понимать меня. И в тебе, Ив, также заложены чувства цветного слуха и музыкального зрения, но они спрятаны более глубоко. И если бы ты пробыл у нас дольше... — Она словно в награду

за неприятный для меня диагноз одарила меня взглядом своих необыкновенных глаз: в ту минуту серых, с большими черными зрачками, из них лился теплый, вопрошающий свет.

Не казались ли мы ей тогда муравьишками, потерявшими крылья, такими же примитивными, особенно я. В Антоне она находила таланты, о которых я прежде и не подозревал, раскрывала в нем все новые тайники, пленившие ее изысканный вкус.

— Ты не огорчайся, Ив, — сказала Ли. — Мы старше вас. Прошли тысячелетия, прежде чем Вечно Идущие раскрыли некоторые особенности интеллекта. Ваш путь более легок. Вы многое возьмете из нашего опыта. Это естественно, жизнь в космосе взаимосвязана. Наши потомки научились преодолевать время. Они прислали вас к нам, чтобы вы убедились, что, несмотря на многие различия, мы из одного корня, как и вся жизнь во вселенной...

Эти слова не показались мне тогда полными высочайшего смысла, как это я осознаю сейчас; наверное, прав Макс — сказывалась непомерная нагрузка на психику, я слушал Ли краем уха, а сам думал: «Ни за что нам не выбраться из этого страшного мира. И если выберемся, то лишь для того, чтобы умереть в оранжевых креслах: Арт не знает, что мы без скафандров, и перенесет нас в космический холод, в вакуум». Почему-то меня особенно пугало, что мы попадем в разреженную атмосферу, где в лучшем случае вместо снега выпадает твердая углекислота...

Ли сказала:

— Опасность незначительная. И ты, Ив, и Антон, если он пожелает, успеете надеть защитную одежду, прежде чем поле достигнет предельного напряжения. Вы находитесь под беспрестанным наблюдением. Эти роботы, — она показала на порхающих под потолком барбу-

сов, — измеряют напряжение поля, и если оно начнет повышаться, то на вас сейчас же наденут скафандры. — И опять она посмотрела на Антона так, что было ясно: если он захочет. — По вашему желанию можно блокировать поле.

— Тогда мы навсегда останемся здесь? — спросил Антон.

— Да, ты можешь остаться. Поле можно блокировать только вокруг тебя. А Ив уйдет. Его здесь ничто не удерживает, кроме любопытства, или, как он сейчас подумал, «научного интереса».

Да, я так подумал и еще подумал: «Ну а если останусь? Нет, конечно, ни за какие деньги, — вспомнилось мне, как мы говорили в детстве. И в оправдание нетактичной мысли: — Нас ждут, мы должны сообщить о невероятном путешествии. Ждет Арт с его Великой Миссией, ждут дома. Не имеем права».

— Вместо вас можно послать контейнер с несравненно большим запасом информации, — сказала Ли.

Я испугался, и она тут же успокоила:

— Ты должен понять, Ив, что насилие немыслимо в мире Вечно Идущих. Ты подумал, что у нас есть способы подчинить волю. Да, есть, но эти способы неприменимы. Ты испытал их на себе? Да, но как побочное явление. Ты знал о возможности общения с помощью биололн, но не мог им пользоваться. Сейчас ты слышишь беззвучную речь, я помогла тебе освободиться от предубеждения, что такое общение невозможно, научила молча понимать чужие и передавать свои мысли. Теперь с каждым мгновением ты становишься увереннее в себе. Мое влияние оканчивается и скоро прекратится совсем.

— Нет, — сказал Антон, — не прекратится. Никогда не прекратится, Лилиана-Ли!

— Мне приятно слышать это от тебя, Антон...

Этому вновь начавшемуся объяснению в любви помешал глухой грохот, вздрогнула наша «дача», высокий бокал, который я поставил на подставку, предупредительно выдвинувшуюся из подлокотника, упал и с мелодичным звоном покатился по ковру. Без предварительного музыкального вступления стена превратилась в экран. Мы увидели прилегающие к городу голубые и бурые насаждения, дорогу, перевернутый автобус, возле него уже стояла белая машина мгновенной помощи. Объектив перенесся дальше, к темному столбу пыли, смутно обозначились края воронки.

— Метеорит! — сказал Антон. — Солидный камешек. Какое счастье, что не попал в наш город.

— Город недоступен, — сказала Ли. — Мы научились защищаться от космических вторжений.

Мне хотелось спросить, каким образом, и тотчас же вместо воронки на гигантском экране возникло приземистое здание где-то в пустыне, аэролет, опустившийся возле него. Трое марсиан вошли под нависшие своды, затем был показан их путь по коридорам, обширным залам с панелями управления, все очень напоминало наш вычислительный центр в Тобольске. Здесь все было полностью автоматизировано, изредка появлялись фигуры роботов в форме многогранных тумб, они следили за изменением цвета на бесчисленных пластинках, покрывающих панели. Марсиане стали опускаться на лифте. Вот они в большом куполообразном зале, где, помимо нескольких полосатых роботов, находился еще один, очень похожий на Артаксеркса. «А может быть, это он собственной персоной?» — подумал я.

— Нет, это не пославший вас, — ответила Ли. — Это и не Вечно Идущий, и в то же время самый совершенный из нас, он вмещает в себя все доступные нам знания, у него одна цель — оберегать нашу планету от вторжений из космоса.

Часть светлой стены и купола, обращенная к нам, как бы разверзлась, раскрыв путь во вселенную. Мы увидели неповторимую картину звездного неба, которую можно наблюдать только со спутников, с Луны, в иллюминаторы и на экранах корабля.

Ли подтвердила:

— Трансляция со спутников. Извержения вулканов, метеоритная пыль по-прежнему окутывают Багряную.

— А эти трое? — спросил Антон. — Зачем они там, когда могли вот так же, как и мы, наблюдать за всем, что делается в подземельях обсерватории? И даже давать указания?

— Могут. Но это их обязанность. Стратеги пришли убедиться в правильности решений Видящего далеко. Вы наблюдали, как близко от стен города упал астероид? Известно, что степень ошибок у Видящего далеко — одна миллиардная, следовательно, и он может ошибиться. Тысячелетие назад не менее совершенное существо, созданное могучими умами, допустило гибель целого города, неправильно рассчитав полет осколка планеты, захваченного притяжением Багряной из Круга ужасов. С тех пор мы контролируем действия и людей и машин, стоящих на важных постах и оберегающих жизнь многих.

На фоне россыпи звезд Млечного Пути ярко блеснула вспышка взрыва. Каким-то неведомым для нас способом Видящий далеко уничтожил астероид, падавший на Багряную.

Ли сказала:

— Вы еще увидите многое, рожденное умом и сердцем людей нашей планеты. Сейчас вас ждут Великий Стратег и все Вечно Идущие. Сосредоточьтесь, особенно ты, Ив, иногда твои слова беднее мыслей, заложенных в тебе. Ты все еще недостаточно адаптировался.

— Адаптируйся побыстрее, — сказал Антон.

Мне было не до шуток, и я постарался «собраться», чтобы не выглядеть полным идиотом перед лицом всей планеты и Великим Стратегом. А он уже сидел в нескольких шагах от нас, живой, объемный, казалось, можно было подойти к нему, пожать руку, похлопать по плечу, наша спальня-гостиная стала продолжением его кабинета, в воздухе повеяло незнакомым, очень приятным, ни с чем не сравнимым ароматом. О марсианских благовониях можно написать целую книгу, там нет повторяющихся запахов, они строго индивидуальны и, как одежда, присущи только одному лицу... Кабинет не особенно высокий, просторный, стены тусклого золота, на полу коричневый ковер.

Стратег сидел на стуле с высокой спинкой, положив руки на полированную доску стола, вмонтированного в этажерку-шкаф с множеством отделений, выдвижных ящиков, полок; она поднималась чуть не до потолка. Но не убранство комнаты, не сам Стратег захватили все наше внимание, а дискообразное тело, висевшее между потолком и полом без помощи подставок или нитей, просто оно плавало в воздухе, хотя ощущалась на взгляд его тяжелая металлическая фактура. По диску передвигались крохотные фигурки космонавтов в сербристых скафандрах.

— Звездолет! — воскликнул Антон. — Какая громадина! В него войдет не менее тысячи вот таких космонавтов и еще останется место. Целый летающий город. У него гравитационный двигатель.

На какое-то время мы видели только это чудо, созданное гением Вечно Идущих, даже наше путешествие во времени затмил гравитолет.

Великий Стратег молчал. Казалось, он погружен в глубокое раздумье и совсем ему не до нас. Его тяжелые веки почти закрывали глаза, на лице застыла печальная сосредоточенность. Обманчивое впечатление.

Он внимательно следил за нами, слушал наши мысли и их перевод.

Антон извинился, слегка наклонив голову:

— Мы поражены моделью звездолета, — сказал он. — Вероятно, он предназначен для полетов в другие солнечные системы?

Ли ответила:

— Пятьдесят оборотов назад то, что ты называешь звездолетом, улетело в систему Голубого солнца и десяти планет. На нем отправилось сто Вечно Идущих. Корабль не подает сигналов благополучия. Он или погиб, или его скрывает поле, непроницаемое даже для волн гравитации. Строятся еще три звездолета, более совершенных. Путь Вечно Идущих бесконечен. В звездном колесе, которое ты называешь Галактикой, — сотни миллионов солнц дают тепло и жизнь своим спутникам — планетам, но, может быть, только на Багряной и много позже на Звезде Надежды родился познающий разум. Так думаю я, но Великий Стратег и еще многие считают, что есть и более высокие цивилизации, существующие миллиард оборотов и более. Звездолет «Дитя Багряной» первым ушел на поиски. — Она сделала короткую паузу и стала переводить слова Великого Стратега.

— Я склоняю голову и благодарю еще не познанные силы вселенной, создавшие разум, который не угаснет, пока светят звезды, а они никогда не погаснут. — Это было похоже на ритуальное приветствие, и во Дворце Великих решений он так же начал свою речь. Затем он, почему-то обращаясь только ко мне, продолжал:

— Ты очень молод, посланец Звезды Надежды. На Багряной только после двухсот оборотов жизни Вечно Идущий дерзает на подвиг полета к другой планете. Слава Звезде Надежды, где так быстро мужают

обладающие разумом! Ты первый совершил прыжок во времени, недоступный даже для нас. Оправдались предсказания мудрых, обращающих ум на третью дочь Солнца...

Неудобно было слушать такую напыщенную речь и непомерную хвалу в свой адрес. Я подумал: «Неужели они не прочитали в нашем подсознании, что мы совершили этот «прыжок» не по доброй воле?».

— Над вами совершено насилие? — с изумлением спросила Ли. — Разве оно возможно на Звезде Надежды?

Наступила трудная пауза.

Впервые Ли неправильно прочитала мои мысли — вернее, не разобралась в их сумятице. Я также, сбитый с толку, стал путано объяснять, как за последние сто лет шло совершенствование землян, но тут вступил Антон. Сжимая руку Ли, он стал говорить что-то невразумительное о некоторых видах насилия, еще так недавно существовавших в последних капиталистических государствах, чем вызвал целый град новых вопросов:

— Что за виды насилия?

— Что значит капиталистический?

— Государство?

Антон начал было объяснять смысл всего этого, да через минуту наша переводчица остановила его, сказав:

— Значение понятно: антагонизм между группами людей и отдельными людьми, нечто подобное существовало очень давно и на Багряной. Хранитель памяти только что сообщил, что тысячу оборотов назад Вечно Идущий по имени Ловящий ветер принял облик Великого Стратега, погрузив последнего в анабиоз, и начал проводить действия, ведущие к захвату единоличной власти. Решением существовавшего тогда Совета Мудрых был отправлен на первую луну. Так совершились последние насилия на Багряной.

— У нас теперь тоже все реже... — начал было Антон, да я перебил его, сказав, что насилие совершено не на Земле, а здесь, на Марсе, и не кем-либо, а их потомком, хотя и механическим. Опять Антон перебил меня и теперь очень толково рассказал о нашем полете, красочно описал вид Марса при круговом облете, наши археологические поиски и встречу с Артом. Его не перебивали. Великий Стратег стиснул на столе свои четырехпалые руки. Ли напряглась в кресле, как струна, и стала выше Антона на полголовы.

Наступила самая длинная пауза в нашей беседе. По этому только можно было судить, какое впечатление произвел рассказ Антона на этих людей с молниеносным мышлением.

Наконец Ли сказала:

— Великий Стратег и Вечно Идущие скорбят о том, что должно случиться с нашей планетой. В круговороте жизни бывают подъемы и спады, они закономерны. Ты же сказал о гибели наших потомков, о разрушении городов, исчезновении морей и рек, растительности и животных. То, что осталось, не идет в счет. Жалкие крохи бурной жизни! Багряная без воздуха! И только робот остался хранить завещанное ему последними людьми. Грядущая трагедия жжет сознание, наполняет тело тоской! Так мыслю я и многие. Великий Стратег находит в себе силы думать и чувствовать иначе: он просит передать вам: ваша спутница полна тревожных чувств, свойственных женщине при ощущении неизбежного. Я мыслю не так безнадежно. Жизнь нельзя уничтожить, как нельзя уничтожить материю; ее основной закон — превращение из простого в сложное, затем распад и снова созидание. Цель жизни вселенной — рождение жизни. Споры ее носят в космосе, подгоняемые «ветром» солнц, и, встретив планету, пригодную для жизни, прорастают, как семена, упавшие в почву. То,

что ты сказал, не ново для нас. Сейчас мы умножим усилия в борьбе с космосом и враждебными силами Багряной. Еще долгий путь Вечно Идущих. И как ни печально, все же ты прав, думая, что всякому пути есть конец. После нашего поколения придут другие, наверное, более легко смотрящие на жизнь, и на их горе наступит период благоденствия, который мы подготавливаем. Люди станут расточительными, этот порок наблюдается и сейчас, но все же он ограничен благоразумием. Люди забудут, что и недра Багряной, и благодатный воздух, и воды морей могут иссякнуть. Мы оставим в памяти потомков печальную весть, принесенную из будущего. Все же, если Вечно Идущим придется закончить первый круг существования на Багряной, за ним начнется второй круг — и так до бесконечности.

Я подумал:

«Весть о гибели всего! Как же вы допустили?»

И сразу Ли ответила:

— Знать законы жизни и уметь предвидеть будущее мало для предотвращения бед. Вы наблюдаете сейчас стихийную силу космоса. Мы встречаем ее подготовленными и победим. Могут быть другие непредвиденные несчастья. Нас тревожит изменение магнитного поля планеты, которое мы не можем создать искусственно. Магнитное поле может исчезнуть на длительный период, и тогда на Багрянную обрушатся потоки убийственных излучений Галактики и нашего светила. Это мы предвидим. Создаются города глубоко в недрах планеты. Народ Багряной трудится, сохраняя свое будущее, и даже сейчас, увидев вашими глазами будущее: Багрянную без жизни, когда случилось то, что мы не сможем предотвратить, когда прах покрыл поверхность нашей родины, космос высосал воздух, иссушил моря и реки, — наш разум ищет пути возрождения. Он уже

нашел их. Вы поможете вернуть и воздух, и воду, и потерянное небо, и жизнь!

Великий Стратег улыбался, глядя на нас, лицо его приблизилось, и видна стала каждая морщинка, каждый волосок его реденькой бороды. Он приподнял руку как для благословения и медленно уплыл в глубину экрана. Погас экран, материализовалась зеленая стена, перед ней висела в воздухе модель звездолета. Я кинулся к ней, обошел кругом — да, она ни на чем не держалась. Осторожно притронулся к теплой глянцевиной поверхности, потянул за край вниз, диск не дрогнул, как монолит. Я потянул сильнее, взявшись за выступающую кромку в виде тончайшей сетки, и опять модель корабля осталась недвижима. А когда я подтянулся на руках, она вдруг стала подниматься со мной к потолку.

— Прыгай! — испуганно крикнул Антон.

Я разжал пальцы и упал на мягкий ковер. Модель заняла прежнее место. Я стоял, размышляя о том, что бы могло случиться, если бы я не послушался Антона. Видимо, я включил двигатель, и модель устремилась в космос. Она могла пробить крышу «дачи» и городской купол, и мне бы не поздоровилось...

Я оглянулся, чтобы поблагодарить Антона. Его не было в комнате. Ли также исчезла, остался только едва уловимый аромат ее духов.

И-И-Я

Тяжелая усталость охватила и тело и мозг. Кресло услужливо превратилось в кровать, в которой я почувствовал себя почти невесомым, как в ванне с теплой водой. Бесшумно подкатил полосатый робот с подносом, на котором опять стоял высокий стакан, только теперь

с темно-вишневым напитком, чуть прохладным, слегка пощипывающим язык. Робот скрылся в темно-зеленой стене. Мое ложе плавно покачивалось, или мне это казалось после выпитого стакана. Повеяло ароматным теплом, под потолком неумоимо кружились барбусы, я не видел их, но слышал убаюкивающий шмелиный гул их крыльев.

«Хорошо, если они улавливают изменения полей и смогут предупредить, если Арт попытается вернуть нас в настоящее, — думал я. — А может, они просто роятся в моем подсознании, извлекая все новую и новую информацию о моем прошлом, о прочитанных книгах, о том, что я знаю, или они научились читать записи генетической памяти?»

Мне захотелось спать так сильно, как в детстве, когда еле хватало сил добраться до кровати. Все же я боролся со сном. Мне казалось, что меня усыпляют специально с какими-то целями и делают это довольно тонко, стараясь не внушить подозрений, но меня трудно провести! Вообще в ту ночь я казался себе необыкновенно прозорливым и почему-то способным противостоять всем Вечно Идущим. Не от напитка ли, поднесенного роботом? Все-таки сон одолевал. Надо было найти причину, которая не давала бы мне права спать...

«Скафандр!.. — уцепился я как за соломинку. — Ну как я могу спокойно спать, когда «они» стащили защитную одежду?» — Я приподнялся на локтях, готовясь вскочить на ноги, и увидел слева в изголовье свой космический костюм, светящийся в темноте теплым оранжевым светом. Теперь я имел право вздремнуть на несколько минут, а затем усилием воли прогнать сон и пуститься на поиски Антона, конечно, облачившись в скафандр.

Все получилось, как я решил. Мне казалось, что я вообще не спал, а только закрыл и тут же открыл

глаза, и опять, наверное, под влиянием напитка почувствовал необыкновенную бодрость и небывалый прилив сил. Вскочив с постели, в тот же миг исчезнувшей, я проделал несколько гимнастических упражнений, подтянулся несколько раз, ухватившись за кромку модели звездолета, и опять она не дрогнула. Оделся. Надел не скафандр, а костюм местной работы, решив, что успею надеть скафандр, когда барбусы обнаружат появление поля, и электрический мозг или какое-то другое устройство вовремя предупредит меня. Почему-то у меня не появилось и тени сомнения, что может произойти ошибка — до того я проникся верой во всемогущество Вечно Идущих.

Кто меня тревожил, так это Антон. Есть ли и у него под рукой скафандр? А вдруг, околдованный Ли, он и в самом деле не пожелает возвращаться? Как-то это не вязалось с моим другом.

Но, может быть, он не властен над собой? Мало ли способов и средств у Ли, чтобы удержать его. Все-таки это не вязалось с моим представлением о морали марсиан. Захватить посланца из другого мира, человека из будущего! Нет, ей не позволят поступить так! Вдруг позволят? Или всем остальным нет до этого никакого дела? Что, если здесь личность абсолютно свободна в своих поступках?

Я расхаживал, полный тревожных мыслей, от стены-экрана, через прихожую, в сени и обратно. Барбусы жужжащим нимбом вились над головой.

«Почему меня разбудили так рано? — подумал я. — И что это микророботы так низко летают, как будто хотят сесть на голову? Сколько же сейчас времени? Может, уже давно проснулись все Вечно Идущие и сейчас заняты своими повседневными делами?»

Мне же хотелось узнать, как все-таки живут марсиане, чем занимаются в течение дня. Ведь не все же

время нарядами и разговорами на площадях? Я посмотрел на свои часы. Стоят! Хотя такие часы никогда не останавливаются. Они показывают время с поразительной точностью — что-то плюс-минус 2—3 секунды за десять лет. Я хорошо помнил: когда мы с Антоном входили в зал с черным цилиндром, они показывали девять часов пять минут, десятое июня, а сейчас — того же десятого — десять двадцать! Прошло всего пятнадцать минут, как мы в этом мире! Нет, что-то случилось или с моими безотказными часами, или со временем. Мой хронометр явно шалил. Я стал искать глазами стенные часы, и они немедленно засветились на темно-зеленом фоне, слева от двери, хотя, когда я входил, они висели справа. Видимо, я уже достаточно адаптировался и мог усилием воли переносить предметы с одного места на другое. Раньше я не обратил особенного внимания на часы, к тому же и без них нам с Антоном надо было если не разобраться во всем увиденном, то хоть как-то примириться с существованием многих вещей. Согласитесь, что одна «подмосковная дача», построенная шиворот-навыворот, чего-нибудь да стоила. Теперь, на досуге, я занялся часами, тем более что мне необходимо было определить время. На первый взгляд этот прибор мог показаться неразрешимой головоломкой. Представьте себе диск диаметром в тридцать сантиметров, разделенный на две неравные части, одна темно-серая, вторая — золотистая, на диске нанесена тонкая черная сетка, а над ней в темной половине висел алый шарик, он держался в воздухе, как модель звездолета. На сетке появлялись и исчезали иероглифы причудливой формы. Я тогда еще не был знаком с исчислением марсиан, но все же догадался, что появляются цифры, возможно, идентичные нашим часам, минутам и секундам. Догадаться было нетрудно: первые значки не менялись. А шарик обозначал положение Солнца в дан-

ный момент. Оно скоро должно было выйти из-за теневой стороны, и в нашем полушарии начнется день. Судя по положению светила, было около пяти часов по местному времени. Что же с моими часами? Я сильно взмахнул рукой. Нет, часы не реагировали на это. Перед полетом они прошли не такую встряску. Для нас создали особые часы. Вручая их нам, создатель часов Миша Ильин сказал: «Чтобы проверить прочность и точность хода, можете сбросить их с орбиты на поверхность Марса, и если вам удастся их найти, то ручаюсь — они будут показывать самое точное время...»

Нет, мои часы шли; я заметил, как нолик заменила единица — 10 часов 21 минута, — но почему так медленно?

Загадка с часами немного отвлекла меня от мысли о нашей дальнейшей судьбе, особенно меня тревожило исчезновение Антона. Что бы ни произошло, нам надо было находиться вместе. Сейчас, в отсутствие Ли, я искренне возмущался легкомыслием своего друга и поведением его спутницы.

Только подумав о Ли, я услышал за спиной шорох платья. Сердце у меня застучало. Я не верил своим ушам и подумал, что иллюзию создают барбусы, но нет, она заговорила:

— Ив, я пришла!

Передо мной стояла другая женщина, и, должен сказать, не менее прекрасная, чем подруга Антона. И Ли мгновенно стерлась в моей памяти. Я забыл сказать, что незнакомку облегал фиолетовое платье и она смотрела на меня фиолетовыми, невероятно большими глазами. Как гармонировали эти глаза с ее нежным овалом лица и высокой прической. В черных волосах переливались крупные рубины. Я оказался весь во власти этих потрясающих глаз. Их взгляд проникал в ме-

ня, я тонул в них, беспомощно барахтаясь. Она поняла мое состояние, и взгляд ее стал теплым, почти земным.

Она сказала пошлую фразу:

— Ты совсем особенный, я ждала тебя тысячу оборотов, — и положила на мою руку свою руку, совсем нормальную, с пятью пальцами. — Я сделала это для тебя, — она покрутила большим пальцем и продолжала: — Какое наслаждение слиться навеки. Я стану выполнять все твои желания. Ты только вот так держи мою руку. Если я израсходую всю энергию на любовь к тебе, то ты замени питание...

Пожалуй, это было для меня самое сильное потрясение за все время экспедиции.

— Ты удивлен? — спросила она. — Да, я, как здесь принято называть, искусственная женщина. Все же я больше живая, чувствующая, чем эти надутые кривляки, всегда занятые непроизводительными пустяками. За них все делаем мы. Разве это справедливо?

— Да, конечно, — промямлил я, стараясь выдержать руки из ее цепких пальцев.

— Ты думаешь о своем спутнике и этой, кого вы зовете Лилианой-Ли. Назови и меня другим таким же прекрасным именем.

— Право, не могу так сразу...

— У тебя замедленная реакция. Я ускорю ее. Снова у тебя в голове эта особа? Что вы в ней находите? Ведь она скоро умрет, а я бессмертна. Ну возьми же мою руку, я специально согреваю ее, безрассудно тратя энергию.

— Где ты научилась языку? — спросил я, чтобы перевести разговор на другую тему.

— Вместе с Лилианой-Ли. Когда вы находились в Доме Высших экспериментов. Я списана с твоего мозга. Все твои мысли стали теперь моими. Теперь ты должен меня поцеловать.

В этот критический момент вошел приземистый марсианин, похожий на буддийского монаха, в желтой тоге, абсолютно лысый, без бороды, в красных сандалиях. У него были черные выпуклые глаза. Узкая щель рта. Такое нам еще не встречалось. Он сделал страдальческую гримасу, будто у него болели зубы, и сказал глухим, надтреснутым голосом:

— Ив, я приветствую тебя! Желаю благополучия во всем и особенно сохранности всех внутренних органов и бесперебойной работы блоков и присадок.

Я поблагодарил желтого человека и предложил проходить и садиться.

— Обмен мыслями с тобой доставил бы мне много счастливых мгновений, да я очень занят: создаю новую модель оптического зрения для подводных машин. Я зашел к тебе, чтобы взять И-й-ю, она отдана мне и выполняет у меня довольно сложные функции.

И-й-я взвизгнула:

— С меня хватит! Я расходую всю энергию на расчеты этих противных глаз.

— Я должен забрать свою собственность, — все тем же ровным голосом сказал желтый гость.

И-й-я возмутилась:

— Я его собственность! Слышал ты, Ив, что-нибудь более несуразное? Собственность на планете, где нет собственности! Просто Высший Совет необдуманно поручил мне помочь этому чучелу гороховому. Я, кажется, правильно выражаюсь? Ведь так говорят на Звезде Надежды? Чучело гороховое?

— Да... Но Вечно Идущий, о котором ты так нелестно отзываешься, не заслуживает этого.

— Заслуживает! Еще как заслуживает. Ты, Ив, еще его совсем не знаешь. Ты недоволен, как я говорю? Знаю, что недоволен. Между тем все понятия, какие я употребляю сейчас, вытянули из тебя и из твоего

дружка, когда вы находились в карантине. Некоторые ваши словечки заставили поворачиваться шарики у Большой решающей машины и у немалого числа Вечно Идущих.

— Ты пользуешься эпитетами, которые сейчас очень редко применяются на Земле.

— Тем лучше. «Редкие слова радуют сердце», — говорил Фуфля, когда у него был только один глаз и он занимался контрабандной торговлей дефицитными деталями.

— Помолчи, И-й-я! Не перегружай гостя нулевой информацией, не будь сварливой Хлэй.

— Хлэй? Я Хля? Нет, ты за это заплатишься, одноглазое чучело. Ты представишь свои слова на рассмотрение Высшей Лиги.

— Мы их представим вместе. Но прежде объясни, почему ты назвала меня одноглазым?

— Потому что ты и есть одноглазый и еще Фуфля, а никакой там не Багрянорожденный. Нет, только подумать, — обратилась ко мне И-й-я, — он назвал меня Хлэй. Сам ты Хля! Холодный, грубый, чванливый эгоист! Он использует меня как машину для запоминания своих глупых мыслей и при этом забывает, что имеет дело с женщиной!

— Успокойся, И-й-я!

— Не успокоюсь! Кто решает тебе задачи, от которых скрипят все твои блоки?

— Ты, ты, моя радость!

— Радость! Это уже кое-что. Хорошо, пусть я буду радостью. Теперь признайся, кто тебя научил языку землян?

— Ну ты, ты, моя прелесть.

— Отрадно знать, что у тебя начал работать блок справедливых оценок.

— У меня-то все блоки работают идеально, а вот о тебе этого не скажешь.

— У меня разладилась настройка блоков? Подумать только!

— Да! И давно. — Он шагнул ко мне. — Знал бы ты, Ив, как ей вредят насадки добавочных эмоций.

— А у тебя вот их совсем нет.

— Есть! Обзавелся и я. Да только лишняя перегрузка. Без эмоций спокойней. Одна морока. Я не раз вносил предложения изъять все отвлекающие элементы. Например, зачем вот этой особе двенадцать чувств и четыре зрения? — Он перечислил: — Магнитное, инфракрасное, гравитационное и оптическое! Ультрабоноание! Сверхсвязание! Я боюсь отвлекать тебя, а не то я мог довольно долго перечислять, чем она только не напичкана.

— А тебе завидно? — спросила И-й-я.

— Мне горько...

— Ах и ты вставил вкусовой блок?

— Вставил, старый хмырь. Сознаюсь. Но все равно я с восторгом, выделяемым ультразвуковой присадкой, сам выбросил бы все отвлекающие от дела детали, если бы не «закон охраны прав мыслящих механизмов». Поверь, Ив, что у нас еще будет немало хлопот с роботами всех классов, рангов, лиг и категорий. Они уже сейчас добиваются равноправия, хотя никто не урезывает их прав. Такое безобразие происходит исключительно из-за попустительства Высшего Совета и Центра Координации. Можно было давно наложить вето на изготовление всей этой эмоциональной чепухи, и нам не пришлось бы с тобой тратить попусту самое драгоценное, что есть во вселенной, — время!

И-й-я иронически сморщила свое пластиковое лицо и обратилась ко мне с нескрываемым ехидством:

— Ив! Я вижу, ты не обратил внимания на то, что

я назвала его Фуфлей. Он же робот! Только ты можешь сам убедиться, что класс его гораздо ниже моего. Это же, это модернизированная спиночесалка, ни больше ни меньше. Он ниже меня на три параграфа! И я вынуждена подчиняться ему! Где же справедливость на Багряной? Я создана из чистейших материалов, а мозги этого типа выращены в бочке из-под огурцов. Что такое бочка и огурцы, я видела, Ив, на твоей записи. Только в таком резервуаре можно получить такое фуфлевидное вещество.

— Не откладывай в своей памяти слова И-й-и. Они не обогатят тебя новыми сведениями. Многое, что мы задерживаем в себе с помощью наших чувств, а также блоков и присадок, подобно ненужным вещам на свалках. А ты умолкни, И-й-я, на время, пока я не разрешу тебе вновь попусту сотрясать окружающую среду.

Действительно, он выключил речевой аппарат И-й-и, и она только бросала на него убийственные взгляды, усиливая их выразительными жестами.

— Мне надо было поступить так раньше, но я ощущал, что ее щебет доставляет тебе удовольствие. Теперь, пользуясь тишиной, я объясню тебе свое появление на Багряной. Не отрицаю, я выращен искусственным путем, и, конечно, не в бочке из-под огурцов. Но разве Вечно Идущие не создаются таким же способом? Нас справедливо именуют биологическими машинами, забывая при этом, что любая биологическая схема — машина, включая и Вечно Идущих. Долгое время между нами существовала некоторая разница, но после того, как я создал блоки эмоций, разница заключается только в том, что я, например, практически вечен, а Вечно Идущий, даже с заменой почти всех органов, в конце концов самопроизвольно распадается на составные части. Надо отдать и им должное, это они

дали нам жизнь и сейчас ухитряются оставлять свои микрокопии для последующего возрождения, хотя и то, что ты называешь роботом и киборгом, может быть восстановлено очень легко.

Ты все уяснил и понял ложность утверждений И-й-и, что перед тобой находится механизм, не заслуживающий внимания. Теперь я уйду, оставляя тебе свои наилучшие пожелания. А когда истечет время обязательного труда, то И-й-я может вернуться к тебе, если ты пожелаешь. Сейчас, прости, она должна произнести несколько фраз, иначе у нее выйдут из строя три очень ценных блока и одна присадка. Сгорят от перенапряжения.

И-й-я может прийти к тебе и в начале нового дня. — Он произнес певучую фразу, глаза механической дамы загорелись розоватыми огоньками, и она вылила целый поток лести на своего господина.

— О благороднейший из Вечно Идущих! Мгновенно мыслящий! Видящий все! Прекрасный! Удивительный! Душка! Ты разрешаешь мне вернуться к посланцу Звезды Надежды...

— Хватит! — сказал желтый киборг и добавил на прощание: — Как ты, Ив, обогатил ее словарный запас! Придется поставить ограничитель.

— Дудки! — весело возразила И-й-я и помахала мне рукой. — До скорого!

Я хотел было сказать ей, что вряд ли смогу принять ее еще раз, да у меня язык не повернулся: ее личико прямо-таки заливала радость.

Близился рассвет: красный шарик вот-вот выйдет из темной половины круга. Я ходил по спальне-гостиной от стенки к стенке, погружаясь в беспощадный самоанализ. Ведь если откинуть в сторону комизм ситуации, на месте бесподобной И-й-и могла оказаться настоящая марсианка, и я бы так же попал в ловушку,

как и бедный Антон. Меня прошиб пот, когда я только вспомнил, как отреагировал на появление И-й-и.

«Ну нет, теперь уж им не удастся! — думал я, стараясь поддеть носком ботинка желто-зеленую пуфочку, которая все время оказывалась у меня на дороге, пуфочка ловко увертывалась и снова забегала вперед. Я уже не пытался объяснить этот фокус, просто воспринимал наглую пуфочку как обязательную деталь в марсианском доме. Но как мне хотелось пнуть ее ногой. В ней сейчас сосредоточились все мои неудачи, все промахи, какие я делал в своей жизни, и, казалось, стоило мне ее поддеть, как все чары спадут и появится Антон и скажет: «Что за чертовщина, Ив?» Мне так захотелось его увидеть, что я закричал, как в подмосковном лесу в грибную пору:

— А-а-нто-он! — и, наконец, поддел ногой зазевавшийся пуфик.

Наверное, в этот вопль я вложил столько душевных сил, что стена-экран раздалась и передо мной открылись большие покои, залитые розовым светом. Там я увидел своего исчезнувшего друга и прекрасную марсианку.

Некоторое время они вели беззвучный разговор. По выражению лица Антона я видел, что ему приходится несладко, что он разрывается между долгом и любовью. Надо признаться, что я перешел на сторону Ли. «Нет, он должен остаться, — думал я, — ему необходимо остаться, он будет здесь нашим представителем, и, быть может, изменит ход всей истории, и Марс избежит своей страшной участи». Как он это сделает, я не представлял себе, но почему-то у меня росло убеждение, что будущее Марса и Земли зависит исключительно от того, как поведет себя сейчас Антон: если он примет «благоразумные советы» Ли, то все беды пронесутся, как метеоритная пыль, не причинив особого

вреда, в противном же случае судьбам народов обеих планет будет грозить страшная опасность.

«Но почему?» — спросил кто-то внутри меня. И тут же, уловив эту нотку сомнения во мне, Ли перешла на звучащую речь.

— Ты искра, залетевшая из будущего («искра» относилась к моему другу), ты предназначен возжечь потухающее пламя жизни на Багряной. В жизни каждого мыслящего существа есть особая цель, цель, свершить которую ему необходимо, чтобы оправдать свое существование. Многие ищут и не находят своего предназначения, своей Миссии...

— Ага, Миссия! — подхватил я, вспомнив Арта. — Нас ждут для этой Миссии там, на корабле; ждут Вашата, Макс! Ждут дома! — продолжал я под недоумевающим взглядом Ли.

Все это время Антон стоял ко мне спиной, услышав мой голос, он быстро повернулся, на лице его отразились и радость и смущение:

— Ах, Ив! И ты здесь, — сказал он сдавленным голосом. — Ну, что ты так смотришь на меня? И затем, почему врываешься в чужую спальню, даже не постучав? Что о нас подумают, Ив! — Последние слова он произнес с мягкой укоризной.

— Я тут ни при чем — местное телевидение транслирует ваше свидание, — сказал я.

Он изменился в лице. Повернулся к Ли. Она стояла посреди комнаты, на месте, где только что находилась кровать, в глухом черно-лиловом платье.

— Ли?

— Ив прав только отчасти. Нас могли видеть только те, кто этого пожелал. На Багряной личная жизнь ограждена от посторонних взоров.

— Ничего себе ограждена! — вскипел Антон. — Кем или чем ограждена?

— Понятием недопустимости.

— Ах да, да... Я и забыл, где мы находимся... Я сейчас, Ив, вот только... где моя одежда? Где скафандр? Ты тоже еще не надел? Что, были сигналы?

Я сказал, что сигналов еще не слышал, но надо собираться в обратный путь. По крайней мере, находиться в состоянии готовности. И что я сейчас влезу в скафандр.

— Кстати, сколько на твоих часах? — спросил я.

Он взглянул на часы:

— Какая-то ерунда. Явно останавливались, а сейчас еле плетутся. А у тебя?

— Тоже. Видимо, на них что-то влияет. Мы еще не знаем, какие изменения происходят при полетах во времени.

— Вполне резонный вывод. И ты прав, что надо собираться. Не забросил же нас Арт сюда до конца дней наших. И я что-то не верю в возможность уловить повышение напряженности какого-то поля, связывающего нас с будущим, то есть с нашим временем. — Он обвел взглядом комнату, она утратила свой прежний радостно-розовый тон, а стала тускло-серой.

Ли ответила на его немой вопрос:

— Сейчас принесут твою одежду и скафандр.

Опять между ними начался безмолвный разговор, из которого она меня почти всегда выключала. Ли протянула к Антону руки, и он медленно пошел к ней.

«Пропал, не выбраться», — мелькнуло у меня в голове. Вместо розовой спальни я уже видел полыхающее марево, сквозь него проступали неясные очертания каких-то конструкций, мелькнуло зеркало водоема. Я плыл по этому озеру или морю, глядя на оранжевый кружочек солнца. Антон греб, Ли сидела рядом со мной, и я сжимал ее теплую четырехпалую руку...

КУРЯЩИЙ РОБОТ

Я очнулся у подножия гор. Голых, с острыми вершинами, их прорезывали черные, как тушь, ущелья, блестели серые осыпи. Казалось, я мог дотянуться до них рукой. Оптический обман. Здесь все кажется ближе. До кряжа было не менее двадцати километров. Поднявшись на локте, я медленно приходил в себя и старался поскорее найти оранжевый скафандр Антона. Вот и он! Нет, только камень.

Я поднялся с плотно утрамбованного песка, присыпанного тонким, как пудра, пеплом.

Дышалось легко. Еле слышно работала система регенерации. Я включил радиосвязь.

Молчание.

«Нахожусь в тени. Мешают горы, или меня выбросил Арт где-то очень далеко. Может, на обратной стороне планеты».

Холодок побежал по спине от такой мысли.

Я осмотрелся. От гор стелилась ровная, словно тщательно укатанная, равнина, вернее пустыня, мертвая, ледяная, оранжевое плато с бурами и серыми пятнами, кое-где поднимались бугорки каменных глыб, темно-красных и желтых. Вершины гор трехкилометровой зубчатой стеной поднимались к фиолетовому небу.

Один! Совсем один. Как же меня заметят в моем оранжевом костюме на этой оранжевой равнине? Я усмехнулся. Кто заметит? И опять я стал искать глазами Антона.

Все только камни, камни. Как не хватало мне моего друга в это страшное время. Все же я нашел в себе силы порадоваться за него. Там, в бездне времени, среди Вечно Идущих, он проживет долгую полезную жизнь и, конечно, повлияет на весь ход истории мар-

сиан. Он предостережет их от ошибок... и поможет сделать новых, своих, земных. Ошибки порождаются жизнью, разум их исправляет — или ему это кажется — и делает новые. Идеал — возможно меньшее количество промахов...

Почему-то у меня улетучился страх за свою жизнь, мне казалось, что я выполнил все, что мне положено, кое-что и сверх того. Я продержусь суток двое-трое: регенератор работал прекрасно, мне показалось, что даже лучше, чем прежде, не ощущалось неприятного вкуса во рту, кожа была сухой, голова ясной. И странно, даже в этом, казалось, абсолютно безвыходном положении у меня ровно тлела надежда на спасение. Только бы определиться. Судя по высоте солнца, я находился на шестьдесят пятом — шестьдесят шестом градусе южной широты, то есть вправо или влево от нашего места посадки. Неумоимо мой приемник посылал SOS во все стороны марсианского света. За истощение аккумуляторов я пока не боялся: солнечные батареи действовали удивительно хорошо, лучше, чем прежде.

Я огляделся, и сердце мое радостно забилося — на востоке, из-за горизонта виднелась вершина Большого Гейзера, как раз он извергал скопившуюся за пять часов порцию водяных паров, углекислоты и сернистого газа, серо-желтый столб поднимался в небо по струнке, как дым из трубы в холодный, безветренный день где-нибудь в сибирском заповеднике — там разрешают сжигать сучья в каминах.

Теперь мне стало ясно, куда надо двигаться. До Большого Гейзера не больше шестидесяти километров, но по пути глубокие трещины, их придется обходить, овраги... Я представил себе местность с высоты: километрах в тридцати отсюда находится ущелье, ведущее к Срединному морю, его я пройду завтра; се-

годня к вечеру одолеть бы этот путь по пустыне до ущелья.

Половина двенадцатого. Часы опять шли нормально.

Я чуть не упал, споткнувшись об остов робота, он напомнил мне скелет верблюда в Каракумах, где мы с Антоном бродили в студенческие каникулы. Там, к югу от Солнечных ворот, остался заповедник песков; на древних тропах ветер иногда обнажает останки «кораблей пустыни», погибших столетия назад. Робот окончил свои дни очень давно, может быть, прошло сто тысяч лет, миллион, как он упал на этом месте и больше не поднялся. Его панцирь сделан из вечной пластмассы. От него осталась только оболочка, как хитиновый покров жука. Сложнейшую электронику в его чреве источили время и песок, правда, я вытащил какой-то блок из черепной коробки и, движимый чувством почтения к смерти, положил его на прежнее место.

Скоро роботы стали попадаться чаще. Они лежали, как солдаты на поле боя, скошенные пулеметным огнем: головами в сторону гор. Они явно сражались! Я увидел небольшую трубку с утолщением на конце, какое-то оружие — может быть, лазер?

В отрывке одной из записей говорилось о колонии или стране в горах, где обитали механические копии Вечно Идущих, добывая там «силу планеты» — наверное, уран. За что они боролись? Может быть, восстали против Вечно Идущих? Что, если таких, как Арт, в то время существовало сотни тысяч? Я вспомнил забавную секретаршу и ее хозяина, они вполне могли сражаться за свои права...

Временами из-под слоя праха показывалась дорожная полоса. Я подсчитал по шагомеру, что дороги отстояли одна от другой на три километра и шли параллельно друг другу. Мне встретилось шоссе, идущее

щее вдоль гор, и я пошел по коричневым, потрескавшимся многогранникам. Дорога то уходила в песок, то снова появлялась. По дороге идти стало гораздо легче. Создавалась иллюзия, что вот кончится шоссе и я куда-то приду, к теплу, к людям. Дорожная сеть покрывала огромный участок. Когда-то здесь шумели под ветром голубые, синие и зеленые сады, поднимались города, стояли загородные дома. А может, это был мегаполис — один гигантский город? Что-то похожее мы с Антоном видели в первом фильме, паря над экваториальной равниной.

Каждую дорогу покрывали плитками или заливали пластиком одного цвета. Века почти стерли краски, но явно различались цвета: синий, излюбленный фиолетовый, желтый. «С такой дороги не собьешься», — подумал я, обходя останки какой-то машины, утонувшей в песке. За останками машины, метрах в ста от нее, когда-то находился мост, сейчас похожий на небрежный набросок инженера — так обглодало его время. Но каким же прочным должен быть этот материал, если до сих пор висит между остатками опор одна из балок двухсотметровой длины, хотя и сильно прогнутая, и на ней чудом держится ферма, похожая на гигантскую паутину, местами оборванную и все же сохранившую былой изящный рисунок.

Я перешел русло реки или бывшего канала, почти засыпанного песком. На другом берегу опять показалась коричневая дорога. Слева поднималась стена гор, справа уходила до близкого здесь горизонта оранжевая пустыня.

Близилась ночь. Я теперь уже подходил к горам по одной из дорог с бледно-желтым покрытием. Шоссе шло по возвышенности, похожей на дамбу.

Усталости я не чувствовал, так как высосал тубик тонизирующего желе, — да, я находился в отличной

форме, несмотря на все передраги, и вполне мог идти всю ночь, если позволит дорога.

Но вот ущелье с отвесными склонами. Я сразу шагнул в чернильную тень, хотя на равнине еще светило солнце. Надо было располагаться на ночь. В крошечной тьме стало невозможно идти, а пользоваться фонарем я не мог из боязни разрядить аккумуляторы. Я лег на спину и стал смотреть на Млечный Путь, узнавая знакомые земные звезды: Сириус, Бетельгейзе, Альдебаран... Только в них не было земной теплоты, они не лучились, а горели холодными огоньками и казались меньше, чем на Земле. В стену ущелья ударил желтый свет. Я вскочил, подумав: «Антон». Через минуту стало еще светлее: над головой проплывал сверкающий Фобос — безобразный осколок одного из разрушенных миров, весь в оспинах кратеров, щедро вызолоченный солнечным светом.

Здесь его так же чтили, как наши предки чтили Луну, так же предписывали ему магические свойства, воспевали поэты. Я вспомнил стихи, обращенные к «Вестнику из космоса». Вот плохой перевод этих, наверно, по-настоящему поэтических строк:

«Тебе светили другие звезды. Другие волны набегали на твои холодные камни, лаская их и даря тепло. Ты долго блуждал в одиночестве, пока не встретил Багряную. Она приютила тебя. Так лей же свет ее детям, дари им радость, дари им счастье...»

Влюбленные ждали, когда торопливый Фобос догонит медлительного и больше похожего на нашу Луну Деймоса, чтобы, взявшись за руки, войти в очистительные воды одного из озер или морей и тем самым закрепить свою любовь навеки. «Все здесь стремилось к вечности, и вот что получилось», — думал я, засыпая.

...Я стоял у скалы, на обочине дороги. Солнце освещало

щало противоположный склон, поросший колючим кустарником. Было очень жарко. Мимо проходили когорты за когортой — роботы, закованные в броню. У одних я видел тяжелые серые трубы, положенные на плечи, как коромысла, другие несли что-то похожее на отопительные рефлекторы, солнечные зайчики от их зеркал слепили глаза. Над пехотой бесшумно проплывали круглые машины с бордюром из острых стержней. Я ждал, что одна из машин остановится и возьмет меня, как было условлено с Хухликом Первым. Проплыло уже больше десятка машин, и ни одна не остановилась. В душе я был рад, что меня не замечают, мне, по правде говоря, не хочется ввязываться в предстоящую свалку, а дело будет нешуточное, каждая сторона приготовила кое-какие «сюрпризы», от которых не поздоровится Багряной планете. Чтобы меня не заметили, я тесней прижался к скале. Меня мучили угрызения совести: почему я всеми силами не противился началу военных действий? Еще были шансы все уладить мирным путем. Думаю, что наш противник Хухлик Зеленый пошел бы на уступки, тем более что у него еще маловато пушек, стреляющих снарядами из антивещества.

Ко мне подошел робот с лазером на плече. Бросив лазер на камни, он сказал:

— Теперь ты понесешь эту дуру. Мочи нет. Я пока подзаряжусь. Пожалуйста...

Я сказал, что с удовольствием бы ему помог, да меня ждут более серьезные дела, что я советник Хухлика Первого.

— Ну его к дьяволу, твоего Хухлика и все на свете. Ты понеси хоть немного, я догоню. Подзаряжусь и догоню. Будь другом.

— Ты забываешься! — вскипел я. — Перед тобой Стратег высшей лиги. Подними трубу и чапай дальше.

А не то я прикажу разобрать тебя до последнего узла.
— Не пугай. Не такое видали. Сейчас там начнут не разбирать по винтикам, а распылять на элементарные частицы. — Робот сел у моих ног и стал закуривать.

Закурил и я. Так мы сидели и курили, наблюдая, как мимо нас, звеня и лязгая, проходят железные когорты и плывут танки-аннигиляторы.

— Одна такая буханка полпланеты скосит, — заметил робот, выпуская дым из ушей.

Помолчали. Робот спросил:

— Ты знаешь, из-за чего война?

— Знаю, да сказать не могу.

— Военная тайна?

— Она самая.

— Понятно, хотя все ребята говорят, что у Зеленых ниже вольтаж, чем у нас.

— И ты способен терпеть, чтобы на планете существовали роботы с недопустимо низким вольтажом?

— Конечно, нет. Даже при своем низком вольтаже они жрут прорву электричества.

— Ну вот видишь.

— Вижу. — Он уставился на меня своим единственным глазом. Спросил:

— У тебя-то у самого какой вольтаж? Где у тебя вольтметр? Ага, нету. Ты, наверное, шпион Зеленых. Давай бери трубу! Докуривай, и пошли!

— Куда спешить.

— Это верно. Там уже началось. Во дают! Смотри, летит такая же труба, как и моя. Вот сейчас жажнет!

Труба упала прямо против нас в центре когорты. Вырвалось белое бесшумное пламя. Мой собеседник, прежде чем рассыпаться на элементарные частицы, успел сказать:

— Ну что я говорил...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

...Я сидел в оранжевом кресле напротив стены-экрана, рядом через стекло шлема устало улыбался Антон. Арт стоял возле черного цилиндра невозмутимый, как никогда; по другую сторону застыл его ассистент Барбаросса.

— Ну как? — спросил Антон.

— Отлично! — ответил я, несказанно обрадовавшись, что все так счастливо закончилось. Но меня беспокоили Макс и Вашата. — Здесь ли они еще?

— Куда им деться, — ответил Антон. — Мы с тобой весь фильм проиграли в полтора часа. Роботов ты здорово изобразил. И весь твой путь по пустыне тоже стоило посмотреть.

В голове у меня стало что-то проясняться.

— Антон!

— Ив!

— Так это все...

— Штучки Арта. Таким путем он вводит нас в курс дела, как он сейчас мне объяснил.

— И давно ты здесь?

— Ты хочешь узнать, когда я вышел из игры?

— Ну конечно...

— Я сошел с экрана раньше тебя. Простился с Лиляной-Ли, и Арт вывел меня из игры, а тебя почему-то оставил. Между прочим, фильм транслировался на корабль.

Макс сказал с придыханием от восторга:

— Бесподобно, Ив! Твой курящий робот — прелесть, и аннигиляция выглядела очень внушительно.

Вашата, глубоко вздохнув, приказал:

— Быстро домой, ребята. Вы устали после таких переживаний. Надо будет внушить Артаксерксу, чтобы он больше не позволял себе подобных вещей.

Арт ответил:

— Вы недовольны. Я знал заранее. Мне нужен был эксперимент. Я должен был убедиться, как вы отнесетесь к Вечно Идущим. Предупреждение разрушало замысел.

— Ты мог понять наше отношение по первому путешествию, — сказал Вашата.

— Нет. Там вы были только зрители. Знали, что вам показывают кинофильм, только несколько усложненный. Сейчас двое из вас сопереживали судьбу Вечно Идущих. Теперь я буду продолжать свою Миссию.

Вашата предостерег:

— Не забудь, что мы не можем находиться здесь долго. Через сто часов мы должны покинуть Багряную.

— Знаю. Сто часов достаточно. — Арт направился к двери, предлагая следовать за ним. Мы пошли, разминая затекшие ноги. Барбаросса замыкал шествие.

Антон спросил:

— Скажи, Арт, действительно Вечно Идущие не могли передвигаться во времени?

— Так, как мыслишь ты, — еще нет. То, что пережил ты, один из видов приближения к путешествию во времени. Созданы модели прошлого и будущего, в них можно переноситься, жить там, и очень долго.

— Иллюзия? — спросил Антон.

— Нет.

— Реальность?!

— Нет.

— Так что же?

— Иллюзия и реальность.

— Где же иллюзия и где реальность?

— Иллюзия в том, что вы действительно могли находиться в прошлом, реальность в том, что прошлое приблизилось к вам, вы вошли в него, вступили в контакты с последними из Вечно Идущих.

— Что-то очень туманно, Арт.

— Туманно — затянуто дымкой?

— Да, Арт. Очень густой дымкой.

— Механизм сложен. Непостижим в полной мере и для меня. Все в черном цилиндре. Для тебя требуется много часов. Оставлены разъяснения. В следующий прилет познаешь больше. — Арт перешел на телеграфный стиль, чем он всегда давал понять, что аудиенция окончена. Нам ничего не оставалось, как поблагодарить за прием и пожелать всего хорошего.

В ответ Арт и Барбаросса только слегка прикрыли веки.

На фиолетовой улице нас поджидал Туарег. После модернизации он уже много раз сопровождал нас; все же ни я, ни Антон не могли привыкнуть, что этот немой роботяга вдруг заговорил, да еще как. Он вывел нас из разрушенного города, не раз предупредив об опасности возможного обвала обветшалых карнизов. За городом он пошел впереди «Черепашки», то и дело обращая наше внимание на прежде незаметные или непонятные нам особенности рельефа.

Туарег обладал множеством талантов. Одним из видов зрения он различал плотность залеганий до пяти метров и мог делать логические выводы из своих наблюдений. Каким объемом информации должен был он располагать для этого!

Под едва заметной впадиной он обнаружил канал, идущий от самых гор в сторону города.

Скалы-столбы он назвал «водяными воротами», видимо, здесь находился ирригационный узел.

Обратил наше внимание на еле заметные русла двух рек.

Помимо этого, Туарег выкопал из песка руку робота и поднял с десятков керамических плиток.

— Что за археолог вас сопровождает? — спросил Макс. — Барбаросса? Или сам Арт?

— Туарег, — ответил Антон.

— И правда Туарег, сейчас узнал по голосу.

— Возьми его на себя, Макс, — попросил Антон.

— Ну конечно. Туарег, дружище! Говорит Макс! Обращайся теперь только ко мне. Что там у тебя интересного под ногами?

— Конструкция из металла.

— Ты в состоянии передать ее изображение?

— В состоянии...

Антон облегченно вздохнул: мы так нуждались с ним в покое. Нам следовало осмыслить все происшедшее, побыть вдвоем. Сознание, привыкшее к логическому истолкованию событий, отвергало объяснения Арта. Путешествие во времени казалось проще, доступней, чем участие в непостижимо сложной игре. Если все это было заранее запрограммировано последними из Вечно Идущих, то какой же они отличались прозорливостью, как они понимали природу человека, его сущность.

Антон, прикрыв веки, улыбался так, будто его руку сжимали пальчики Всегда вселяющей радость.

ГОЛУБЫЕ ШАРЫ

На вахте, чтобы скоротать время, я пользовался самым древним способом фиксирования впечатлений — записной книжкой и графитовым карандашом. По преданию, карандаш остался от моего деда. Мне доставляло неизъяснимое удовольствие писать этим огрызком, правда, на несгораемой бумаге. Кстати, в корешке записной книжки находился мини-магнитофон, иногда по привычке я диктовал в него дневные впечатления и мысли, родившиеся в марсианской ночи.

Из микрофона лилась земная музыка, прямая передача для нас. Несмотря на фильтры, слышался «межзвездный шепот», помехи шли со стороны Юпитера. Я записал:

«Вот еще одна из загадок нашего архипелага во Вселенной. Какая мрачная, величественная планета. Что, если и там есть какая-то форма жизни. Юпитер — гигант среди остальной семьи планет нашей системы. Он клокочет от заключенной в нем энергии. Фантасты населили его людьми-гигантами, способными выдерживать невероятную силу тяжести. А почему бы и нет. На дне земного океана живут невзрачные, лишенные пигмента существа, выдерживающие чудовищное давление одиннадцатикилометровой толщи воды! Непостижимы способы жизни приспособляться к самым немислимым условиям окружающей среды...»

Я долго смотрел на Юпитер. Отсюда он виден чуть ярче, чем с лунной обсерватории.

«Кто полетит к Юпитеру? Когда? Наша «Земля» слишком маломощна, чтобы преодолеть притяжение этого гиганта. Пока автоматические станции только фотографировали его мрачную поверхность, потом они или падали в аммиачную атмосферу или становились его вечными спутниками с очень вытянутыми орбитами. Информация от них поступает скудная и однообразная...»

Вчера я спросил Антона:

— Ты полетел бы к Юпитеру?

— Ну конечно, — ответил Антон. И немного подумав: — Пожил бы только с полгода дома...

Мы все готовы к новым полетам и к Юпитеру, и к Сатурну. И к первой ближней звезде. Куда отправится гравитолет Вечно Идущих. Что случилось с ним? У нас есть изображение этого звездолета, очень похожее на модель в кабинете Великого Стратега. Но дело

не в его внешнем виде. Нам давно известна дискообразная форма кораблей.

Вспыхнул зеленоватый экран внутреннего обзора. Локатор включался автоматически каждую четверть часа, и на экране медленно проходит отражение фантастического пейзажа. С черного неба падают белые хлопья: вулкан-гейзер с час назад выбросил облако углекислого газа. Необычный снег покрыл песок и камни. Кристаллы сухого льда искрятся, словно елочная канитель. Черные тени, как провалы в бесконечность, разрезают синеватую белизну. Я невольно вздрагиваю, представив себе, что вдруг очутился за бортом корабля без скафандра.

«Шалят нервишки», — сказал бы Макс и приказал бы принимать набор разноцветных шариков...

Радар задержал свой «взор» на Туареге. Прибор так отрегулирован, что всегда дает знать, если нащупывает металл или живое существо. Дома, при испытаниях, радар нащупывал мышь на расстоянии трехсот метров. Здесь он обыкновенно задерживает свой взгляд только на Туареге, словно по привычке, на каких-то пару секунд и, будто разочаровавшись, что опять видит это неуклюжее, надоевшее ему создание, неторопливо скользит дальше. Сейчас прошло более пяти секунд, а на экране все еще запорошенный снегом робот. Снег хлопьями свисает с его шлема и плеч. Туарег неподвижен — у него выключена двигательная система. Мне показалось, что наш механический слуга словно располнел, и в этом виновен не только углекислый снег. Стали толще «руки», раздалась «грудь» и «плечи». Бесшумно вошел командир. Я знаю, что это он, и спрашиваю:

— Ты ничего нового не находишь в облике Туарега?

— Усиль яркость! — ответил Вашата.

Мы оба молчали, рассматривая Туарега, с «ног» до «головы» покрытого голубоватыми шариками диаметром от двух до десяти сантиметров.

Вашата включил сигнал общего сбора. По кораблю разлилась меланхоличная мелодия незамысловатой пьесы, заимствованной из музыкальной шкатулки XVII века, — сигнал утреннего подъема.

Вообще мы не пользовались «колоколом громкого боя», записанным на пленку для сборов по тревоге. Представляете, как действует колокольный звон на человека со взвинченными нервами?

Через тридцать секунд появился Антон, заспанный, встревоженный, за ним, зевая, показался Макс. Он подозрительно ощупал нас взглядом. Спросил:

— Что еще выкидывают товарищ Марс и тени Вечно Идущих?

Антон понял случившееся без слов и стал рассматривать изображение Туарега на экране. Глаза его загорелись.

— Невероятно! — произнес он. — Это уже не твои кактусята, Макс.

— Ничего удивительного, — как ни в чем не бывало отозвался Макс. — Я все время ждал, что здесь останутся и высшие формы жизни. Ведь у них было время приспособиться к изменяющимся условиям... Вы включили фотокамеру?

— Да, — ответил Вашата. — Камера работает.

Все мы стали внимательно рассматривать бок Туарега, покрытый шариками.

— Что они в нем нашли? — подумал вслух Антон.

— Атавизм! — изрек Макс. — Тяга к человеку или его копии отштампована в их генах. Что бы еще могла быть за причина. Надо захватить парочку этих ежей. Христо! Разреши Туарегу провести эту операцию. Ну пожалуйста, Христо!

— Попробуй, Ив, — сказал Вашата.

— Только осторожней! — воскликнул Макс.

Я вначале включил «мыслительный аппарат» Туарега и приказал с величайшей осторожностью взять в «руки» и держать до новой команды два шарика.

— Из тех, что меня облепили? — как-то вяло спросил Туарег.

— Ты понял меня правильно, включаю двигатели. Будь осторожен.

Туарег вздрогнул и неожиданно рухнул на камни, да так, что из микрофона хлынули звон и скрежет.

На экране мы увидели, как в разные стороны раскатились голубоватые шарики и исчезли в трещинах.

— У меня плохо работают рычаги, — сказал Туарег, делая безуспешную попытку подняться.

— А шарики! Ты схватил хоть одного? — спросил Макс.

— Рычаги... плохо... — выдавил из себя робот.

— Ив, проверь у него аккумуляторы, — приказал Вашата.

Я сам уже догадался, что у бедного Туарега что-то случилось с питанием. Индикатор емкости «вечных» батарей показывал совсем ничтожное напряжение тока.

Антон улыбнулся:

— Они высосали из него все электричество. Но каким путем? У него такая надежная изоляция. Ведь он мог целый год без остановок расхаживать по Марсу и заниматься полезной деятельностью.

Макс сказал:

— Надо выйти и посмотреть, в чем там дело, я захвачу контейнер...

— Ни в коем случае! — в голосе командира послышался испуг. — Ты уверен, что они не нападут и на

нас? И не попытаются разрядить аккумуляторы и прогрызть скафандры?

— Да, черт возьми! Ты, как всегда, прав, Христо. Надо на этот раз проявить максимум осторожности, тем более что мы засняли поведение голубых ежей.

— Йив! Вызови Арта! — приказал Вашата.

Как только я включил локатор дальнего обзора, «тень» Арта появилась рядом с Антоном.

— Знаю, голубые шары, — сказал Арт. — Тревожит отсутствие информации?

— Да, Арт, — ответил Вашата. — Что ты знаешь о них?

— Пожиратели энергии.

— Живые существа?

— В той степени, что они существуют.

— Белковые организмы?

— Кристаллическая структура.

— Назначение? — спросил Вашата.

— Поглотители.

— Чего?

— Солнечного света, тепла.

— Для чего?

— Сбор энергии.

— Солнечные аккумуляторы?

— Да.

Макс все время порывался вставить словечко и на этот раз воспользовался наступившей паузой:

— Не проще было бы создать нормальные солнечные батареи?

Арт на это:

— Поздно давать советы, Макс. Вечно Идущие тебя не слышат.

— Да, конечно... все же...

— Тебя окутывает поле неприязни, Макс, — без-

жалостно констатировала тень Арта. — Симптом — бессвязная мысль.

Антон сказал, с трудом скрывая улыбку:

— Интересно будет посмотреть запись этого интервью.

Вашата остановил взглядом раскрывшего было рот Макса и спросил Арта:

— Видимо, функции шаров сложнее, чем у наших солнечных батарей?

— Сложнее, — подтвердил Арт. — Шары могли подниматься над сгущениями водяных паров и там собирать свет.

— И, видимо, в любое время суток, — вставил Антон.

— Вращение планеты не мешало, — подтвердил Арт.

Нам стало ясно назначение голубых шаров, осталось выяснить, почему они напали на Туарега и разрядили его аккумуляторы. На этот вопрос Арт не смог прямо ответить, он только сказал:

— Саморазвивающаяся система.

— Шары могут напасть и на нас? — спросил Вашата.

— Нет.

— Почему?

— У вас оболочка Вечно Идущих.

— Ну конечно, — не выдержал Макс. — Вечно Идущие обезопасили себя, к тому же роботы в те времена были совершенно безвредны. Не так ли, Арт, дружище?

На это Арт ответил:

— Много слов для простой истины.

Тень Арта исчезла так внезапно, что в глазах еще долго стоял его темный силуэт.

Шел второй час ночи. Мы остались в рубке, поче-

му-то подавленные этим, казалось, незначительным событием после всего, что произошло с нами.

Антон сказал:

— Мы только притронулись к их жизни, свершениям. Что же еще скрыто от нас? И почему все-таки они ушли?

Макс все еще был уязвлен замечанием Арта. Он проворчал:

— Поле неприязни! У меня! Надо же придумать!

— Просто они свершили все, что может человек, и устали, — подумал вслух Вашата.

— Нет, они так любили жизнь, — возразил Антон, — что-то случилось... другое.

ВЕЛИКАЯ МИССИЯ

Облако астероидов уходило с нашего пути. Пока мы оставим позади тридцать миллионов километров, впереди космос будет «чист как стеклышко», по выражению Вашаты, «без единой пылинки». Космический центр торопил, и там возникли свои соображения насчет безопасности нашего возвращения. К Солнцу приближалась новая комета, открытая Яном Цирулисом. На памяти человечества впервые это загадочное тело пересекало орбиту Земли, и никто не знал, что оно оставит нам, какие сюрпризы. Мы видели простым глазом левее Юпитера новую яркую звезду, она росла с каждым часом, свет Солнца уже значительно давил на ее газовую оболочку, и за кометой заметно рос светящийся шлейф, скоро он развернется во всем своем пышном блеске, и далекая странница, все ускоряя бег, ринется к Солнцу.

Вашата запретил дальние разведывательные поездки. Теперь все дни уходили на подготовку корабля к отлету. Облачившись в специальные костюмы, Антон и я

осматривали энергосистему корабля. По проекту и предварительным испытаниям запас прочности, надежности атомного двигателя и всех подсобных агрегатов достигал восьмисот процентов. Проверка вначале проводилась «для очистки совести» и по настоящему приказу Космического центра; неожиданно с помощью рентгена и ультразвукового бракера мы обнаружили нарушение структуры титана у двух из шести дюз. Вот когда мы по-настоящему оценили работу Арта по модернизации Туарега. Робот блестяще овладел лазером и не только заварил поврежденное место, но и покрыл все внутренние стороны дюз слоем расплавленного титана взамен сгоревшего.

Закончив ремонт дюз, Туарег надоел напоминаниями, что его миссия производить полезные действия.

— Опять миссия? — сказал Макс. — Теперь понятно, что имеет в виду Арт под этим словом.

— Думаешь, любую деятельность? — спросил Антон.

— Конечно. Лишь бы она была связана с памятью Вечно Идущих. Ну а Туарег попроще — ему нужна только работа.

— По-моему, — сказал Вашата, — Миссия связана с какими-то грандиозными, прямо-таки фантастическими задачами, возложенными на Арта.

Мы обедали. Вашата допил стакан смородинового сока с добавкой набора витаминов всего алфавита и, осторожно поставив стакан, продолжал:

— Уж чего-чего, а терпенья у Арта хватит. Было время у него подзапастись терпением за последние тысячелетия. Мне думается, что он все еще ожидает, вникает в нашу сущность, а вернее — пунктуально выполняет заложенную в него программу. Кажется, здесь речь идет о чем-то необыкновенно важном. Может быть,

у него есть сведения о кораблях, достигших планет других звездных систем.

Макс поморщился:

— Что-то я не особенно верю в их полеты. То, что мы видели на экране с участием Ива и Антона, всего лишь театральное зрелище. Все собрано из определенных компонентов, фон, на котором резвились наши актеры. Чем я больше знакоюсь с культурой Вечно Идущих, тем больше убеждаюсь в ее односторонности. Нет, нет, дайте мне сказать, Антон, подожди, учись терпению у Арта. Именно односторонностью. В смысле направленности на внутренний мир человека...

— Ничего себе односторонность! А техника, наука, — не выдержал Антон, — они умели распылять астероиды. Их литература, искусство. Только говорящие письма чего стоят! Или хотя бы один только Арт или наш Tuareg! А то, чего мы еще не знаем и что предстоит узнать — пусть не нам, скоро сюда прилетят американцы, готовят корабль французы, наша «Заря» ждет старта.

— Ты не дал мне договорить. Именно высочайшим их достижением и было развитие тех сторон личности, которые в нас еще только дремлют.

Их помирил Вашата, сказав:

— Вы не спорите, а дополняете друг друга. Конечно, главное — наше сознание, наши чувства. Вечно Идущие раскрыли себя полностью, познали себя. И может быть, в этом цель существования разумной жизни? Одного из ее циклов? «Познай самого себя» — всегда стояло перед каждым и перед человечеством в целом.

Разговорная сеть у нас никогда не выключалась. Феня в своем зеленом заточении слышал все наши разговоры и нередко вставлял реплики, оживляя беседу, и на этот раз он не преминул повторить одно из изречений Макса:

— Помни, Феникс, что жизнь не орех, раскусить ее не просто. Вот какие делишки, мой друг!

Все засмеялись.

Вашата сказал:

— Феня стал настоящим философом...

— Понятие «философ» не относится к птице, — сказал Арт.

На этот раз его копия не отличалась густотой красок, сквозь нее просвечивали ручки и кнопки. Арт не понимал юмора и относился к игре слов с неодобрением, как к дезинформации. Сделав замечание, Арт, как всегда, прямо перешел к делу:

— Узнаете сегодня все. Еще раз посетите «Холодный дом». Все готово, Ив, Антон, Туарег. Трансляции не будет. Энергия кончается.

Вашата сказал:

— Мы оставляем тебе аккумуляторы.

— Знаю. Оставьте и Туарега, он источает энергию.

— Да, после работы в реакторе он радиоактивен, как урановый стержень. Оставляем, пусть наблюдает за радиомаяками на космодроме.

Арт не ответил, видимо, посчитав, что незачем тратить на это драгоценную энергию, он решил использовать ее продуктивней, высказав зловещее предупреждение:

— Ты летишь без излучателя, уничтожающего метеориты. Вероятность опасности велика. Ты видишь вперед меньше; чем Вечно Идущие. Излучатель прост. Ив и Антон видели действие излучателя, у тебя затемняется экран, ты не видел. Камень может уничтожить ракету. Опять ожидание на Багряной. Могут без излучателя погибнуть многие корабли — опять ожидание. В космосе надо все предвидеть, ошибка — небытие. Космос беспощаден.

— Действительно, у Арта кончается запас энергии, — сказал Вашата.

— Просвечивает, как привидение, — добавил Макс, — и перешел на рубленную фразу. Экономит.

— Мы оставляем ему три вечных аккумулятора, — сказал Вашата. — Ну а теперь одевайтесь, ребята.

Арт исчез, как тусклое изображение на телеэкране.

— Одевайтесь, ребята! — приказал Вашата.

Макс сказал:

— Только там не мямлить. Говорите четко, не глотайте слова, подробно описывайте события и не соглашайтесь на новый спектакль. Пусть все изложит или покажет по-деловому.

— Только деловой аспект, — раздался из репродуктора тихий голос Арта.

Опять мы в большом зале с черным цилиндром. Вся свита Арта заняла места у панелей. Арт и Барбаросса скрылись за черным цилиндром.

Как обычно, засветилась стена-экран. Короткая цветная прелюдия — и перед нами возник совершенно пустой зал с высоким сводчатым потолком, источающим неяркий свет, стены цвета пустыни при восходе солнца, пол темно-фиолетовый, глубокого тона, отражающий стены и потолок. Несмотря на кажущуюся простоту формы и красок, зал производил впечатление необыкновенной торжественности. Никакой мебели. Только пол, стены, потолок и волшебное искусство художников-декораторов.

Зал без окон.

Слева дверь в строгом обрамлении, близком по тону к цвету пола. Единственное украшение — большая картина на противоположной стене. На ней изображена давно знакомая нам девочка, играющая в песочек на берегу Лазурного озера: вода замкнута в овале сиреневых гор.

— Давно мы с ней не встречались, — сказал Антон, — какая прелесть! Ты не находишь, что она очень похожа на Лилиану-Ли?

Действительно, в личике девчушки что-то напоминало Вселяющую радость. Я сказал об этом Антону.

— А я думал, что это кажется только мне. Я во всем нахожу сходство с ней. На каждой фреске.

— Да, они так все похожи... — начал было я.

Антон горячо перебил, противореча самому себе:

— Что ты, что ты, она единственная!

Песок, шурша, сыпался из желтого совочка, образуя золотистый конус. У девочки выбились волосы из-под голубого берета, она подоткнула их и запела, глядя на нас своими необыкновенно большими голубыми глазами. Ее чистый голосок, журча, раздавался под сводами зала. Она помахала рукой, ветер сбил до плеча широкий белый рукав ее кофточки, кожа у нее золотилась, на сгибе синела пульсирующая жилка.

— Здравствуй! Ну посмотри еще на нас! — сказал Антон.

Девочка разметала рукой горку песка и пошла к воде. Остановилась на влажном песке, глядя, как крохотные волны набегают на носки ее голубых сандалий. Резко повернувшись, она побежала по берегу, и скоро ее кофточка превратилась в белое пятно, затем скрылась совсем. Она вернулась из-за противоположного конца рамы и усталая села на песок.

Мы стояли в скафандрах посреди зала, хотя все время хотелось их сбросить и шагнуть на берег озера, схватить на руки девчушку и пробежаться с ней по пляжу.

— Как хочется искупаться, — сказал Антон, — вода, наверное, очень теплая. Рискнем?

Тотчас же в наушниках послышался зловещный голос Макса Зингера:

— Ты в своем уме? Что еще за купанье? Или опять этот бестолковый Арт устраивает спектакль?

— Не волнуйся, — ответил Антон, подмигивая мне. — Мы стоим в каком-то торжественном покое и смотрим на большой портрет девочки с песочком.

— Что же вы все время молчали? Какой был уговор? Что за торжественный зал, кто еще в нем? Кто и что там находится, кроме портрета? Неужели там никого нет, кроме вас? Тогда зачем же Арт привел вас в этот зал? Христо, скажи им! Что они онемели?

— Помолчи, Макс, пожалуйста! — взмолился Антон. Христо сказал:

— Не горячись, Макс. Ребята, у вас все в порядке?

— Все.

— Вот и прекрасно.

— Пусть только не молчат! — простонал Макс.

Я передал ему свои впечатления о помещении и о портрете.

— Давно бы так, — подобрел Макс, — а то вечно вытягиваешь из них каждое слово. Что, я для своих мемуаров записываю? Что, мне больше всех надо? Что, у меня нет нервов?

— Есть. Мы все видим, что есть, — спокойно проговорил Христо.

— Ты оставь этот тон! Ты им скажи, чтобы вели себя как следует. А то все Макс, Макс...

— Товарищ Зингер! — холодно сказал Вашата.

После короткой паузы Макс ответил:

— Да, командир.

— Ни слова больше! Только слушай и страдай молча.

— Есть... — Макс испустил тяжелый вздох.

Двери медленно разошлись в стены, и вдали, в глубине здания, показались люди. Они подходили очень, очень медленно, или нам тогда казались минуты часами;

наконец они вступили в зал, впереди четыре женщины, за ними пятеро мужчин. Они остановились метрах в десяти от нас и, слегка наклонив головы и полузакрыв глаза, находились в таком положении несколько секунд. Затем женщины расступились, вперед вышел уже знакомый нам Великий Стратег в той же темной одежде, с непокрытой головой. Но прежде чем он вышел и мы узнали его, Антон схватил меня за руку: крайней справа в своем темно-сером платье стояла Вселяющая радость. Лицо ее застыло, две скорбные морщинки пролегли от щек к подбородку, она смотрела куда-то поверх нас, потом повернулась к девочке и улыбнулась, все женщины тоже улыбнулись, не проронив ни звука; вот тогда вышел вперед Великий Стратег. Он смотрел на нас, и губы его зашевелились, одновременно раздался знакомый голос Арта, и он сам подошел и стал в отдалении.

— Я, изучивший язык пришельцев со Звезды Надежды, буду передавать мысли Вечно Идущих. Слушайте, что говорит Великий Стратег от имени всех Вечно Идущих.

— Мы поручили существу, созданному нами, несовершенной копии Вечно Идущего, лишенной многих чувств, но хранящей в памяти все, чего мы достигли на своем пути, ждать пришельцев со Звезды Надежды. Он поможет вам узнать нашу историю, покажет, чего мы достигли в пору расцвета и почему усталые сходим со своего пути.

Наши знания велики. Мы завещаем их вам в записях, вещах, во всем, что вы найдете, пройдя через бездну времени, отделяющую нас.

Мы только смутно различаем вас, вы должны быть похожими на нас, как похожи все обладатели высшего разума во Вселенной.

Мы поняли, что разум, рожденный в миллионлетних муках, ищет пути добра и находит их.

Мы знаем, как тяжело одиночество среди звезд.

Мы бесконечно долго ждали вестников из других миров. Никто не пришел. Сами отправлялись на поиски. Тщетно слушали космос. Вокруг бесчисленных солнц вращаются очаги жизни. Как они далеки от нас, что не слышат наш голос. А может быть, вспышка разумной жизни редчайшее явление?

Помните об этом.

Мы оставляем вам многое. Вы будете радоваться Солнцу, пока в каждом не иссякнет инстинкт жизни.

Все достигнутое нами ваше. И свершения, и наши ошибки. Не повторяйте ошибок. Не расточайте сокровищ планеты. Помните о тех, кто идет за вами.

В короткой встрече нельзя рассказать историю народа. Все в записях. Вы узнаете все.

Уходя, мы верим, что нашу Багряную снова окутает одежда облаков, с гор потекут реки, моря наполнятся водой, вновь появятся леса и сады, возродятся наши меньшие братья.

Из долгого сна восстанут Вечно Идущие, более мудрые, более добрые и к себе и к своему дому во Вселенной!

Мы верим! — Великий Стратег повел рукой в сторону девочки на стене, она стояла теперь лицом к нам и, казалось, внимательно слушала, выронив совочек. — Мы верим, — повторил он, — что дитя обретет вторую жизнь, вернется на берег Лазурного озера.

Нестерпимо долго они смотрели на нас, затем, прикрыв веки, чуть наклонили головы. Антон шагнул к Вселяющей радость, но она и все остальные повернулись и медленно направились к двери, а затем стали удаляться по бесконечно длинному коридору. Дверь мед-

ленно закрылась. Девочка опять сыпала из совка песок.

Экран погас. Но я еще видел печальное шествие, слышал мягкие шаги, шелест песка, падающего из совка голубоглазой девочки.

Арт вернул нас к действительности:

— Моя Миссия еще не окончена, — сказал он, — впереди главное. Пока только установлен контакт. Впереди возрождение. Возьмете запись последовательности действий. Главное — воссоздать газовую оболочку, углубления в коре Багряной заполнить водой, в период этих неотложных работ уже появятся растения, семена их хранятся, потом животные. Затем вернутся к жизни Вечно Идущие! Вы все это исполните!

Послышался вздох Макса Зингера и его бормотание:

— Это же... это грандиозно! Вы понимаете...

— Тише! — остановил его Вашата.

Арт, сделав короткую паузу, продолжал:

— Вы подумали: «Сколько надо времени для этого?» Немного меньше мгновенья по часам Вселенной. Багряная совершит всего шесть тысяч оборотов вокруг Солнца, и первый из Вечно Идущих увидит небо!

Теперь идите. Туарег проводит. Потом вернется в «Холодный дом». Будет ждать. Я буду ждать! Барбаросса! Вселяющая радость! — Мне показалось, что голос его дрогнул, а мы считали, что он начисто лишен эмоций.

* * *

В общих чертах вам известно, как проходил наш обратный путь, путь триумфаторов, уготованный всем, кто благополучно возвращается из далекого космоса. В потоке передач по всем каналам как-то затерялся один печальный эпизод, чуть было не повлекший за собой катастрофу, когда метеорит весом около пятидесяти

граммов пробил стенку оранжереи. К счастью, Макс в это время нес вахту в пилотской кабине. Погиб бедный Феникс. Пробоину заварили в тот же час, и к посадке на лунном космодроме у Макса зеленела молодая поросль его удивительных овощей.

Вспоминается еще один вечер — в космосе мы жили по московскому времени, — когда все мы собрались в кухне — единственном месте, где создавалась видимость искусственного тяготения. В кухне можно было осторожно ходить, касаясь пола, сидеть за столом и не бояться, что слишком резкое движение рукой повлечет за собой полет к потолку. Невольно разговор зашел о нашем путешествии в будущее, как всегда, начал Макс:

— Искусство Вечно Идущих, — сказал он, — еще непостижимо сложно для нас. Какие-то проекторы могут завладевать нашим сознанием и включать его в схемы записей, скорее всего пьес, в которых происходит логическое развитие событий в зависимости от характеров персонажей и времени действия. Для нас, то есть для Антона и меня, Арт подобрал одну из записей периода упадка Багряной. Неизбежный конец был еще далеко, но уже чувствовался ужас мрака...

Вашата перебил:

— Ты не прав, Макс. Даже в самое тяжелое время они не приходили в ужас. Это были неиссякаемые оптимисты. Они верили в свое бессмертие. Знали, что на Земле возникнет разум и мы, люди, придем им на помощь. И даже высчитали, пусть с некоторыми погрешностями в ту или другую сторону, что после нашего прилета они снова увидят небо — всего через шесть тысяч лет! Аналогия уже была. По одному из вариантов на создание вселенной и человека бог затратил всего шесть дней.

— Для Арта разницы нет, — сказал я. — Ему что шесть тысяч, что шесть дней.

Макс, малиновый от того, что его перебили, снисходительно поморщился.

— Видите ли. Конечно, планета будет восстановлена, и много быстрее. Меня сейчас не это занимает. Я наблюдаю за Ивом и Антоном и уверен, что участие в космическом спектакле оставило в них глубокий след. И это естественно. Все же, друзья, не следует все принимать всерьез. Скоро и мы на Земле сможем участвовать в подобных пьесах. Мне как врачу все много яснее.

Антон сидел потупясь и, казалось, рассматривал шрам на ладони, оставленный рыболовным крючком еще в далекие студенческие годы, когда мы несли патрульную службу в Большой Лагуне, последнее время я часто заставлял его за этим занятием. Заметив, что за ним наблюдают, он быстро прятал руки в карманы, на этот раз он положил руку на стол, на раскрытой ладони лежала овальная металлическая пластинка в виде медальона с продетой в нее паутинообразной цепочкой. Я вспомнил, как она попала к нему. На пластинке проступили блеклые краски, обозначился овал женского лица. Огромные глаза смотрели вопросительно, с надеждой.

— Какое прекрасное лицо! — сказал Вашата.

— Мда... и ты меня даже не поставил в известность! — заметил Макс. — Откуда это у тебя?

— Подарок в том иллюзорном, как ты считаешь, мире.

— Вселяющая радость! — сказал Вашата.

— Да...

— Разреши, — Макс взял медальон, изображение исчезло. — Ну конечно, опять какой-то фокус.

— Не совсем, — сказал Антон, бережно беря медальон.

И опять на нем проступило трагическое теперь лицо Лилианы-Ли.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
На орбите	7
Посадка	20
Марсианские миражи	29
Кактусята	35
Город над обрывом	41
Свалка мусора	49
Желтое пятно	54
Полет в оранжевых креслах	70
Визит Артаксеркса	81
Туарег в операционной	87
Звучащие письма	94
Синяя тональность	109
Прогулка по Срединному морю	118
Цветы Лима	127
Дворец Великих решений	133
«Подмосковная дача»	150
Великий Стратег	166
И-й-я	179
Курящий робот	193
Возвращение	200
Голубые шары	203
Великая Миссия	210

Жемайтис Сергей Георгиевич

Ж53 Багряная планета. Фантаст. повесть. М., «Молодая гвардия», 1973.

224 с. (Б-ка сов. фантастики), 100 000 экз. 33 к.

В повести рассказывается об экспедиции на Марс, об истории расцвета и гибели могущественной цивилизации, существовавшей на этой далекой загадочной планете. Участники полета на Марс — люди коммунистического будущего, мужественные, готовые прийти на помощь и друг другу, и иной цивилизации.

Повесть затрагивает проблемы космических полетов, бережного отношения к окружающей среде.

Ж ^{0732—265}
~~078(02)—73~~—197—73

P2

Жемайтис Сергей Георгиевич

БАГРЯНАЯ ПЛАНЕТА. Фантаст. повесть. М., «Молодая гвардия», 1973.

224 с. (Б-ка сов. фантастики).

P2

Редактор *С. Михайлова*

Художник *А. Блох*

Художественный редактор *Б. Федотов*

Технический редактор *Н. Носова, Л. Курлыкова*

Корректоры: *К. Пипикова, З. Харитонова*

Сдано в набор 10/V 1973 г. Подписано к печати 25/IX 1973 г. А00566. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 7 (усл. 9,8). Уч.-изд. л. 9,9. Тираж 100 000 экз. Цена 33 коп. Т. П. 1973 г., № 197. Заказ 903.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: Москва, А-30, Сущевская, 21.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

35 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ